Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Krasnyj Archiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Vol. 53.

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
(ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ)

1932

СОЦЭКГИЗ
1932

ПЕРВАЯ
типография Огиза РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
Москва, Валовая, 28.

★

Уполномоченный Главлита № Б-28933.
Тираж 2440 экз. Заказ № 3389.
Сдано в производство 20/IX 1932 г.
Подписано к печати 16/I 1933 г.
Формат 72×105 1/16. Объем 10 1/2 п. л.
В 1 печ. л. 40 000 п. зн.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ и ПЕРСИЯ В ЭПОХУ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

Развивая мысль о необходимости диалектического подхода к явлениям общественной жизни, Ленин еще во время дискуссии о профсоюзах подчеркивал: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения». [1])

Нередко между тем случается, что те или иные исторические схемы, имеющие для известного времени значение лишь определенных рабочих схем, слишком надолго затвердевают в историографии в своем первоначальном элементарном состоянии и, затвердевая, превращаются в препятствие к полному и всестороннему охвату исторического процесса, к его диалектическому пониманию.

Такая опасность заложена, в частности, в той блестящей, приобревшей в нашей историографии почти что права гражданства, схеме, согласно которой вспыхнувший в начале XX века русско-японский конфликт рассматривается, как борьба царской России за обладание проливами. Когда царская Россия набила себе крупную шишку в своих дальне-восточных похождениях, немного передохнув и подкрепившись французскими миллионами, она, согласно этой схемы, вернулась к своим традиционным ближне-восточным занятиям. Англо-русское соглашение 1907 года являлось, согласно той же схемы, лишь «внешним образом» соглашением по средне-азиатским делам, по существу же было размежеванием с Англией по всем азиатским делам и для России означало получение визы на проливы.

Против расширенного понимания значения англо-русского соглашения, разумеется, никто возражать не станет, ибо всем хорошо известно, что одновременно было заключено соглашение с Японией о Манчжурии. Это неоспоримо. Но бесспорно также и то, что низведенная указанной схемой до степени второстепенного «внешнего» фактора средне-азиатская проблема вправе возвысить при этом свой голос и бросить нашей увлеченной блестящею схемою историографии упрек в недостаточно полном охвате исторического процесса.

Недавно вышедший I том III серии «Международных отношений в эпоху империализма», вскрывающий исключительную остроту англо-русских противоречий в персидском вопросе накануне империалистической войны, даже привел некоторых германских

---

[1]) Ленин. Собр. соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 60.

историков к мысли о том, что вся внешняя политика царской России была прежде всего политикой «азиатской». Вопросу об этих противоречиях, вопросу о той самостоятельной политике, которую вел царизм в средне-азиатских делах, уделил, как известно, автор предисловия к тому же тому М. Н. Покровский особенно много внимания. Здесь в области персидских дел, совершенно ясно вырисовывался, по его мнению, тот факт, что «русский империализм», связанный в других районах по рукам и ногам путами международного империализма, «выступал от своего лица» и «бился за свои монополии». [1])

Проводившаяся царизмом накануне войны политика в персидском вопросе, данные о которой могут звучать, как новизна, для читателей I тома, имеет, разумеется, свою длинную историю.

О том, как персидская территория, начиная со времен Петра I, постепенно превращалась в ряд русских губерний, рассказано очень давно. О русско-персидских отношениях первой половины XIX в., о русской средне-азиатской экспансии второй половины того же века читатель найдет немало интересного и в нашей марксистской исторической литературе.

Но история русской политики в Персии и вместе с тем на других участках средне-азиатского фронта, начиная с 90-х годов прошлого века, оказывается в нашей историографии полузабытой страницей. Положение совершенно незаслуженное. Те возможности бесконтрольного хозяйничания русского консульского состава и русского генералитета в Персии, которые открываются перед нами недавно опубликованной дипломатической перепиской, относящейся к 1914 г., являются результатом и плодом всей предшествующей политики царизма в персидском вопросе. Это — достижения, которые дались далеко не сразу. Кой-что из истории предшествующих усилий царизма в этом направлении нам известно уже. Мы теперь знаем о том, как еще в 1879 г. подполковником ген. штаба Домантовичем была впервые сформирована персидская казачья бриагада, действовавшая под инструктажем русских офицеров. [2])

Мы теперь знаем о том, как царское правительство, начиная с 80-х годов, боролось с проникновением в Персию иностранных концессионеров, как в 1890 г. оно заставило шаха принять запрещение всякого железно-дорожного строительства в Персии на 10 лет, и как в 1900 году это «veto» было продолжено на новое десятилетие [3]). Мы знаем о том, что в 1897 году царское правительство учреждает свой Учетно-ссудный банк в Персии, финансирующий русско-персидскую торговлю, успешно борющийся с английским Шахиншахским банком и являющийся исключительно мощным орудием царской политики в Персии. Мы знаем также, что русское правительство в эту пору небезуспешно борется с Англией за займы Персии, как за средство укрепления своего влияния. Мы знаем о тех крупных успехах, каких достигает русская торговля в деле завоевания персидского рынка, даже о том, что русские товары проникают вплоть до Султанабада и Буруджирда,

---

[1]) См. «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, т. I, стр. X—XI.

[2]) См. «Новый восток», 1923 г., № 4, «Очерк развития персидской казачьей бригады», стр. 390—402.

[3]) См. «Международная жизнь», 1924 г., № 4—5, «Страница из истории русской политики в Персии», стр. 133—164.

и даже о том, что в Султанабаде в 1903 г. можно было купить чай только производства русских фирм, получавших его с о. Цейлона и доставлявших его из России в красивых жестяных коробках через Решт на побережье Персидского залива [1]).

Мы знаем, наконец, не только о давней русской инициативе в деле строительства шоссейных дорог и телеграфных линий в Персии, но и о том, что в 1908 г. в российском министерстве ин. дел признается необходимым снять запрет с железнодорожного строительства в Персии и принципиально решается в положительном смысле вопрос о постройке Джульф.-Тавризской железной дороги. Вывоз русского капитала в Персию в форме железно-дорожного строительства относится к тому времени, когда активность русской политики не может вызывать никакого сомнения [2]).

Публикуемый документ — инструкция российского министра ин. дел вновь назначенному русскому посланнику в Тегеране — относится к 1904 году, к моменту, когда перед царским самодержавием уже обнаруживалась вся тяжесть положения, создававшегося для него на Дальнем Востоке, и когда вместе с тем еще не было видно выхода из безнадежной войны. Публикуемая инструкция интересна не только тем, что напоминает о громадной работе, проделанной царской Россией на персидском театре, о крупнейших здесь достижениях русского капитала — она интересна также и тем, что показывает, как в минуту кризиса и военной катастрофы царская Россия ни на шаг не сходит с занятых ею позиций в той области, где, по словам министра ин. дел, «замешаны ее действительные интересы». Публикуемая инструкция является прежде всего свидетельством о том, что работа, затеянная царизмом в Персии, была затеяна всерьез и надолго.

Вот как формулировал руководитель царского дипломатического ведомства основные цели, которые преследовал царизм в персидском вопросе: «... не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего строя... сделать Персию послушным и полезным, т. е. достаточно сильным, орудием в наших руках, — экономически сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов...»

Из директивных указаний, даваемых министром посланнику, читатель составит себе общее представление о том арсенале приемов и методов, какими по плану царского правительства должна была быть завоевана Персия — формы этого завоевания, во всяком случае, существенно разнились от известных форм первоначальной военной экспансии России на Среднем Востоке.

Характеризуя определяющуюся к началу 900-х годов новую «методу русского проникновения в Персию», автор одной из лучших популярных работ по истории англо-русского соперничества в Азии отмечает те «поистине изумительные результаты, к которым привела перемена политики России в отношении Персии... Вместо прежних угроз

[1]) См. Whigham, The Persian problem and examination of the rival positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian gulf, and the Bagdad railway, London, 1903.

[2]) Работы по постройке Джульфа-Тавризской железной дороги начались в 1913 г.

туземной власти, она делала ей самые выгодные предложения и оказывала всяческие услуги... Она проводила в этой стране дороги, организовала для нее регулярные войска, учреждала банки, давала ей взаймы, заводила предприятия, строила набережные — и из всего этого извлекала тройкую выгоду: не прибегала к оружию, демонстрировала свое великодушие и получала от мирных отношений больше прибыли, чем могли бы ей дать вместе взятые война словесная и война с оружием в руках. Эта вновь примененная Россией в Персии метода за немногие годы более сделала для русской торговли и русского престижа, нежели все в течение трех четвертей века усилия дипломатии, опиравшиеся на политику силы и принуждения...» [1]). Не будем слишком строги к слишком увлекающемуся буржуазному историку-публицисту. Напомним о том, что рассматриваемые годы, уже не являются годами господства старого «культурного» капитализма: это были годы крутого перелома в мировой политике нарождающегося империализма, годы первого братанья английского и французского империализма во имя хищнического передела мира.

Симптоматично, что именно в эту пору в английской литературе подвергается критике утвердившийся со времен появления книги Керзона взгляд на южную часть Персии, как на сферу британских интересов, и доказывается мысль о необходимости распространения английского влияния на всю персидскую территорию [2]). Симптоматично, что именно в эту пору во французской журналистике развивается мысль о необходимости для Франции новых колониальных владений [3]).

Во всяком случае ясно одно: к началу XX века, приглядевшись к опыту борьбы своего исконного соперника в персидском вопросе, в том вопросе, с которым русская легкая и прежде всего текстильная промышленность связала жизненные свои интересы, царизм, хотя и с некоторым опозданием, переходил от традиционных элементарных методов физического воздействия к более совершенным и сложным приемам политики, свойственным той эпохе развитого капитализма, когда явственно начинает проявляться роль нарождающегося финансового капитала.

Указывая на «преобладание» в царской России «военного и феодального империализма», Ленин отмечал в то же время, что и в ней «капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии и Монголии». [4])

Касаясь вопроса о характере основных тенденций в персидской политике царизма, мы, разумеется, должны остерегаться того, чтобы не внести в трактовку вопроса перегибов и упрощенчества. По правильному замечанию М. Н. Покровского, нельзя русский капитализм представлять себе, как «одноцветное сукно» [5]). Нельзя таким же образом рисовать себе и его политику, в частности, в средне-азиатских делах.

---

[1]) См. д-р Рупр «Англо-русское соперничество в Азии в XIXв.», стр. 55.

[2]) См. Whigham, op. cit.

[3]) См. Дарси: «100 лет колониального соперничества», журнал «Revue politique et parlementaire», от 10/V 1904 г.

[4]) Ленин, Собр. соч., 1 изд., т. XIII, стр. 99.

[5]) М. Н. Покровский, «Внешняя политика России в XX веке», стр. 10.

В том же самом архивном досье, где хранится публикуемая инструкция, имеется еще ряд документов, относящихся к той же эпохе, но касающихся ряда других, смежных с персидским, вопросов средне-азиатской проблемы. Из этих документов явствует, что к рассматриваемому времени в военном министерстве намечался план переброски войск (сначала в размере одной дивизии) из внутренних губерний в Туркестанский округ и сосредоточения их вблизи афганской границы. «Всемерное развитие нашей военной готовности, — писал в связи с этим министр ин. дел военному министру Сахарову, — в смысле усиления числа войск, скорейшего сооружения стратегических линий, особенно же ныне строющейся Ташкент—Оренбургской жел. дороги, вообще широкой и тщательной подготовки всего Туркестанского округа, является самой насущной потребностью не только в связи с событиями на Дальнем Востоке и возможными осложнениями и последствиями оных в будущем, но и в качестве единственно прочной основы... правильного развития политики нашей в Персии и прилегающих странах в размерах и условиях, сложившихся для нашей деятельности в этой части Азии за последние годы» [1]). Если верно то, что в этот период царизм рассматривал афганский вопрос преимущественно, как «пугало», как средство, дающее возможность в известное время оказывать известное давление на Англию [2]), то во всяком случае, верно и то, что в системе русского военно-феодального империализма находилось немало любителей употребления этого «пугала» и иногда злоупотребления им. Для характеристики настроений русских феодальных элементов в рассматриваемый период, — заметим, период намечающегося англо-русского сближения, — точнее, для характеристики настроений русской военщины, ее политических установок в средне-азиатском вопросе, чрезвычайно показательным является еще один документ, хранящийся в том же досье рядом с составленной в тонах «капитализма новейшего типа» деловой и осторожно «миролюбивой» инструкцией. Мы имеем ввиду письмо министра ин. дел военному министру от 21/IX 1904 года. Письмо это заслуживает того, чтобы привести его полностью.

«Пребывающий в С.-Петербурге великобританский посол, вовсе не имея ввиду придавать сообщению своему официальный характер запроса либо жалобы, тем не менее счел долгом совершенно частным путем довести до моего сведения о двух фактах, которые, по его мнению, могут только создавать препятствия к столь желаемому как русским, так и английским правительствами дружественному сближению.

Первый из этих фактов заключается в следующем: состоящий при вверенном сэру Гардингу посольстве великобританский военный агент Нэпорг, отправляясь путешествовать по России, проездом через Одессу посетил командующего войсками Одесского округа.

«Вы, конечно, не замедлите приехать и в Туркестан?» — спросил его барон Каульбарс. На утвердительный ответ майора Нэпорга командующий войсками довольно раздраженным тоном заметил, что он вообще удивляется тому, с какой

[1]) Архив революции и внешней политики, дело Перс. ст., № 4136, письмо Ламздорфа ген. Сахарову от 16/VIII 1904 г.

[2]) См. «Красный архив», т. X, «Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана», стр. 56.

легкостью наше военное ведомство разрешает англичанам посещать русские средне-азиатские владения; что, если бы от него зависело, то никогда ни один англичанин не проник бы в эти владения.

На просьбу Нэпорга разъяснить ему, почему у генерала составилось такое мнение, барон Каульбарс живо воскликнул: «Да ведь вы все англичане приезжаете к нам в Туркестан, чтобы собирать там все необходимые для вашего правительства сведения, и это нам совсем невыгодно, ввиду предстоящей в скором времени войны между Россией и Англией из-за преобладания в Средней Азии».

Второй случай был в Петербурге, Один из военных агентов иностранного посольства (сэр Гардинг не хотел назвать, какого именно) посетил по делу в главном штабе генерал-майора... [1]) Во время беседы с ним военный агент пристально смотрел на висевшую рядом карту Кореи.

«Напрасно вы присматриваетесь к карте Кореи» — заметил генерал, — «лучше взгляните на эту карту Средней Азии, где мы готовимся вскоре побить англичан».

Замечание это, повидимому, произвело настолько сильное впечатление на иностранного военного агента, что он непосредственно из главного штаба отправился в английское посольство, чтобы осведомиться, в какой степени справедливо известие о предстоящей войне России с Англией, так откровенно переданное ему лицом, занимающим выдающееся положение в военной иерархии.

Сообщая об изложенном для личного сведения вашего превосходительства, не могу со своей стороны не заметить, что при настоящих обстоятельствах представляется крайне неосторожным давать какой-либо повод к неудовольствию со стороны нейтральных держав, сохранение дружественных отношений с коими составляет предмет особой заботы императорского правительства».

Несколько лет спустя военно-феодальные мотивы громко зазвучали и в русской политике в Персии. Это случилось после окончания русско-японской войны и революции, до смерти перепугавшей русскую буржуазию и бросившей ее в объятия феодальной реакции, после образования «политически оформленного, общенационального союза политических организаций помещиков и крупной буржуазии» [2]), после того, как нерешенностью объективных задач революции [3]) для правящих классов актуализировался вопрос о колониальных захватах. Поводом для этого послужило загоревшееся от искры русской революции национально-освободительное движение в Персии. «Что Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров, — писал Ленин в 1908 г., — это понятно, и роль международных палачей не первый раз выпадает на долю христолюбивых российских воинов» [4]).

Что царская Россия занялась в Персии в известной момент привычным ей делом подавления революции, — это Ленин считал в порядке вещей. Известно, что дело «во-

[1]) Пропуск в подлиннике.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 248.
[3]) Там же, стр. 165.
[4]) Там же, т. XI, ч. 1, стр. 98.

дворения порядка» в Персии затянулось на многие годы и в течение всего этого времени прекрасно уживалось с прочими формами проникновения русского капитала в страну.

К 1914 г., как сказано выше, хозяйничанье в стране русского консулата, генералитета и прочих разновидностей представительства русского капитала достигло высокого «военно-феодального» напряжения.

От преподанных в инструкции 1904 г. методов действия мы можем таким образом констатировать к этому времени существенные уклонения.

В нашей исторической науке за последнее время в вопросе о природе русского империализма целый ряд казавшихся ранее неоспоримыми положений был подвергнут разрушительной критике. Вместе с тем было выставлено немало новых положений, порою взаимнопротиворечивых и оставшихся до сих пор спорными. Насколько известно, положение о том, что развитие русского империализма в период 1904—1914 гг. шло по восходящей линии, никем еще не оспаривалось. Будем его считать принятым и доказанным. Тем интереснее констатировать факт возрождения с течением времени в русской политике в Персии старых захватнических методов, методов зуботычин и рукоприкладства. Факт — не только интересный, но и глубоко поучительный. Вспомним, что «политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета» [1]), вспомним, что «финансовый капитал хочет не свободы, а господства» [2], вспомним о происходившем в царской России процессе сращивания финансового капитала с крепостническим государством [3]), вспомним, наконец, о том, что процесс этот сообщал русскому новейшему капитализму специфические черты военно-феодального империализма, что политика царизма в эту пору должна была «отличаться сугубой реакционностью и противоосвободительным характером» [4]).

Говоря о международном значении национально-освободительного движения в Персии и касаясь той полицейской роли, которую брал на себя в этом деле царизм, из «европейского жандарма» превращавшийся в «жандарма азиатского» [5]), Ленин считал необходимым особенно подчеркнуть «явно дружественный нейтралитет», занятый при этом английскою либеральною буржуазией. [6]) Недаром в своей резолюции «о нападении русского правительства на Персию» январская конференция большевиков 1912 г., протестуя «против разбойничьей политики царской шайки, решившей задушить свободу персидского народа», констатировала в то же время, что «всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз российского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного дви-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 323.

[2]) Там же, т. XIII, стр. 302.

[3]) См. выступление М. Н. Покровского по докладу т. Ванага на 1 Всесоюзной конференции о-ва историков-марксистов «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I, стр. 383.

[4]) Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 99.

[5]) Там же, т. XI, ч. 1, стр. 144.

[6]) Там же, стр. 98.

жения азиатской демократии, и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма» [1]). Цитированная резолюция имеет в виду то международное положение, которое создалось после англо-русского соглашения от 18/31 VIII 1907 г. по делам Персии, Афганистана и Тибета. Вопрос о том, против кого это соглашение, как дипломатический акт, было направлено, достаточно ясен и не требует с нашей стороны комментариев. В оценке же этого акта с точки зрения того, что он нес с собою для его контрагентов и как он отразился на их непосредственных интересах в Персии, мы встречаем в литературе существенные расхождения. Если Е. В. Тарле, отражая точку зрения буржуазного либерализма, говорит при этом о «львиной доле в экономическом разделе Персии, доставшейся России» [2]), то Ф. А. Ротштейн склонен рассматривать соглашение, как поставленный России «капкан», как акт, который «связал Россию по рукам и ногам, не дав ей ничего взамен», который Англии «развязал руки не только для борьбы с Германией, но и для дальнейшего укрепления своего влияния как в Персии, так и по остальному Среднему Востоку» [3]).

Публикуемая инструкция, дающая для начала 900-х годов установку русской политики в Персии в развернутом виде, свидетельствует о том, что в ту пору всякие переговоры с Англией по персидским делам считались царским правительством нежелательными по той простой причине, что оно ставило своей задачей — и задачу эту считало вполне реальной — подчинение всей Персии в целом своему безраздельному влиянию. Публикуемая инструкция свидетельствует, следовательно, о том, что непосредственным интересам царизма в персидском вопросе, а вместе с тем его основным в этой области планам англо-русское соглашение наносило явный ущерб.

Публикуемая инструкция представляет, наконец, интерес еще в одном отношении— в отношении того, о чем в ней прямо не говорится. Она датирована сентябрем 1904 г., т. е. она составлялась в то время, когда дела на дальне-восточном фронте, встречавшие сочувствие лишь в одной европейской державе, настолько явно клонились к ущербу, что оставалось надеяться только на не проявившийся еще гений главнокомандующего или на теплые чувства германского императора, обещавшего поддержку в реализации подававшего столь мало надежды плана посылки на Дальний Восток великой балтийской армады. Инструкция эта составлялась после того, как было подписано и опубликовано англо-французское соглашение от 8/IV 1904 г. Даже иностранный обозреватель «Русской мысли» еще до опубликования соглашения, при появлении одних слухов о нем, счел необходимым поздравить тогда же Делькассе с счастливым окончанием искусно веденных переговоров и горячо солидаризировался с высказанною во французских газетах мыслью о том, что министр ин. дел Франции дал французской внешней политике «наиболее разумный толчек с момента заключения союза с Россией» [4]). А еще за год до того российский посланник в Пекине Лессар в своей записке, представленной в министерство ин. дел, намечая те последствия, какие должно иметь осущест-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 232.

[2]) См. Е. Тарле, «Европа в эпоху империализма», стр. 148.

[3]) См. д-р Руир, op. cit, предисловие Ф. А. Ротштейна, стр. 5.

[4]) «Русская мысль», апрель 1904 г. В. Г., «Иностранное обозрение», стр. 275—280.

вление багдадского проекта как для России, так и для Англии, доказывал тождественность интересов этих двух стран перед лицом германской опасности и настаивал на необходимости противопоставить Германии англо-русское соглашение по вопросу о постройке ряда железно-дорожных участков в Средней Азии [1]).

Наложенное царизмом на строительство железных дорог в Персии «veto», обусловленное политически всею совокупностью англо-русских противоречий на Среднем Востоке, автор инструкции сохраняет в неприкосновенности. Но этого мало. Обращает на себя внимание то беспокойство, которое проскальзывает в инструкции в связи с вопросом о строющейся Багдадской железной дороге. И что особенно интересно,— потому что характерно для периода неугасшей еще русско-германской «дружбы», потому что важно для определения степени зависимости русской политики от политики ее временного «друга» или «попутчика», — царское правительство надеется разрешить и этот кардинальный вопрос испытанными мерами саботажа.

Ведя борьбу на два фронта, продолжая традиционное, унаследованное от предыдущего исторического этапа, соперничество с Англией, подготовляясь к борьбе с опасностью германской, накануне своей военной и политической катастрофы, незадолго до своего вступления в Каноссу переговоров с Англией, царское правительство, с твердой убежденностью в исторической правоте своего дела, провозглашало право своего монопольного владения Персией. Мы знаем, что в это же время оно собиралось сделать несколько шагов демонстративного характера в афганском вопросе, что к этому же времени относится предпринятая им небольшая дипломатическая диверсия в вопросе тибетском [2]). Но, если даже допустить, что политический пафос инструкции заключает в себе известную долю преднамеренности, обусловленной необходимостью предохранить российского посланника в Тегеране от всяких возможных и вредных английских попыток воздействия, то и при всем том остается несомненным твердое намерение царизма бороться за свои монополистические позиции в Персии до последней дипломатической возможности.

Нужды нет, что царская Россия была бедна капиталами, что в конечном счете этим экономически обусловливалась необходимость беспримерной в истории запретительной политики царизма в персидском железно-дорожном вопросе. Нужды нет, что Учетно-ссудный банк в Персии являлся филиалом Государственного банка, что дело вывоза русского капитала в Персию возглавлялось, как обычно, и как это имело место в более крупных размерах в Манчжурии — русской казной. Царская Россия, где, по словам Ленина, «страной управляла кучка крупных помещиков во главе с Николаем II в тесном союзе с магнатами финансового капитала» [3]), где, как уже отмечалось, происходило сращивание крепостнического государства с финансовым капиталом, имела прекрасный выход из затруднительного положения: «В Японии и России — говорил по этому поводу Ленин — монополия военной силы, необъятной территории или

---

[1]) Архив революции и внеш. пол., Перс. стол., записка Лессара от 14/IV 1903 г.

[2]) См. «Новый Восток», ст. «Россия и Тибет», № 18, стр. 101—119; № 20—21, стр. 33—54.

[3]) Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 570.

особого удобства грабить инородцев... отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала».

Вопрос о ходе событий, приведших царскую Россию к продолжению и углублению только что закончившихся англо-французских переговоров, а вместе с тем к сдаче ею своих средне-азиатских позиций и одновременному вхождению в состав Антанты в качестве третьего члена ее, ждет тщательного документального освещения, как часть большой проблемы зарождения Антанты.

Сейчас мы только замегим, что тот удельный вес, какой принадлежал персидской проблеме во всей системе царской внешней политики, и та роль, какую он играл в большой проблеме Антанты, с необходимостью требует включения его даже в ту историческую схему, которая стремится найти кратчайшее расстояние от Константинополя до Порт-Артура.

Игнорирование персидской проблемы ведет к затушевыванию той самостоятельной роли русского империализма, которая с особенной выразительностью проявляется в истории царской политики, именно, на Среднем Востоке, и , именно, в предъантантовский период.

Удельный вес персидской проблемы в системе царской внешней политики доантанговской эпохи должен быть восстановлен во всем его историческом значении. К вопросу о значении персидской проблемы для последующего периода, как отмечено выше, наша историография уже проявила повышенный интерес.

Сейчас мы только скажем, что в дальнейшем все свое дело закабаления и ограбления Персии царизму приходилось осуществлять уже не самостоятельно, но по согласованию с английским империализмом, охотно предоставлявшим царизму в известные моменты роль вышибалы, но все более сужавшим размах его работы.

Заостряя внимание на вопросе поднимавшегося на Востоке национально-освободительного движения, Ленин в октябре 1908 г. писал: «Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав против растущего демократизма в Азии». И тогда же он намечал первую, стоящую перед революционным пролетариатом задачу: «Сорвать маску с игры дипломатов всех стран и показать наглядно, воочию, все факты, свидетельствующие о подлой роли всех союзных держав, всех одинаково, как непосредственных выполнителей функций жандарма, так и пособников, друзей, финансистов этого жандарма» [1]).

Когда, после Октябрьской революции, разоблаченный до-гола царизм потерял всякую возможность составления каких бы то ни было инструкций по персидским делам, быстро разоблачать себя стал и английский империализм, пытавшийся монополизировать дело ограбления персидских трудящихся масс. А вместе с тем не мог не пойти «семимильными шагами» [2]) вперед и процесс разоблачения всей системы мирового им-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 139 и 145.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 393.

периализма, держащего в кабале колониальные и полуколониальные народы Востока. Начавшееся прежде всего под британской короной решительное загнивание мирового капитализма ведет к дальнейшему ускорению и логическому завершению этого процесса.

А. Попов.

Инструкция А. Н. Шпейеру [1]).

30 сентября (13 октября) 1904 г.

Секретно.

М. г. Алексей Николаевич,

Высочайшим доверием государя императора вы призваны на ответственный пост российского чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе его величества шаха. Предшествующая служба ваша в Тегеране и ознакомление с дипломатической перепиской последних лет по делам Персии в существенной мере облегчат вам разработку и посильное разрешение главнейших, связанных с жизненными интересами нашими в стране этой вопросов, последовательному обзору коих посвящена настоящая инструкция.

Многосложная деятельность императорского представителя в Персии связана ныне с особыми трудностями в зависимости не столько от местных условий, сколько от общего политического положения. Война, возникшая на Дальнем Востоке, и затруднения, переживаемые Россией, не могли не отразиться в Персии и сказались прежде всего усиленной агитацией враждебных и соперничающих с нами элементов, старавшихся, не разбирая средств, всячески преувеличить постигшие нас неудачи и доказать персианам, что великий северный сосед потерял для них всякое значение.

Для борьбы с распространявшимися заведомо ложными слухами в Тегеране была организована доставка и распространение телеграмм торгового-телеграфного агентства, стоящего в зависимости от министерства иностранных дел, и принят ряд других мер при посредстве российских консульских учреждений. Одновременно министерство иностранных дел, как в указаниях своих миссии в Тегеране, так и в сношениях с другими ведомствами по персидским делам, неуклонно придерживалось того основного принципа, что Россия не может и не должна итти назад и отказываться от активной деятельности там, где замешаны ее действительные интересы, особливо, когда намеченные цели частью уже были достигнуты. В результате персидское правительство не замедлило убедиться в отсутствии каких бы то ни было

[1]) Архив революции и внешней политики, фонд мин. ин. дел, Персидский стол, дело № 4136.

перемен на почве отношений России к Персии даже в вопросах финансовых, так как оно получило возможность воспользоваться минувшей весной нашей денежной помощью на неотложные бюджетные надобности.

Наконец, благодаря сделанным в Лондоне представлениям, и быть может, в связи с некоторыми военными мерами предосторожности, принятыми в Средней Азии, великобританский посланник в Тегеране, стоявший во главе резко направленной против России агитации, значительно переменил и смягчил свой образ действий.

Вполне признавая значение результатов, достигнутых спокойной твердостью и последовательностью нашей политики, которых, само собой разумеется, нам надлежит неукоснительно придерживаться и впредь, — с другой стороны, твердо уповая на то, что с помощью божьей дальнейшее развитие окончания военных действий в полной мере восстановит престиж России повсеместно в Персии, нельзя не считаться с одним неблагоприятным явлением, более или менее длительного характера, а именно — с известным стеснением нашей свободы действий по причинам как политическим, так и финансовым, которое может задержать правильное развитие преследуемых нами целей. Допуская вероятие попыток прежде всего со стороны Англии использовать это обстоятельство к своей выгоде и точно не зная заранее, в каком направлении таковые будут осуществляться при настоящих политических обстоятельствах, я полагаю необходимым, для ближайшего выяснения характера вашей деятельности в Тегеране, прежде всего остановиться на общих началах русской политики в Персии.

Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целость и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя. Другими словами, наша задача — политически сделать Персию послушным и полезным, то-есть достаточно сильным, орудием в наших руках, экономически — сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов, причем тесное соотношение и взаимодействие политических и экономических результатов, уже достигнутых нами, создаст ту прочную почву, на которой мы должны развивать плодотворную деятельность нашу в Персии.

Задача эта, сама по себе не легкая и достижение которой возможно лишь современем, затрудняется еще необходимостью вести упорную борьбу с Англией — нашим всегдашним политическим соперником на почве Азиатского материка. Борьба эта велась неустанно со времени заключения Туркманчайского договора. [1]) Два момента из этой борьбы, а именно так называемые «соглашения» 1834 и 1888 гг., служат поныне предметом постоянных ссылок со стороны англичан, которые стараются на их основании определить взаимные отношения наши в Персии. Вам хорошо известно, что в обоих случаях дело сводилось к заверениям, сделанным как с той, так и с другой стороны совершенно добровольно и относившимся к обстоятельствам данной минуты.

В 1834 г. вопрос шел о выборе наследника шахского престола между несколькими соперничавшими кандидатами и об очищении от русских войск занятых в обеспечение уплаты контрибуции персидских областей, причем как Англия, так и Россия заявили о своем намерении уважать целость и неприкосновенность персидской территории [2]).

В 1888 г, мы подтвердили этот последний пункт, с другой стороны присоединились к пожеланию лондонского кабинета избегать политики антагонизма в вопросе обоюдных торговых интересов в Персии и [3]), наконец, категорически отклонили вмешательство англичан в Хоросанское разграничение.

Не касаясь в подробностях обстоятельств, сопровождавших переговоры 1834 и 1888 гг., почитаю долгом выяснить, что в обоих случаях, с точки зрения императорского правительства, центром тяжести вопроса было установление принципа неприкосновенности персидских владений; всякое же распространительное толкование происшедшего обмена мнений и попытки либо придать ему общее значение, в смысле некоторого condominium'a России и Англии в Персии, либо географического определения обоюдных сфер влияния, само собой ра-

[1]) По мирному договору между Россией и Персией, заключенному 10/22 февр. 1828 г. в Туркманчае, Россией отторгались от Персии ханства Эриванское и Нахичеванское. Вместе с тем договором предусматривалась свобода плавания для русских военных и торговых судов по Каспийскому морю. Договор устанавливал также порядок русско-персидской торговли, который в дальнейшем продолжал сохранять свою силу до заключения русско-персидского торгового договора в 1891 г.

[2]) Соглашением с Россией 1834 г., подтверждавшим неприкосновенность персидской государственной территории, Англия стремилась гарантировать себя от опасности русской экспансии к побережью Персидского залива, в районе которого в последующие годы она проводит энергичную политику «мирного проникновения».

[3]) По тексту маркиза Салисбюри: «fully in accord... as to the desirability of avoiding a policy of antagonism in the question of commercial interests of England and Russia in Persia». (Прим. в подлиннике).

зумеется, являлись коренным нарушением вышеуказанной главной задачи нашей и потому ни в каком случае не могли быть допущены. Не следует упускать из виду, что заявления, сделанные нами в 1888 г., отнюдь не служили заключительным словом, а лишь отдельным звеном в целом ряде переговоров с англичанами, не приведших к положительным результатам, — самый же запрос Англии, вызвавший наше заявление, был сделан, повидимому, по наущению шаха Наср-эд-Дина [1]), опасавшегося захватов с нашей стороны в Хоросане. Что англичане сами не в состоянии были придать желательного им толкования происшедшему в 1888 г. обмену мнений, лучшим тому доказательством служит усиленная деятельность их в Персии, начавшаяся непосредственно после 1888 г. [2]), главным выразителем коей был известный сэр Друммонд Вольф. Все старания этого государственного деятеля вовлечь Россию в определенное соглашение с Англией по персидским делам не имели и не могли иметь успеха по причинам, изложенным выше и лежавшим в основе исконной русской политики. Ныне, по прошествии почти 15 лет, можно сказать, что лихорадочная погоня за всякими концессиями и правами, которой англичане, вопреки собственным заявлениям 1888 г., старались возместить свою неудачу и обеспечить себе преобладающее положение в большей части Персии, также не привели к намеченной цели. Как на главное средство для быстрого насаждения английского влияния рассчитывали на железные дороги, но постройка их была отложена сначала до 1900 года, затем до 1910 года [3]). Иные предприятия, как,

[1]) Царствование Наср-эд-Дина относится к периоду 1848—1896 гг.

[2]) В 1888 г. Англия добивается от персидского правительства предоставления «Новому лондонскому восточному банку» права выпуска банковых билетов и производства своих операций в главнейших городах Персии. В 1889 г. основывается «Имперский персидский банк» («Шахиншахский»), сливающийся с «Лондонским восточным банком», сосредоточивающий в своих руках поставку серебра для персидского монетного двора и приобретающий роль крупного орудия английской политики в Персии. В 1888 г. Англия добивается открытия судоходства по реке Каруну, имеющей для Иранского плоскогорья большое торговое значение. В 1890 г. Английский банк приобретает транспортную концессию (братьев Линч) с правом постройки шоссейных дорог Тегеран — Ахваз и Буруджирд — Исфагань. В 1901 г. австралийцем д-Арси приобретается нефтяная концессия, превращающаяся впоследствии в гигантскую англо-персидскую нефтяную компанию («Anglo Persian Oil C°»). К 1902 г. относится заключение новой англо-персидской конвенции для установления телеграфной сети между Европой и Индией, что давало Англии возможность иметь в центре Персии свои учреждения и своих агентов.

[3]) Вопрос о приступе к жел.-дорожному строительству в Персии обсуждался на заседании Особого совещания 4/16 февраля 1890 г. и был решен в отрицательном смысле. В соответствии с этим мин-вом ин. дел была дана директива российскому посланнику в Тегеране Бюцову добиться от шаха обязательства не выда-

например, табачная монополия [1]), потерпели полную неудачу, другие либо остались неиспользованными, либо, как плавание по Каруну, не дали ожидавшихся выгод. Даже вполне жизнеспособное учреждение, Шахиншахский банк [2]) не выдержал серьезно конкуренции русского банка [3]), как только последняя возникла, и мог до известной степени удержать свое положение лишь в силу совершенно исключительных, предоставленных ему, преимуществ, особенно по выпуску бумажных денег.

С другой стороны, благодаря целому ряду принятых нами мер, по преимуществу экономического и финансового характера, к которым я буду еще иметь случай подробно вернуться в настоящей инструкции, положение России за последние годы не только значительно упрочилось в Северной Персии, но нам удалось стать твердой ногой также и на Персидском заливе [4]).

Достигнутые нами успехи во владениях шаха, наряду с затруднениями нашими на Дальнем Востоке, естественно, могут побудить Англию к развитию своей активной политики в Персии, на что уже имеются, как сказано выше, различные указания. Нам, конечно, нет оснований преднамеренно обострять существующий в Азии между Россией и Англией антагонизм, но, если будут сделаны попытки связать Россию каким-либо непосредственным соглашением специально по персидским делам, то вся только что изложенная в общих чертах предшествующая политика наша в Персии вполне определенно ука-

---

вать никому никаких железнодорожных концессий втечение 10 лет, т. е. до 1900 г. 27/X—8/XI 1890 г. шах подписал требуемое обязательство. Заинтересованная в сохранении буферной роли Персии Англия отнеслась сочувственно к наложению запрета на железнодорожное строительство в Персии. В 1899 г. шах выдал русскому правительству новое собственноручное обязательство о продлении запретного срока до 1910 г. Выдачею этого обязательства было обусловлено предоставление Россией Персии займа.

[1]) К 1890—1892 гг. относится неудачная попытка персидского правительства установить табачную монополию (наподобие турецкой) путем передачи всего сбора табака и торговли им в концессию английскому предпринимателю.

[2]) См. прим. 2 к стр. 16.

[3]) «Учетно-ссудный банк Персии» открыт в 1897 г. по концессии 1895 г. Имел отделения в Джульфе, Энзели, Исфагани, Казвине, Мешеде, Нустретабаде, Реште, Тавризе, Тегеране, Барфруше, Хамадане, Керманшахе, Себзеваре и Урмии. Широко распространив район своей деятельности, приобретая концессии, реализуя русские займы и финансируя русско-персидскую торговлю, банк являлся одним из главнейших орудий царской политики в Персии.

[4]) Следует иметь в виду установление пароходных рейсов между портами Черного моря и Персидского залива, а также учреждение генеральных консульств в Басре и Бушире, где содержался особый казачий отряд и имело постоянную стоянку русское военное судно.

зывает нам единственный возможный в подобном случае путь, которого нам оставалось бы только неуклонно держаться, под опасением при ином способе действий коренным образом нарушить основные наши задачи. Не следует упускать из виду, что один факт вступления в переговоры с Великобританией может причинить очень серьезный вред, подорвав доверие к России, которое мы, несомненно, сумели внушить персианам, тогда как при настоящем отношении шаха и его правительства к Англии последняя в области доверия ничем не рискует.

Если старания англичан будут направлены на получение новых концессий, прав и преимуществ, то для противодействия в этом отношении мы можем опираться не только на значительно упрочившееся по сравнению с 1888 г. положение наше в Тегеране, но и на целый ряд ограничительных обязательств шахского правительства, подробно указанных в инструкциях предместникам вашим т. с. Аргиропуло и д. с. с. Власову, в силу коих выдача всевозможных концессий частью прямо запрещена, частью значительно затруднена, и которые подтверждены были в самое последнее время (июль 1904 г.) циркуляром Мушируд- Доулэ [1]) миссиям в Тегеране. Что касается менее важных текущих вопросов, где сталкиваются наши и английские интересы, то последовательное и твердое отстаивание преследуемых целей не замедлит, по бывшим примерам, доказать как персам, так и англичанам неослабное внимание наше к защите своих прав и обеспечить за ними таковые в более или менее продолжительный срок.

Наконец, на крайний случай каких-либо агрессивных мер со стороны англичан в Сеистане, где за последние годы деятельность их приобрела особенно активный характер, нами принимаются меры военной предосторожности в Средней Азии, дабы быть готовыми ко всяким случайностям.

Переходя к непосредственным отношениям нашим с Персией, и прежде всего к Каджарской династии, следует указать, что личное значение Музаффер-эд-Дина за восьмилетнее его царствование успело вполне выясниться. Слабовольный и подтачиваемый болезнью, всецело поглощенный заботами о личном своем благополучии, проявляя участие в делах правления лишь редкими порывами, царствующий шах однако в значительно большей степени, чем его покойный отец, проявил последовательность и верность в стремлении снискать благорасположение России, сознавая, что в затруднительных обстоятельствах он может рассчитывать только на нашу помощь. Внутри страны и даже среди собственной семьи шаху не удалось поднять особенно

[1]) Министр ин. дел Персии, один из крупнейших персидских феодалов.

высоко свою власть. Сказалось это между прочим в том значении, которое за последнее время вновь приобрел принц Зилли-Султан [1]), сохранивший, несмотря на немилость, постигшую его в последние годы жизни Наср-эд-Дина, значительные денежные средства и при помощи их сильную партию среди персидского духовенства. Поведение Зилли-Султана, прибывшего минувшей весной в Тегеран на совещание губернаторов и пользовавшегося демонстративным покровительством английского посланника, казалось настолько подозрительным, что императорская миссия в связи с полученными затем тревожными сведениями о состоянии здоровья шаха, признала нужным заблаговременно выработать, по соглашению с командиром персидской казачьей бригады, полковником Чернозубовым [2]), те меры, которые должны быть приняты на случай смерти Музаффер-эд-Дина в видах беспрепятственного перехода власти к велиагду, правителю Азербайджана, Мохаммеду Али мирза. Оставаясь на законной почве, то-есть признавая его наследником престола и содействуя тому самому лицу, которое шах при жизни сам назначил, мы побудим, вероятно, и Великобританию воздержаться от происков в пользу других претендентов и сделаем зависящее от нас, дабы избежать осложнений и междоусобий в Персии, ныне более чем когда-либо нежелательных и опасных. Помимо того велиагд является для нас наиболее подходящим кандидатом на престол, ибо в Тавризе он не только доказал неизменное внимание свое к столь значительным в Азербайджане интересам России, но и проявил заметную склонность ко всему русскому, изучив даже при содействии приближенного своего учителя, г. Шапшала [3]), в достаточной степени русский язык. Вследствие сего и принимая в расчет будущее, императорское правительство со своей стороны старалось установить наилучшие отношения с наследником персидского престола и минувшей весной содействовало ликвидации и сосредоточению на более льготных условиях в Учетно-ссудном банке

---

[1]) Принц Каджарской династии, старший брат Музаффер-эд-Дина, губернатор Исфагани, сторонник английской ориентации.

[2]) Персидская казачья бригада была образована в 1897 г. по контракту, заключенному шахским правительством с подполковником русского генерального штаба А. И. Домантовичем. Первоначально бригада была сформирована из иррегулярной кавалерии мухаджир. Инструкторами состояли русские офицеры. Полковник Чернозубов был назначен начальником бригады в 1903 г. Персидская казачья бригада сыграла впоследствии, под командованием полк. Ляхова крупнейшую роль в персидском революционном движении: с ее помощью был разогнан первый меджлис; в дальнейших событиях, находясь под командованием то русских, то английских, то персидских офицеров, она продолжала играть ту же ярко реакционную роль.

[3]) Позднее состоял в штатах российского м-ва ин. дел.

всех долговых обязательств великагда, гарантировав ему одновременно секретным соглашением немедленную выдачу соответствующей ссуды на случай чрезвычайных событий и необходимости экстренно выехать из Тавриза.

Заботы об охранении авторитета законной власти являются постоянным стремлением нашим не только в вопросе династическом, но и в отношении органов центрального управления в Тегеране. Достаточно сильное и устойчивое правительство, без которого немыслимы плодотворные и надежные политические сношения, обеспечивает нас от смут и неурядиц Персии и сохраняет в должном подчинении и зависимости те окраины, расшатать связь коих с центром особенно стараются англичане. Тщательно избегая столкновений и обострения в области непосредственных отношений между Россией и Великобританией, мы сделали одним из главных приемов нашей политики противодействие происках англичан чрез посредство шахского правительства, ставя ему на вид собственные интересы и выгоды Персии.

На совокупности всех вышеизложенных разнообразных причин основывается стремление наше поддерживать тегеранское правительство и стоящее во главе его ответственное лицо — кто бы оно ни было, лишь не прямой противник России. Не следуя примеру англичан и избегая несоответствующих общим нашим задачам интриг за или против данного государственного деятеля, мы продолжали при преемнике Атабек-Азама, Везири-Азаме, оказывать сему последнему нашу поддержку, тем более, что родство его с шахом и энергичный характер давали нам основания видеть в его управлении элементы устойчивости, имеющие для нас столь важное значение. С этой точки зрения, в случае, если оправдаются возникшие за последнее время слухи о возможной отставке принца Эйн-уд-Доулэ [1]), возвращение на пост первого министра Атабек-Азама — единственного, повидимому, серьезного кандидата — явилось бы и для нас наиболее желательным исходом, ввиду его авторитета, государственного опыта и главное — ясного понимания того значения, которое ныне принадлежит нам в персидских делах.

Вашему превосходительству известно, что в ноябре 1902 г., незадолго до отказа своего от власти, Атабек-Азам высказал покойному д. с. с. Власову глубокое убеждение в неизбежности для Персии при современном положении дел искать союза с Россией и зондировал нашего представителя по этому вопросу. В подобном союзе, правильно поставленном, конечно, нельзя не усмотреть того последнего шага, который всецело и окончательно обеспечит нам достижение наших основных целей, и потому мысль эта в принципе удостоилась высочай-

[1]) Премьер-министр и министр вн. дел Персии в рассматриваемое время, сторонник английской ориентации.

шего одобрения государя императора; практически однако осуществление союза представлялось преждевременным, главным образом на том основании, что по соседству с персидскими границами мы не располагали еще достаточно внушительными силами, которые обеспечивали бы отдаленные южные области Персии от всяких посягательств и, следовательно, освобождали бы от риска наши союзные обязательства. Вследствие сего, не уклоняясь от сделанного Атабек-Азамом предложения, мы ограничились предварительными объяснениями, не приведшими к определенным результатам, ибо первый министр, видимо, сам сознавал близость своего падения.

Продолжая постепенно усиливать свое положение сооружением Ташкент-Оренбургской железной дороги и другими специально военными мерами, мы ныне, по соображениям общеполитического характера, приступили к усилению наших войск в Средней Азии, руководствуясь при этом однако и требованиями нашего положения в Персии, покоящегося, конечно, в основе своей на тех силах, коими мы можем его отстаивать. В самом деле, допуская даже, что Атабек-Азам, выступив с предложением союза, желал отчасти упрочить свое личное пошатнувшееся положение, мысль его лишь отвечала постепенно назревавшим жизненным требованиям и опиралась на прочные, реальные основания, которые мы в дальнейшем ходе событий не могли не принять в расчет, тем более, что усиливавшаяся активная политика Великобритании ускоряла наши решения на этом пути. Отметив как явление симптоматическое предложение о помощи, сделанное нам шахом после начала русско-японской войны, следует упомянуть, что со своей стороны мы делали все от нас зависящее, чтобы поддержать в его величестве уверенность в неизменном расположении России; когда же минувшей весной происки английского посланника в Тегеране дошли до угроз насильственными мерами, шаху было заявлено, что императорское правительство попрежнему стоит на страже неприкосновенности его территории.

Настоящая политическая минута, конечно, не представляется достаточно благоприятной для заключения союза с шахским правительством; к тому же общие мероприятия по упрочению нашего положения в этой части Азии еще далеко не доведены до конца, — вследствие сего, не касаясь ныне тех окончательных форм, в коих могло бы быть установлено более тесное единение между Россией и Персией, поручаю вам самую мысль об оном положить в основу предстоящей вам деятельности. Благоприятную почву для подготовительной работы в этом направлении вы найдете как во многих слабых сторонах внутренней жизни Персии, так и в необеспеченности ее от внешних опасностей.

Яркий пример органического, основанного на разнообразных и глубоких причинах, стремления к сближению с Россией, ради ее помощи и защиты, при котором Персия, естественно, должна все более и более подпадать нашему влиянию, являет собой возбужденный в самое последнее время Везири-Азамом вопрос о реформировании русскими инструкторами, при денежном содействии — ссуде нашего банка, некоторых частей персидских войск, настоятельно необходимых для поддержания авторитета центральной власти как внутри страны, так и в тех пограничных округах, связь коих с Тегераном заметно ослабевает. План первого министра шаха требует подробного секретного соглашения и, будучи, по существу, повторением лишь в более узкой форме мыслей его предшественника, возник вполне естественным путем, ибо, с одной стороны, персидские финансы находятся в значительной зависимости от принятых перед Россией обязательств, а с другой — единственная надежная сила Персии, казачья бригада, создана трудами русских офицеров.

Хотя план этот имеет и для нас громадное политическое значение, ибо им устраняется единственная серьезная опасность со стороны англичан в Персии — возбуждение смут для вмешательства и захватов в те моменты, когда наша свобода действий оказалась бы чем-нибудь связанной, — однако вопрос, возбужденный Везири-Азамом не вышел еще из стадии предварительного изучения; министерства иностранных дел и военное, каждое с точки зрения своей специальной компетенции, признали благоприятное разрешение оного крайне желательным; с министерством же финансов пока еще не достигнуто соглашения.

Если затруднения денежного свойства задержат развитие вопроса о русских инструкторах, то последний, отвечая, повидимому, назревшей потребности, может вновь возникнуть в более или менее близком будущем. Осуществление означенной мысли, по мнению моему, вполне достижимо даже в настоящее время при соблюдении надлежащей осторожности, а именно — командируя русских офицеров постепенно, сначала в один пункт, расположенный ближе к нашей границе, затем через известный срок в другой и так далее, избегая всего, что могло бы придать этой командировке характер общей реорганизации и увеличения численности персидской армии, и наконец, по примеру персидской казачьей бригады, отправляя обученные части под командой одних персидских офицеров в те области, где присутствие их в данный момент было бы наиболее необходимо. Более широкая постановка дела, не отвечая плохому состоянию персидских финансов, могла бы представить неудобства внутреннего и внешнего свойства, а с другой стороны не соответствовала бы нашим собственным ин-

тересам, ибо вообще в вопросе о всяких коренных реформах, — если бы в Персии нашлись, вопреки ожиданиям, необходимые на то средства и правительство, способное провести их, — наша цель вовсе не сводится к тому, чтобы итти, по меньшей мере, на неизвестное и брать на себя активную роль в заботах о полном возрождении этой страны. Не только подобная задача, но всякое прямое вмешательство во внутренние персидские дела вызовет неминуемо против нас ненависть населения, нанесет существенный вред нашим интересам и, создав неожиданные осложнения международного характера, может послужить серьезным препятствием к достижению наших непосредственных целей.

Переходя к обзору главнейших текущих дел и останавливаясь прежде всего на пограничных отношениях, считаю долгом указать, что в общем руководстве оными мы стремимся сочетать исконное благорасположение к Персии с твердой защитой наших законных прав. В Закавказском крае постоянные разбои и нарушения границы со стороны азербайджанцев в высшей степени неблагоприятно отзывались на порядке и спокойствии наших собственных владений, вследствие чего, высочайше утвержденными 2 декабря 1894 г. и дополненными 27 июля 1903 г. правилами, чинам пограничной и охранной стражи предоставлено переходить персидскую границу при преследовании разбойников и продолжать таковое до полного уничтожения шайки, принимая одновременно требуемые военными условиями меры против местных жителей, виновных в укрывательстве бежавших преступников. Изложенная крайняя мера хотя и вполне отправдывается совершенно ненормальным положением на границе и бесплодностью всех наших представлений шахскому правительству, объяснимою отчасти полным его бессилием, отчасти всегдашним расположением Каджарской династии к родственным азербайджанским племенам, — не замедлила вызвать недоразумения с Персией в виду карательной экспедиции, предпринятой в минувшем декабре отрядом пограничной стражи на персидское селение Таджикент. В уважение к представлениям персиан императорское правительство приостановило в марте 1904 г. действие упомянутых правил, но затем, получив подробные донесения о всех обстоятельствах дела, отменило назначение смешанной комиссии для расследования таджикентского инцидента и одновременно, в виду возобновившихся на границе разбоев, поручило поверенному в делах в Тегеране вновь войти в переговоры по существу вопроса, указав персидским министрам, что, не усматривая практической пользы от проявленной уступчивости, мы вынуждены будем восстановить в силе правила 1903 г., если не убедимся в искреннем желании Персии итти нам навстречу в стараниях наших установить порядок на Закавказской границе.

В дальнейшем ведении настоящего дела вам надлежит руководствоваться изложенным заявлением и стараться склонить персидское правительство к принятию со своей стороны мер для обуздания разбоев, быть может, даже, в крайнем случае, совместно с нами и при известной помощи с нашей стороны, если этим путем или иными средствами, которые, быть может, вы изыщете на месте, удалось бы избегнуть крупных мер, всегда нежелательных, но часто вынужденных и неизбежных.

Другой беспокойный элемент — туркмены на Закаспийской границе в последнее время гораздо более, чем нам, причиняли хлопот персидскому правительству, которое вынуждено было предпринять военные экзекуции в кочевьях непокорных племен, особенно джафарбайцев, противившихся открытию на своей территории персидской таможни. Руководствуясь принципом полного невмешательства во внутренние дела Персии, особенно в таком вопросе, который мог отразиться на спокойствии туркмен русскоподданных, министерства иностранных дел и военное пришли в июне с. г. к соглашению об образе действий, коего нам впредь надлежит держаться, а именно уклоняться от принятия туркмен в русское подданство, не препятствуя однако временному переходу их в наши пределы, под условием соблюдения полного порядка и воздержания от набегов на персидские поселения.

Еще один вопрос — об армянской агитации, имеющий также и общее значение, ибо пропаганда эта проникла даже в Тегеран и явно сказалась там за последнее время в крайне враждебной России форме, находится в тесной связи с пограничными делами, так как движение это, несомненно, проникает в Персию из русских пределов, главным образом через Решт, хотя в сем последнем городе видным его поборником является английский нештатный консул Черчилль. По сему поводу признаю необходимым прежде всего привлечь ваше внимание на своевременность установления более правильного и широкого наблюдения за начавшимся в Персии армянским движением при посредстве наших консульских учреждений, а равно других учреждений и лиц, к содействию коих императорская миссия может прибегнуть. Этим путем надлежит получить недостающие нам ныне точные сведения о целях, средствах, способах действия, связях и организации армянской пропаганды в Персии, для принятия нужных мер пресечения в прилежащих русских областях. Что касается борьбы с нею в пределах самой Персии, то вопрос требует тщательного изучения, к коему вам следует ныне же приступить по прибытии на место служения. В принципе нам, конечно, следует избегать обострения отношений, так как армяне являются полезным проводником нашего экономиче-

ского влияния и посредником в торговле; вместе с тем, казалось бы, на основании имеющихся пока сведений, что многочисленный, зажиточный элемент среди русскоподданных армян, часто занимающих почетные должности в русских колониях и материально заинтересованных в связанных с нашим покровительством преимуществах, едва ли относится сочувственно к пропаганде, которая основана на отвлеченных для него политических мечтаниях и представляет вместе с тем осязательные невыгоды и опасности. Быть может, (на этой почве), при надлежащем такте и умении, удалось бы создать серьезную преграду деятельности агитаторов. Что касается возможного содействия нам со стороны персидского правительства или отдельных персидских властей, то этот щекотливый вопрос требует самого осторожного обращения и предварительного точного установления, насколько столь неудобная нам армянская пропаганда содержит в себе опасные и нежелательные для Персии элементы.

Положение дел на границе владений шаха с Афганистаном и Белуджистаном имеет для нас менее важное политическое значение, чем непосредственные пограничные вопросы между Россией и Персией, ибо в восточном районе деятельность наша приходит в ближайшее соприкосновение с деятельностью англичан. Последними достигнуты нижеследующие результаты: правители Каината и Сеистана, братья Шефкет-уль-Мульк и Хишмет-уль-Мульк, подкуплены и подчинены влиянию Англии; та же система подкупа во всех видах и одновременного застращивания широко применяется во всем Персидском Белуджистане; от Кветты до Кухи-Мелик-Сияха на Сеистанской границе, с целями стратегическими и торговыми, проложен караванный путь, ныне переделываемый в железнодорожный; на основании конвенции 1901 г. с персидским правительством сооружен телеграф от Тегерана через Кашан, Иезд, Керман до Кухи-Мелик-Сияха, где и соединен с индийскими телеграфными линиями. В числе мер, принимаемых для поднятия английского престижа, надлежит отметить прибытие в Сеистан экспедиции майора Мак-Магона, с военным конвоем до 1 000 человек, для завершения трудов разграничительной комиссии Голланда; продолжительное — свыше года — пребывание столь значительных сил в области не может не внушать серьезных опасений, тем более, что представитель Персии в настоящем разграничении — Ямини Низам подкуплен и сделался послушным орудием в руках англичан; для противодействия нам на севере в Турбети-Хейдари открыто английское консульство, снабженное конвоем сипаев и медицинским персоналом, при помощи коих уже сделана попытка установить нечто вроде санитарного надзора наподобие нашей противочумной охраны. Наконец, англичане пользуются как средством да-

вления и захватов в Сеистане афганцами, в руках которых находится верхнее течение Гильменда, то-есть ключ ко всей оросительной системе наиболее плодородной части области.

Вообще в отношении афганских дел следует иметь ввиду, что в 1900 г. мы в окончательной форме заявили Англии о невозможности для нас, в силу изменившихся исторических условий, продолжать отказываться впредь от непосредственных сношений с Афганистаном; означенной свободой действий, которую мы себе вернули, конечно, можно будет воспользоваться и в сфере афгано-персидских дел, если к тому представится благоприятный случай.

Основным нашим стремлением в Сеистанском вопросе было, поддерживая возможно лучшие отношения с Хишмет-уль-Мульком и местным населением, для помощи коему устроена амбулатория при российском консульстве, всячески укрепить власть шаха на этой окраине и упрочить связь ее с центральным правительством. Благодаря нашим стараниям улучшены почтовые сношения между Мешедом и Нусретабадом, а равно устроена между ними телеграфная линия, находящаяся под нашим негласным контролем и не подлежащая соединению с английской линией на Керман [1]); открыта, по нашей инициативе, персидская таможня в Сеистане с бельгийцем-управляющим во главе [2]), значительно стеснившая бесконтрольное до того хозяйничание англичан и индийских торговцев на границе; приняты меры к развитию торговых сношений с Сеистаном, причем первые опыты в этом направлении дали настолько благоприятные результаты, что Учетно-ссудный банк признал возможным командировать для развития дела постоянного уполномоченного в Нусретабад (он же и пред-

---

[1]) Помимо указанной линии, в русской эксплоатации с 1884 г. находилась телеграфная линия Астрабад-Чикишляр.

[2]) В 1897 г. шахское правительство пригласило бельгийца Науса для организации по европейскому образцу персидских таможенных сборов, производившихся до того по откупной системе. В 1898 г. Наусу в виде опыта были переданы таможни в Керманшахе и Тавризе. В 1899 г. Наус стал во главе всего таможенного дела Персии. Тогда же был опубликован шахский декрет о введении 5% пошлины на все экспортируемые и импортируемые товары. Царское правительство, заинтересованное в обеспечении платежей по займам поступлениями таможенных доходов, настаивало на отмене откупной системы. Вместе с тем оно настаивало на заключении таможенной конвенции, которая достаточно защищала бы русские торговые интересы. Русско-персидская торговая конвенция, отменявшая соответствующую статью (3-ю) Туркманчайского договора и составленная в интересах русской торговли, была подписана 27/X—9/XI 1901 г. и опубликована 14/27 февраля 1903 г. Невыгодная для торговых интересов Англии, она вызвала попытку реванша со стороны последней, поспешившей с своей стороны заключить тогда же (9/22 февр. 1903 г.) торговую и таможенную конвенцию с Персией.

ставитель Петербургского агентства). В видах поднятия престижа вице-консульства в Сеистане, министерство иностранных дел озаботилось увеличением его конвоя до размеров конвоя английского консульства, а равно вошло в сношение с военным ведомством о прикомандировании офицера к названному вице-консульству и о назначении офицера в Турбети-Хейдари, со званием консула, впредь до того времени, когда представится возможным учредить там законодательным путем штатное консульство.

Наконец, в качестве компенсации за выданную англичанам в 1901 г. концессию на постройку телеграфа Тегеран — Керман — Кухи-Мелик-Сиях, мы потребовали от Персии допущения трех русских телеграфистов на означенную линию. Дав в принципе согласие на эту меру, шахское правительство обусловило однако оную, из опасения английских протестов, принятием наших телеграфистов на персидскую службу, на что мы не могли согласиться. Вопрос этот остается доныне открытым; по ближайшем изучении оного на месте вы могли бы представить свои соображения о дальнейшем его направлении, приняв во внимание желательность допущения русского телеграфиста из находящихся в распоряжении миссии, помимо керманской линии, еще в Бендер-Бушире, на каковой почве, быть может, окажется удобным войти в компромисс с персами.

Продолжая руководить по намеченному выше общему плану деятельностью русских представителей на восточной окраине Персии, вам надлежит в случае, если вопрос о русских инструкторах в персидской армии не получит благоприятного разрешения, подготовить выполнение одной меры, которой мы придаем серьезное политическое значение, а именно — усиление и распространение на юг, по возможности до Сеистана, кордона противочумной охраны, установленной нами со времени развития чумной эпидемии в Индии на северном участке Хоросанской границы с Афганистаном, во избежание установления подобной охраны на нашей собственной границе с Персией в Закаспийской области. Противодействие шахского правительства, опасавшегося протеста англичан, и неблагоприятная общая политическая минута задерживают пока приведение означенной меры в исполнение. Старания ваши должны быть направлены к тому, чтобы постепенно убедить персов в полной солидарности в данном случае наших интересов и в несомненных выгодах, доставляемых нашей охраной на этой границе самой Персии. Переход инициативы в настоящем деле к шахскому правительству значительно упростил бы и облегчил нашу задачу. Что касается племен персидского Белуджистана, то деятельность консульских учреждений наших в Сеистане и Кермане должна постепенно распространяться и на эту область, при-

чем вы могли бы, когда признаете своевременным, поручить названным консулам совершать поездки к проживающим по соседству со вверенными их наблюдению округами ханам. Пользуясь фактическими данными и сведениями, которые будут поступать в ваше распоряжение, вам следует стремиться к тому, чтобы вообще установить с шахским правительством возможно откровенные отношения по делам этой окраины и дружескими советами, сообразованными с условиями времени, наиболее целесообразно и осторожно направлять его деятельность к поддержанию авторитета центральной власти во всем согласно с нашими видами.

Хотя из основных преследуемых нами в Персии целей вытекает по существу единообразная политика наша на всех персидских окраинах, однако владения шаха, расположенные по Персидскому заливу, имея более открытую и доступную границу, чем западная и восточная, представляют нам более широкое поле активной деятельности. Вашему превосходительству хорошо известны достигнутые нами за последние годы на этом поприще политические и экономические результаты, вполне обнаружившие всю неосновательность английских притязаний на исключительное преобладание в Персидском заливе даже в торговом отношении, чему нагляднейшим доказательством служит подделка русских клейм, к которой прибегают ныне английские фирмы на своих товарах. Нет никакого сомнения, что неудачные общие условия последнего времени особенно неблагоприятно отразились на нашем положении именно в этом районе, который переполнен явными и тайными агентами англичан, располагающими многочисленными связями и всячески распространяющими находящиеся под английским влиянием арабские и индо-персидские газеты, наполненные всевозможными тенденциозными сведениями насчет России. Не следует однако упускать из виду, что достигнутые нами успехи вовсе не имеют поверхностного, случайного характера, а опираются на прочную почву — тяготение к России всех элементов, многократно испытавших тяжелый гнет неумеренных притязаний Великобритании, как в крупных политических вопросах, так и в обыденной жизни. Шахское правительство, боящееся не без оснований за целость своих владений в Персидском заливе, за авторитет своей власти и за свое достоинство, местные правители, вроде Мухаммерского шейха Хазаля, или власти, как например Лингэский каргузар Сеид-уд-Салтанэ, неоднократно страдавшие от столкновений с Англией, ставшие убежденными ее противниками, — наконец, население в своей массе, за исключением лиц, связанных материальными интересами с англичанами и состоящих под их покровительством, пошли навстречу и сочувствовали, либо содействовали русским начинаниям, усматривая в них противовес Велико-

британии. При таких условиях, мы, во всяком случае, можем всецело восстановить наше положение, даже пошатнувшееся от серьезных внешних причин, если тяготеющие к нам в районе Персидского залива элементы убедятся, что мы не отказываемся от начатого дела и не оставим на произвол судьбы принесенных уже жертв.

На основании вышеизложенного мы должны, последовательно развивая уже имеющиеся налицо наши политические и экономические начинания и не задаваясь пока новыми широкими планами, осуществлять в ближайшем будущем те меры, которые могут почитаться вполне назревшими, подготовленными и надлежаще разработанными путем сношений с другими заинтересованными ведомствами. К таковым мероприятиям могут быть отнесены: открытие отделения Учетно-ссудного банка в Бендер-Бушире, не только безусловно необходимое для развития торговых сношений России с югом Персии и для правильных расчетов по оным, но и с нетерпением ожидаемое местными торговыми классами, не исключая многих английских фирм, сильно страдающих от существующего доныне монопольного произвола Шахиншахского банка; постоянное пребывание в водах Персидского залива русского военного стационерного судна, в настоящее время специально сооружаемого для означенной цели, и назначение на должность санитарного врача при персидской таможне в Бендер-Аббасе русского врача на основаниях, установленных для французского врача в Бушире, получающего содержание в равных частях от персидского, французского и русского правительств. Разрешение этого вопроса, по которому уже последовало принципиальное согласие шаха, задерживается соображениями экономии персидского таможенного ведомства; вам надлежит озаботиться скорейшим благоприятным окончанием означенного дела, причем аргументом при объяснениях с г. Наусом вам могли бы служить как интересы правильного санитарного надзора в заливе, от которого Персия извлечет лишь выгоды, так и уступчивость, проявленная нами при разработке вошедшего в силу 19 августа (1 сентября) с. г. нового персидского таможенного устава, предусмотренного 5 статьей русско-персидской торговой декларации 1901 г.

Вполне разработанным должен также почитаться вопрос об учреждении русского консульства в Бендер-Аббасе. Порт этот, расположенный у входа в Персидский залив и посещаемый всеми русскими судами, как военными, так и торговыми, совершающими рейсы в залив, обслуживает не только прилегающую береговую полосу и ближайшие острова, но и целиком шесть внутренних персидских округов, из которых три — Ларистанский, Керманский и Бамский — имеют большое экономическое значение, а равно части округов Иездского, Сеистанского и Персидского Белуджистана. Интересы нашего судоход-

ства и заботы о развитии русской торговли в этой части Персии сами по себе являлись бы вполне достаточным основанием для учреждения консульства в Бендер-Аббасе, но соображения политические еще более побуждают признать эту меру неотложно необходимой. Помимо целей общего характера, однородных с результатами, достигнутыми уже нами в Буширском и Бассорском районе, то-есть уменьшения уступчивости местных властей и населения английским домогательствам и принуждения самих англичан к значительно большей умеренности, Бендер-Аббас имеет важное значение как наблюдательный пункт. Порт этот, являющийся объектом особых вожделений англичан, до 1869 г. находился в спорном владении Персии и в известной мере зависел от Оманских шейхов; в самое последнее время означенные шейхи, по наущению и при содействии Англии, захватили соседние острова Тумб и Абу-Муса, — факт, не лишенный серьезного симптоматического значения, в равной мере, как и старания англичан развить свою военную станцию Базиду на западной оконечности острова Кышма, к северу от названных двух островов, занятием коих обеспечивается ее тыл. При таких условиях пребывание русского консула в Бендер-Аббасе представляет настолько серьезную важность, что, как я надеюсь, осуществление этой меры в скором времени не встретит непреодолимых препятствий, несмотря на всю необходимость соблюдать ныне крайнюю сдержанность в испрошении кредитов из средств государственного казначейства.

Наконец, почитаю долгом указать на одно предложение, которое могло бы быть осуществлено в более отдаленном будущем, выждав подходящее к тому время. Для пользы русского дела на юге Персии было бы желательно, чтобы императорский посланник в Тегеране совершил, — конечно, в подобающей внешней обстановке, — поездку по берегам Персидского залива. Помимо громадного нравственного значения с общеполитической точки зрения, в смысле наглядного установления равноправности России и Англии и показания того значения, которое мы придаем нашим интересам в этих краях, подобная мера для наших консульских представителей, агентов из туземных жителей, для всех лиц, так или иначе входящих в соприкосновение с русским элементом, будет иметь самые благоприятные последствия в смысле объединения и упрочения их деятельности, поднятия их личного престижа и более осязательного сознания важности той работы, коей они причастны, хотя и в разной степени и различными путями. Само собой разумеется, что для осуществления изложенного предположения необходимо выбрать удобный во всех отношениях момент и подвергнуть мысль эту исподволь предварительной тщательной разработке, каковую я и поручаю вашему вниманию.

В ближайшем соотношении к делам Персидского залива находится также вопрос о более правильной постановке нашего консульского представительства в Ахвазском округе, где мы имеем лишь нештатного консульского агента, несмотря на громадное экономическое значение этого округа; в отношении сего последнего вопроса я, равным образом, пока ограничусь постановкой его на очередь к изучению.

В заключение настоящего краткого обзора политических задач и интересов наших во владениях шаха, считаю не лишним в нескольких словах коснуться западной границы Персии. Значение для всего шиитского мира священных городов Кербелы и Неджефа, расположенных в районе этой границы, и влияние тамошних муштеидов на внутренние персидские дела вполне оценено англичанами, которые не брезгают никакими средствами, до подлогов включительно, чтобы использовать его в своих выгодах, хотя обычная английская система подкупов менее всего достигает цели в такой среде, как фанатичное шиитское духовенство. Достаточно упомянуть однако о поддельном акте отлучения от ислама Атабек-Азама и о последних попытках английского воздействия на муштеидов с целью вызвать брожение среди шиитов Закавказья, чтобы надлежаще осветить значение наблюдательной деятельности за этими происками со стороны наших консульских учреждений в Багдаде и Керманшахе, общее руководство которой возлагается на вас. Значение последнего из названных двух пунктов усугубляется еще как личностью местного генерал-губернатора, известного принца Ферман-Ферма [1]), так и той ролью, которая может выпасть на долю этого города в будущем, с проведением Багдадской железной дороги, в смысле проникновения германского торгового, а, может быть, и политического влияния в Персию. Сообразуясь с означенным обстоятельством, мы отклонили от себя, несмотря на заискивание Ферман-Ферма, всякое участие в принадлежащей ему концессии на дорогу Ханекин — Керманшах — Хамадан, самому сооружению которой мы постарались воспрепятствовать в Тегеране, ибо подобный путь мог бы лишь облегчить доступ Германии на внутренние персидские рынки [2]).

---

[1]) Губернатор Керманшаха, крупный феодал, сторонник английской ориентации.

[2]) Как явствует из тел. Неклюдова из Парижа от 18/31 мая 1906 г. за № 44, в 1905 г., когда царское правительство отклонило просьбу шаха о предоставлении займа, и когда Англия также не пошла этой просьбе навстречу, Германия устроила шаху заем в 25 милл. марок. И тогда же в компенсацию за заем шахским правительством была обещана германской компании концессия на продолжение в Персии до Керманшаха или Хамадана шоссейной дороги, строившейся от Баг-

Что касается пограничных инцидентов, периодически возникающих между Турцией и Персией, то, следуя традиционной политике нашей, мы стараемся улаживать таковые непосредственнными представлениями в Тегеране и Константинополе без всякого участия англичан.

Переходя к обсуждению экономической политики нашей в Персии и не вдаваясь в известные вам подробности достигнутых за последнее пятилетие результатов, коими мы по всей справедливости вправе гордиться, укажу, что таковые покоятся на трех главных основаниях: торговой декларации 1901 г. с последующими к оной актами, займах, выданных персидскому правительству, и концессионных правах.

Изменяя однообразную пятипроцентную таможенную пошлину, установленную ст. 3 особого Туркманчайского акта, на более сложный конвенционный тариф, мы кроме собственных фискальных выгод достигли установления в Персии такого таможенного режима, который, будучи гарантирован особой секретной статьей от изменений помимо нашего согласия, фактически покровительствует категориям и сортам товаров, по преимуществу ввозимых из России, и одновременно устанавливает ряд льгот, вроде отмены подорожного сбора, общих для всей торговли. Отчасти благодаря последнему обстоятельству, а главным образом ввиду состоявшегося при нашем содействии принятия Турцией тарифа 1901 г. и отказа ее от самостоятельного турецко-персидского Эрзерумского торгового трактата, Англия, наиболее заинтересованная из остальных держав, пользовавшихся лишь правом наибольшего благоприятствования, вынуждена была примириться с совершившимся фактом и заключить одинаковое с нашей декларацией соглашение.

На тех же самых основаниях проведена была нами разработка предусмотренного в декларации персидского таможенного устава, вошедшего в силу 19 августа (1 сентября) с. г. Как на пример можно указать на допущение нами строгих карательных мер против морской контрабанды, которые значительно поднимут престиж шахской власти в Персидском заливе, не распространяясь однако, по особому секретному соглашению, на Каспийское море, определенно-признанное ныне принадлежащим России.

Достигнув правильной, выгодной и законченной постановки торговых сношений наших с Персией, каковая постепенно облегчит

дада по персидской территории; вместе с тем германская пароходная компания «Гамбург — Америка» получала для своей линии Гамбург — Персидский залив порт или угольный склад на персидской территории.

нам преобладание на персидском рынке, нам остается только следить за сохранением и развитием полученных результатов, поддерживая бельгийскую администрацию таможен в точном применении тарифа и устава. Такая поддержка тем более целесообразна, что она обеспечивает аккуратное поступление таможенных доходов, большая часть коих идет на платежи по выданным Персии займам [1]); вместе с тем, хотя последние и обусловлены, в случае недостаточности означенных доходов, установлением русского контроля над таможнями, однако введение такового было бы совершенно нежелательным вмешательством во внутренние персидские дела, вследствие чего и с этой точки зрения наиболее желательной для нас является бельгийская администрация, видимо, стремящаяся действовать с нами по возможности рука об руку.

Основное преимущество, выговоренное нами при заключении персидских займов, а именно обязательство Персии не прибегать помимо нас к долгосрочной чужеземной финансовой помощи, естественно, привело шахское правительство к необходимости обращаться за нашей поддержкой во всех своих затруднениях. Обстоятельство это, в связи с требованиями общего положения, созданного осложнениями на Дальнем Востоке, побудило министерства иностранных дел и финансов подвергнуть обсуждению в особом совещании под моим председательством вопрос о финансово-экономической политике нашей в Персии. Соображения, высказанные по сему поводу, хорошо вам известны из журнала упомянутого совещания, вследствие чего я ныне могу ограничиться перечнем установленных общих выводов, удостоившихся высочайшего утверждения в 12-й день июня с. г., снабдив таковой некоторыми указаниями практического характера. Выводы эти сводятся к пунктам:

1) Отклонять, по возможности, всякие просьбы персидского правительства о денежной помощи.

2) Допускать ссуды денег лишь в самых исключительных случаях, по особо важным соображениям политического и экономического характера и при наличности достаточных гарантий.

---

[1]) Первый персидский заем в России на сумму в 22 500 000 руб. был заключен в 1900 г., во время первого путешествия Музаффер-эд-Дин шаха в Европу. Второй заем на сумму 1 млн. руб. из 5% с уплатой в 75 лет был заключен в России в 1902 г. Согласно статей 14 и 13 контракта о персидских займах Россия получала на десятилетний срок монопольное право на реализацию всех внешних займов, выпускаемых персидским правительством. В виде гарантии за уплату русских займов были заложены доходы всех персидских таможен, за исключением таможен Фарса и Персидского залива, и было выговорено условие, что, в случае недостаточности этих доходов, Россия может установить в таможнях свой контроль и свою администрацию.

3) Не домогаться никаких новых концессий, не оправдываемых собственными выгодами дела.

4) Развивать и усовершенствовать существующие в Персии русские предприятия — банковое, дорожное, транспортное и проч.

5) Противодействовать развитию железнодорожного строительства в Персии.

6) Принимать участие в расширении телеграфной сети, как дополнительного к дорожным сооружениям предприятия.

Изложенные руководящие начала обладают значительной эластичностью, безусловно необходимой в столь сложном и живом деле, которое, конечно, не может быть включено в строго ограниченные рамки. В главных основаниях эта программа точно согласована с определенными выше общими задачами и целями нашими в Персии, следовательно, применение оной на деле должно в каждом частном случае исходить из соображений о сих последних, принимая в расчет и те средства, коими мы располагаем в данную минуту.

Вследствие сего, в сознании необходимости неуклонно продолжать начинания наши в Персии, несмотря на последовавшее сокращение кредитов по росписи 1904 г., был сохранен в значительной мере отпуск денежных средств на главнейшие предпринятые нами сооружения, а именно: 3 500 000 рублей на Джульфа — Тавризскую [1]) и Казвин — Хамаданскую [2]) дороги и 400 000 рублей на оборудование Энзелийского порта [3]), причем императорской миссии в Тегеране поручено озаботиться мерами к беспрепятственному продолжению означенных работ. Одновременно нами достигнуто было подтверждение шахским правительством силы концессии на страховое и транспортное дело в Персии, принадлежащей ныне Учетно-ссудному банку и в частях переуступленной им товариществу из наиболее солидных русских акционерных обществ, ведущих таковые операции.

Придавая особое значение всей совокупности дорожной и транспортной деятельности нашей не только в силу непосредственных экономических для нас выгод, но и с политической точки зрения, как

---

[1]) Концессия на проведение шоссейной дороги Джульфа — Тавриз — Казвин была получена Учетно-ссудным банком Персии в 1902 г. В 1913 г. была получена концессия на постройку параллельной ей Джульфа — Тавризской жел. дороги.

[2]) Концессия на постройку шоссейной дороги Казвин — Хамадан и Казвин — Тегеран, с правом взимать пошлины на протяжении всей дороги, была выдана в 1893 г. «Персидскому Страховому и Транспортному об-ву», во главе которого стоял Поляков.

[3]) Концессия на сооружение Энзелийского порта была выдана в 1895 г. об-ву Энзели — Тегеранской дороги с правом взимать пошлину со всех заходящих в порт судов.

средству удовлетворения насущных потребностей местного населения и борьбы с наветами англичан, возлагающих на нас ответственность за отсутствие железных дорог в Персии, поручаю постоянному вниманию вашему всяческое содействие означенной деятельности, а также надзор за правильным развитием оной, ибо серьезные упущения в этом деле могут лишь самым нежелательным образом отразиться на престиже русского имени и не должны быть ничем оправдываемы ввиду жертв, приносимых нашей казной.

В области дорожных дел увеличивающиеся торговые сношения с Персией выдвигают постепенно новые вопросы, подлежащие тщательному изучению; в числе таковых имеется важный принципиальный вопрос, для правильного разрешения коего вам следует собрать необходимые данные при помощи подведомственных вам консульских учреждений, по возможности с участием агента министерства финансов. Дело сводится к нижеследующему: нужно ли нам облегчать проникновение русских товаров из северной Персии через пустынные местами центральные области на юг страны или же в сей последней части шахских владений мы должны довольствоваться исключительно путями, ведущими от побережья Персидского залива? Так, например, относительно Кермана, выгоднее ли направлять туда наши товары обычным путем из Бендер-Аббаса или стараться сделать это из Мешеда, рискуя одновременно способствовать нежелательному движению английских товаров на север?

Признавая важное значение почтово-телеграфного дела в Персии для наших экономических интересов и в качестве подспорья к дорожной и транспортной деятельности, мы достигли в последнее время соединения персидских телеграфных линий с русскими в четырех новых пунктах: Гумбети-Кабусе, Чатлы, Баджгиране и Артыке, причем некоторые недостававшие участки на персидской территории закончены при нашем содействии; дальнейшее соединение линий предположено в Астаре, с доведением весной будущего года до названного города телеграфа, сооружаемого ныне персами из Ардебиля. Минувшим летом было подписано соглашение, вошедшее в силу 1 августа, о понижении такс на телеграммы, обмениваемые между Россией и Персией, и значительно увеличено число пунктов, принимающих и отправляющих телеграммы на русском языке. Наконец, ввиду отказа шахского правительства от откупной системы в почтовом деле, с передачей последнего в ведение бельгийской таможенной администрации, оказалось возможным разработать проект почтовой конвенции с Персией, переданный ныне в Тегеран; в случае, если бы ко времени прибытия вашего на место служения соглашение по сему предмету еще не состоялось, вам надлежит упо-

требить все старания к скорейшему благоприятному разрешению вопроса.

Установив в настоящей инструкции тесное соотношение и взаимодействие политических и экономических задач наших в Персии, в большинстве случаев неразрывно связанных между собой, почитаю долгом заметить, что такое единство русского дела налагает на вас, высшего представителя России в этой стране, обязанность не только самому руководствоваться, но и руководить деятельностью непосредственно подчиненных вам учреждений и лиц в духе строгого единения и дружной совместной работы всех без исключения русских людей, трудящихся на пользу общего дела. Всякое указание ваше, как бы компетентно и основательно оно ни было в силу одного вашего положения и наибольшей осведомленности о намерениях и решениях центрального правительства, тем легче и скорее, без праздных и вредных препирательств, найдет себе применение на практике, чем большим доверием и взаимным благорасположением проникнуты будут отношения русских деятелей в Персии к представителю своего правительства. С другой стороны, на почве тех же отношений вы можете найти весьма полезные источники осведомления и даже, при надлежащем умении и такте, элементы неглаеного содействия в непосредственной вашей работе. Все вышеуказанное вполне применимо, лишь в соответственно меньшем масштабе, к любому из подчиненных вам дипломатических и консульских чинов, и от настойчивости ваших стараний будет зависеть развитие и упрочнение всего уже существующего и сделанного в этом направлении. Само собой разумеется, что при быстром росте разносторонней деятельности нашей в Персии и увеличении числа временных и постоянных агентов многих наших ведомств и учреждений изложенное отношение к оным официальных представителей императорского правительства может становиться лишь все более целесообразным и плодотворным. Не касаясь черезчур очевидных результатов, кои достигаются этим путем при сотрудничестве с чинами министерства финансов или военного ведомства, приведу пример из области чисто специальной, медицинской. В сфере этой деятельности за последнее время создана в Тегеране амбулатория Общества востоковедения и учреждена должность русского врача при персидской казачьей бригаде. При содействии и общем руководстве с вашей стороны, персианам легко может быть внушено уважение и должное доверие к нашему медицинскому персоналу, причем, помимо общей пользы, означенный результат, в связи с уходом старшего лейб-медика шаха, англичанина Адкока, замененного расположенным к России врачом французской миссии Шнейдером, дал бы вам при удобном случае возможность провести наиболее подходящего из русских

врачей на придворную шахскую службу, каковое обстоятельство принесло бы и несомненную политическую пользу.

По всяким вновь возникающим вопросам вам необходимо будет испрашивать указаний императорского министерства, не принимая на себя самостоятельных решений.

Как ни сложны и многообразны на первый взгляд предстоящие вам в Персии задачи, которые по необходимости могут быть намечены в инструкции лишь в общих основных чертах, позволительно надеяться, что, положив в основу своей деятельности осторожность, последовательность и твердость, при строго систематической и проникнутой указанным вам направлением разработке стоящих на очереди вопросов, вы с честью выйдете из всех могущих представиться затруднений на пользу и славу дорогой нам России.

Ламздорф.

К ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ В ПЕТРОГРАДЕ.

(Из материалов Петроградского Военно-революционного комитета.)

«Да, вожди Центр. исполн. комитета ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков», — так расценивал В. И. Ленин на страницах «Рабочего пути» деятельность мелкобуржуазных руководителей 1-го ЦИК Советов в конце сентября 1917 г. [1]).

Эта оценка эсеровских и меньшевистских героев контрреволюции осталась целиком справедливой и в октябрьские дни, когда разбитая на голову буржуазия попыталась 29 октября взять реванш руками этих самых, до конца преданных ей, мелкобуржуазных вождей.

Как известно, Керенский еще утром 25 октября бежал из восставшей столицы навстречу двигавшимся на Питер войскам, якобы «верным Временному правительству и революции».

Таких войск в действительности не оказалось, — Керенскому удалось двинуть на Питер всего лишь несколько неполных сотен казаков из пресловутого III конного корпуса ген. Краснова, — армия, жаждавшая мира, в значительной мере большевизированная, не пожелала итти за неудачным кандидатом в русские Бонапарты.

И если казакам Краснова 27 и 28 октября удалось почти без сопротивления занять Гатчино и Царское село, то это обстоятельство, по свидетельству самого ген. Краснова, следует отнести исключительно за счет неорганизованности и полной небоеспособности частей местных гарнизонов, численно превосходивших казаков и настроенных, конечно, далеко не в пользу Керенского. С прибытием на гатчинский фронт крепких матросских и красногвардейских отрядов, «победоносное» продвижение на Питер казаков закончилось.

В то время, когда красновский отряд продвигался по направлению к Петрограду, в самом городе плелись нити контрреволюционного заговора. Душой заговора был образовавшийся в ночь на 26 октября «Комитет спасения родины и революции», состоявший из представителей тех же эсеро-меньшевистских мелкобуржуазных слоев (гор. думы, предпарламента, союзов служащих и т. п.). Входили в него и такие видные представители буржуазии, как гр. Панина и Набоков.

Комитет спасения с самого момента своего возникновения занял резко агрессивную позицию по отношению к правительству Советов. Преступный организатор контр-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., 3 изд., т. XX, стр. 239.

революционного восстания, он уже 27 октября обрушивается на большевиков в опубликованном в газетах «Воззвании к гражданам Российской республики».

«Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю... Всероссийский Комитет спасения родины и революции призывает вас, граждане: не признавайте власти насильников. Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции».

Организаторы восстания переоценили свои возможности и силы: они надеялись вовлечь в авантюру отдельные части гарнизона, захватить Смольный и ударом в тыл войскам Петроградского военно-революционного комитета оказать поддержку красновским казакам, как именно и было заранее договорено с Керенским. Однако, кроме юнкеров и ударников, за ними никто не пошел. Кроме того, благодаря аресту в ночь на 29 октября члена Комитета спасения эсера Брудерера, в руки Военно-революционного комитета попал план восстания и дислокация предполагавшихся в выступлению частей. Это побудило заговорщиков начать восстание немедленно, нарушив установленный с Керенским срок.

В ту же ночь юнкера Владимирского училища с оружием в руках вышли на улицу. Они заняли телефонную станцию, почтамт, Михайловский манеж, где захватили 3 броневика.

Рано утром Комитет спасения разослал по всем адресам телеграмму, за подписями председателя Совета республики Авксентьева, председателя Комитета спасения Гоца, комиссара ВКС при командующем армией спасения Синани и члена военной комиссии ЦК эсеров Броуна, с призывом «оказать всемерную поддержку комиссарам и офицерам исполнять приказы командующего армией спасения Полковникова и арестовывать всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета».

«Всем воинским частям, — говорилось далее в телеграмме, — опомнившимся от большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы, приказывается стягиваться в Николаевское инженерное училище и Инженерный замок. Всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер».

Войска Военно-революционного комитета с раннего утра 29 октября были стянуты к Владимирскому училищу и осадили его со всех сторон. На предложение сдаться восставшие ответили пулеметным огнем. Завязавшийся бой, повлекший с обоих сторон большие потери, продолжался весь день. Только с введением в действие артиллерии юнкера сдались в $3^1/_2$ часа дня.

Характерный эпизод передает в своих воспоминаниях участник боя т. А. Соловьев [1]). После поднятия юнкерами белого флага о сдаче матросы приблизились к стене училища и были предательски встречены ружейными и пулеметными залпами. Тогда артиллерия, стрелявшая до того холостыми, начала бить боевыми снарядами; матросы бросились на

[1]) «Пролетарская революция», 1926 г., № 9.

штурм. Озлобленные предательством, они пустили в ход штыки, пока юнкера не прекратили огня и не сдались уже окончательно.

Остальные юнкерские училища, Инженерный замок и ударники во дворце Кшесинской сдались без боя.

С юнкерами — верной опорой Временного правительства — было покончено. Оставалось покончить с Керенским.

«Попытка Керенского — это такая же жалкая авантюра, как попытка Корнилова,— резюмировал В. И. Ленин на совещании полковых представителей петроградского гарнизона вечером 29 октября события этого дня, — но момент теперь трудный... Мы не можем ждать и не можем ни одного дня терпеть восстания Керенского. Если корниловцы организуют новое наступление, — им будет отвечено так, как сегодня ответили на восстание юнкеров» [1]).

Восстание 29 октября провалилось самым жалким образом, ибо массы, даже путем обмана, не были вовлечены в него.

Блестяще оправдался прогноз, данный В. И. Лениным в половине сентября, когда он еще скрывался от юнкеров Керенского в подполье: «Сопротивление буржуазии против безвозмездной передачи земли крестьянам, против подобных же преобразований в других областях жизни, против справедливого мира и разрыва с империализмом, такое сопротивление, конечно, неизбежно. Но чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужно хоть какие-нибудь м а с с ы, способные в о е в а т ь и победить советы. А таких масс у буржуазии н е т и взять их ей неоткуда» [2]).

Заговорщики 29 октября нашли эти массы — горючий материал для зачинания гражданской войны — в лице кулачества и верхушек казачества юга России, куда они бежали, разбитые революционной армией под Петроградом.

Настоящая публикация взята из подготовляемого Центрархивом сборника документов «Петроградский Военно-революционный комитет».

Материалы, вошедшие в публикацию, хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции (фонд № 1236, оп. 1, дд. №№ 3, 4, 5, 10, 21, 23, 39, 60; оп. 2, дд. № 14, ч. 1 и № 15).

Они представляют собой, главным образом, черновики и отпуска. Донесения в ВРК — записи в отдельной тетради, делавшиеся, очевидно, сотрудниками ВРК на основании доставлявшейся информации.

В подборе материала для публикации принимала участие С. С. Соркина.

Вл. Елагин.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 317.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 207.

Протокол заседания Петроградского Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. [1])

1. а. Постановлено: поручается Скрыпнику [поговорить] со штабом, Устинову — поговорить с комиссаром об охране Смольного [2]).

1. Информация: со ст. Бологое: имеется Военно-революционный комитет, готовый отправить в распоряжение Петроградского Военно-революционного комитета войска и продовольствие.

1. Постановлено: не разрешать свиданий сегодня (в Петропавловке?), чтобы не отвлекать караул от более важного.

2. Информация: международный телеграф в наших руках.

2. Постановление: выдать 6-му запасному саперному батальону 30 револьверов.

Закрытое заседание.

3. Постановление: арестовать делегацию от Керенского [3]), агитировавшую в 1 казачьей дивизии.

4. Постановлено: отправить двух делегатов (для информации) на фронт.

5. Постановлено: немедленно передать штабу о надзоре за проходящими баржами.

6. Постановлено: снять с очереди (временно до прихода делегации) вопрос о внушениях фронту (о переходе к наступательным действиям) [4]).

7. Постановлено: чтобы штаб возможно чаще издавал приказы (в интересах информации нашей армии).

8. Постановлено о делегатах: одного делегата [отправить] на фронт — тов. Скрыпника.

9. Постановлено о продовольствии: создать продовольственный отдел. Члены [отдела]: Анцелович, Левин, Иоффе.

3. Информация: $3^1/_2$ ч. дня. Взято Владимирское училище и пр. Идут матросы. Настроение превосходно.

10. Постановлено: отказать в выдаче оружия ЦК Крестьянского союза. Нужно самим.

11. Постановлено: в связи с поступившим заявлением о предполагающейся забастовке железнодорожников, по заслушании доклада представителя ЦК жел.-дор. союза, требующего выдачу пропуска для

---

[1]) По рукописному экземпляру (АОР, ф. № 1236, оп. 2, д. № 14, ч. 1, лл. 5—6).

[2]) Слова: «Устинову... Смольного» вписаны.

[3]) Слова: «делегацию Керенского» вписаны над зачеркнутым: «восставших казаков».

[4]) Последние два слова вписаны.

поездки той же делегации к Керенскому с целью предотвращения наступления его войск на Петроград, решено устроить закрытое совещание одного Военно-революционного комитета.

Постановлено: не входя в обсуждение цели поездки делегации железнодорожников к Керенскому, выдать пропуск для поездки.

12. Постановлено: просьбу думы о нерасстрелянии юнкеров передать начальнику. Собственного постановления не выносим ввиду неофициального характера делегации.

13. Постановлено [1]).

14. Постановлено: слухи о пьянстве и грабеже всех солдат [2]) во дворце [3]) крайне преувеличены. Так как комендант шоферской базы [4]) старый, который пропагандирует шоферов остаться нейтральными, то решено предоставить [5]) шоферскому союзу самому [6]) управлять шоферским делом под контролем коменданта Зимнего дворца.

15. Постановлено: поступило обращение к солдатам-михайловцам о необходимости обезоружить находящихся там юнкеров. Решено дело передать в штаб.

16. Постановлено: на вопрос делегации думы, согласны ли [мы] на объединение Советов РС и кр. деп. с [7]) Советом республики, мы отвечаем в порядке частной информации, что — нет. Официально дело относится к ЦИК.

Информация: в 9 ч. веч. собрание представителей полков.

Обращение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г.

№ 1619.

К населению города Петрограда.

В то время, как темные банды, руководимые Керенским, пытаются прорваться к Петрограду, в самом городе наемники и прислужники контрреволюции организовали заговор. Их план состоял в том, чтобы в ночь с 28-го на 29-е захватить все важнейшие пункты в городе и выпустить из Петропавловской крепости арестованных министров. Заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара. Но план

---

[1]) Постановление по п. 13 в подлиннике отсутствует.

[2]) Последние три слова вписаны.

[3]) Далее в подлиннике зачеркнуто: «ложны».

[4]) Слово: «базы» написано над зачеркнутым: «отряда».

[5]) Слова: «решено предоставить» написаны над зачеркнутыми: «назначить комендантом базы коменданта Зимнего дворца».

[6]) Далее в подлиннике зачеркнуто: «управиться».

[7]) Далее зачеркнуто: «Комитетом».

их оказался своевременно раскрыт комиссаром Петропавловской крепости, прапорщиком Благонравовым, благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено. В центре заговора стоял так называемый Комитет спасения. Командование войсками было возложено на полковника Полковникова. Его ордера подписывались отпущенным на честное слово бывшим членом ЦИК Гоцем. Таким образом против власти, установленной Всероссийским съездом советов и принятой подавляющим большинством Петроградского Совета раб. и солд. депутатов, жалкие и презренные заговорщики, наемники буржуазии, помещиков и генералов, готовили руками корниловцев разбойничий удар.

Извещая об этом население Петрограда, Военно-революционный комитет постановляет: арестовать замешанных в заговоре лиц и предать их военно-революционному суду.

Военно-революционный комитет.

Обращение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г.

К революционному гарнизону Петрограда.

Товарищи солдаты, будьте на страже! Все воинские части должны быть немедленно приведены в боевую готовность. Дело свободы в ваших руках, товарищи!

Председатель Военно-революционного комитета
Н. Подвойский.

Объявление Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г.

Ко всем гражданам г. Петрограда.

Настоящим г. Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении. Всякие собрания и митинги на улицах и вообще под открытым небом запрещаются впредь до особого распоряжения. Трамвайное движение совершается беспрепятственно.

Председатель Военно-революционного комитета
Н. Подвойский.

Приказ по Петроградскому военному округу 29 октября 1917 г. [1])

Волею Революционного правительства я назначен главнокомандующим по обороне Петрограда.

Приказываю всем штабам, управлениям продолжать свою обычную работу так, как она велась всегда. Гражданам столицы объявляю,

[1]) «Воля народа» 31 октября 1917 г. № 159.

чтобы за порядок в столице они не беспокоились. Будут приняты беспощадные меры к восстановлению его, если таковой будет нарушен врагами-революции.

Призываю матросов, солдат, рабочих и весь революционный пролетариат быть живым примером гражданской дисциплины.

Главнокомандующий по обороне Петрограда
подполковник Муравьев.

Приказ командующего Петроградским военным округом 29 октября 1917 г. № 1791.

Авиационным частям Петрограда.

Предписываю авиационным частям привести в боевую готовность все боевые аппараты. Четырем аэропланам на рассвете быть на корпусном аэродроме и ждать распоряжений. Остальным быть готовыми в резерве и ждать распоряжений.

Командующий Петроградским военным округом
подполковник Муравьев.

Помощник главнокомандующего Антонов.

Приказ начальника штаба Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1546.

В штаб Красной гвардии.

Спешно.

Военно-революционный комитет приказывает выслать 50 человек[1]) для охраны блиндированного поезда с военным грузом на Царскосельский вокзал — Боровая улица.

Красногвардейцам войти в контакт с Красной гвардией «Сев.-акционерного о-ва», охраняющей поезд от посылки на помощь Керенскому.

Начальник штаба К. Механошин.

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1574.

Т..... [2]) корабля «Диана».

Предписывается вам вступить в распоряжение коменданта Смольного института.

---

[1]) На подлиннике помета: «Послано 40 человек».
[2]) Фамилия в подлиннике не вписана.

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1597.

В 6 саперный запасный батальон.

Военно-революционный комитет предписывает вам немедленно командировать в распоряжение т. Толкачева четыре команды телефонистов с приборами для установки на расстоянии 20-ти верст.

Председатель

Секретарь

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1598.

В запасный электротехнический батальон.

Военно-революционный комитет предписывает вам немедленно командировать в распоряжение т. Толкачева четыре команды с прожекторами.

Председатель

Секретарь

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1653.

Коменданту Смольного института.

Военно-революционный комитет дает распоряжение принять броневик от коменданта города Колпино товарища Панова и поставить к нему усиленную охрану.

Председатель

Секретарь

Отношение Военно-революционного комитета исполнительному комитету Обуховского завода 29 октября 1917 г. № 1661.

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения исполнительного комитета Обуховского завода, что 10-ти дюймовое орудие, принадлежащее 2-й отдельной Морской тяжелой батарее поезд [1]) и находящееся в настоящее время на Обуховском заводе, никому не выдавалось без ведома батарейного комитета.

Председатель

Секретарь

---

[1]) Так в подлиннике.

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1611.

1. Ввести в помещение телефонной станции дополнительный отряд.

2. Отобрать у служащих подписку в беспрекословном выполнении требования Военно-революционного комитета.

3. Кто откажется — немедленно удалить со станции.

4. Кто будет чинить препятствия — немедленно арестовать.

Военно-революционный комитет.

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1697.

Исполняющему должность комиссара Фролову.

Военно-революционный комитет предписывает вам немедленно с получением сего совместно с комитетом отобрать у юнкеров Михайловского артиллерийского училища орудия и хранящееся в цейхгаузе огнестрельное оружие. По исполнении немедленно выступить в полной боевой готовности по Московскому шоссе к Чесменской богадельне.

Председатель Лазимир.

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1738.

Начальникам Красной гвардии заводов Розенкранц, Металлического, Феникс.

Разоружить юнкеров Михайловского артиллерийского училища, все припасы и оружие принять по описи и передать в распоряжение штаба Красной гвардии.

Копию описи предоставить в Военно-революционный комитет.

Председатель

Секретарь

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917. № 1738.

Ввиду массовых заговоров, выливающихся в открытые выступления среди юнкеров петроградских военных училищ, согласно приказа главнокомандующего Петроградским военным округом и постановления Военно-революционного комитета от 28 сего октября, предписывается юнкерам Николаевского кавалерийского училища немед-

ленно по получении сего сдать все имеющееся на руках и в запасе холодное и огнестрельное оружие с припасами в распоряжение Военно-революционного комитета.

Председатель Б. Лазимир.

Отношение Военно-революционного комитета Морскому военно-революционному комитету 29 октября 1917 г. № 1760.

Военно-революционный комитет просит передать с юзостанции телеграмму в Гельсингфорс Центробалту: приготовить миноносец и ждать распоряжений.

Удостоверение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1764.

Настоящее удостоверение выдано товарищу Зофу в том, что Военно-революционным комитетом поручено ему вербовать при помощи заводских комитетов, районных советов и штабов Красной гвардии отряды рабочих для рытья окопов.

Председатель

Секретарь

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1744.

В батальонный комитет 4-го жел.-дор. батальона и комиссару Чижову.

Немедленно откомандировать 2 роты ж.-д. батальона с шанцевым инструментом для устройства окопов [1]) против войск изменника революции Керенского в Красное село в распоряжение поручика Назарьева.

Председатель

Секретарь

Отношение Военно-революционного комитета комиссару Петропавловской крепости 29 октября 1917 г. № 1717.

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов просит выдать для команды формирования полевых радиостанций пять револьверов и триста штук патронов к ним.

Председатель Садовский.

Секретарь Механошин.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «между Петроградом II и фарфоровым заводом».

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1773.

Начальнику караула при Михайловском артиллерийском училище.

Предлагается вам допустить комиссара Военно-революционного комитета Галкина к осмотру помещений Михайловского училища совместно с лицами, которым он найдет нужным это разрешить.

Председатель

Секретарь

Распоряжение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1765.

В гв. запасный саперный батальон.

Прислать завтра утром к 8 часам утра к Московской заставе, около Путиловской ветки (Забалканский проспект), 20 человек опытных инструкторов по рытью окопов.

Председатель

Секретарь

Отношение Военно-революционного комитета Центральному комитету Балтийского флота 29 октября 1917 г. № 1770 г.

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете раб. и солд. деп. просит срочно отправить т. Михаила Лашевича на миноносце из Гельсингфорса в Ревель.

Председатель

Секретарь

Распоряжение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1773.

Профессиональному союзу пекарей.

Военно-революционный комитет предлагает вам прислать немедленно [1]) отряд пекарей в Смольный институт для того, чтобы войска, прибывшие на помощь революционному Петрограду, не остались без хлеба.

Председатель

Секретарь

---

[1]) Вписано над зачеркнутым: «30 с/октября с/1917 г.»

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1772.

Помощнику коменданта Зимнего дворца прапорщику Гервас.

Комитет приказывает выдать предъявителю сего . . . . . [1]) имеющиеся в Зимнем дворце ручные бомбы (150—200), для передачи в распоряжение штаба Красной гвардии.

Председатель

Секретарь

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1781.

Комиссару ВРК в Петропавловской крепости.

Военно-революционный комитет приказывает отправить 4 броневых машины на фронт против Керенского по указанию т. Доссер.

Председатель

Секретарь

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1782 [2]).

Коменданту Петропавловской крепости.

Выдать через т. Вахрамеева: 1) 2-му Балтийскому экипажу 2 броневика с полным вооружением, несколько полевых орудий и пулеметов, 2) Рев. морскому комитету 800 винтовок, 50 000 патронов и 15 револьверов с патронами [3]).

Председатель Садовский.

Секретарь Дзержинский.

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1794.

Военно-революционный комитет постановил приказать всем полкам, всем воинским частям установить связь с Военно-революционным комитетом, а комиссаров обязать ежедневно давать отчеты.

Председатель

Секретарь

---

[1]) В подлиннике пропуск.

[2]) На другом экземпляре того же приказа помета рукою Дзержинского: «Отменено».

[3]) Подлинник написан рукою Дзержинского.

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1794.

Помощнику комиссара по снабжению Рабочей гвардии и войск на подступах к Петрограду.

Предписывается немедленно получить из окружного интендантства продукты, необходимые для продовольствования Рабочей гвардии и войск, сражающихся на подступах к Петрограду, в количестве по расчету на 8 тысяч человек на один день: консервы, хлеб или галеты, масло, крупа, сахар, чай. В принятии продуктов выдать расписку. В случае отказа, промедления, отклонения или каких-либо отговорок со стороны окружного интендантства или каких-либо его чинов предписывается вам затребовать воинскую часть, арестовать сопротивляющихся, взять из склада необходимые продукты, составив обо всем акт. Действовать срочно, незамедлительно. О времени исполнения предписания уведомить.

Председатель

Секретарь

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1801.

Юдзентовичу.

Мобилизовать мотоциклистов.

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1813.

В штаб Красной гвардии Выборгского района.

Предписывается тов. Петрову выдать три тяжелых машины для перевозки орудий в Петропавловскую крепость.

ДОНЕСЕНИЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ КОМИТЕТУ.

Керенский в Гатчине. Силы — дивизия донцов, бригада артиллерии, 1 осадный полк (часть его). Есть известия, что подходит несколько [1]) эшелонов артиллерии; есть сведения, что двигается 3 корпус, корниловский полк [2]).

---

[1]) Далее зачеркнуто: «полков».

[2]) Далее зачеркнуто: «уссурийцы».

Донесение комиссара Центральной телефонной станции Яковлева.

1 ч. ночи, 29/X.

Перехвачен разговор по телефону о том, что будто бы Керенский двигается к Забалканскому проспекту. Просят немедленно прислать броневик и пищи на 80 чел., иначе угрожают бросить работу.

29/X, 1 ч. ночи.

1 запасный полк [1])— в роте 10 человек. Помещение обширное; продовольствие имеется.

1 запасный полк, хоть он находится в незначительном числе, выступит по первому призыву Совета.

---

1 час ночи, 29/X.

При складе огнестрельных артиллерийских припасов назначенный комиссаром прапорщик Василевский не является с 28 октября с утра. Сейчас там наблюдает за выдачей огнестрельных припасов Буздарин, член рабочей секции, который просит смены. Работает 2 дня без отдыха и помощника.

---

4 ч. 55 м. утра.

Дежурный член полкового комитета сообщает по телефону из офицерской электро-технической школы: на Инженерной улице появились юнкера, повидимому, Николаевского училища, в количестве 60 человек. Вооруженные, ходят и задерживают солдат и зовут с собой. Вероятно, направляются к Михайловскому манежу.

Лебетин.

29/X, 5 ч. утра.

Владимирское училище.

Ночью захватили сонных и обезоружили сводную роту, стоявшую у Большого проспекта [2]). Идет стрельба в районе Большой Гребецкой — от 5 до $8^1/_2$ ч.

29/X, 9 ч. 30 м. утра.

Михайловский манеж занят юнкерами; сейчас едут туда пулеметчики Литовского полка.

---

8 ч. утра, 29/X.

Ст. Фарфоровая. 80 вагонов с солдатами. Солдаты напились и угрожают арестом стоящим там красногвардейцам. Просят прове-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «количество ск..»

[2]) Далее зачеркнуто: «теперь».

рить этот факт и принять меры, так как на станции Сортировочной имеется много спирта.

---

8 ч. утра, 29/X.

Союз транспортных рабочих, по распоряжению транспортного отдела при Смольном, послал лошадей к Путиловскому заводу, лошади туда пришли, но нет сведения, что делать, просят прислать человека на автомобиле для распоряжения Гольцману.

---

8 ч. 55 м. утра, 29/X.

Товарищ Корнилов, комендант Рождественского района, доводит до сведения, что для успешного отражения войск Керенского [1]), находящихся в Царском селе, следовало бы поставить один из четырех дредноутов «Полтава», «Гангут» «Севастополь», «Рюрик», на коих имеются дальнобойные орудия, не доезжая Петрограда, между Сергиевым и Петроградом.

Он же предлагает, если возможно, достать длинных досок несколько тысяч и несколько [десятков тысяч] кованных гвоздей, для отражения набега кавалерии, набитые гвоздями доски... [2]).

29/X, 9 ч. 15 мин. утра.

Юнкера из Михайловского манежа ушли с броневыми [3]) машинами и заняли центральную [4]) телефонную станцию. В манеже ни одного офицера. Машины стоят. Командный состав необходим.

29/X, 9 ч. 45 мин.

Делегат от Вильманстрандского Совета Р и СД Уваров [доносит].

С казаками дела налажены. Вильманстрандский Совет взял власть в свои руки. Настроение очень спокойное. Слышал, что двигаются эшелоны против Керенского. Финны возмущены тем, что под их фирму [5]) производится провокация.

29/X, 11 ч. 30 м. утра.

Петроградская школа прапорщиков инженерных войск занимается шпионажем [6]). Юнкера одеты большей частью в студенческую одежду и в солдатские шинели 6 запасного баталиона.

На Шпалерной улице продают брошюры и газеты юнкера школы прапорщиков инженерных войск.

Ю д и н.

---

[1]) В подлиннике ошибочно: «Корнилова».

[2]) Донесение не закончено. На документе схематический рисунок досок, утыканных гвоздями.

[3]) «Броневыми» вписано.

[4]) «Центральную» вписано.

[5]) Так в подлиннике.

[6]) В подлиннике: «работают в шпионажестве».

У них вынесена резолюция, чтобы работать во всех городах России в этой области.

Просят на вокзалы юнкеров Петроградской школы прапорщиков не пропускать.

---

12 ч. 30 м. дня.

Комиссар междугородной телефонной станции тов. Бруно сообщает, что как будто станция захвачена кадетами, и просит проверить слухи (а если так, то просит дать охрану, так как им нужно сменить товарища Гроздева).

---

1 ч. 20 м., 29/X.

Идет стрельба из Инженерного замка по направлению к цирку Чинизелли. Просят... [1])

---

12 ч. 30 м.

Комиссар Балтийского и Варшавского вокзалов сообщает, что все необходимое по укреплению позиций сделано.

Подробное [2]) донесение будет сделано немедленно.

29/X, 12 ч. 30 м.

На Обводном канале состоится народное собрание. Где будет собрание и в котором часу, неизвестно. Надо послать разведчиков. Кажется, собрание будет контрреволюционным.

Телефонограмма.

12½ ч. дня, 29/X.

Комендант Зимнего дворца и секретарь Преображенского полка доводят [до сведения], что ночь прошла спокойно, за исключением случая с караулом Преображенского полка в Михайловском [3]) манеже, о коем донесено. Охрана дворца усилена. Прапорщик Преображенского полка Янин назначен помощником коменданта по строевой части Зимнего дворца. Подпоручик Минкин назначен помощником комиссара в [4]) Преображенском полку. Преображенский полк просит от имени Военно-революционного комитета не допускать газет контрреволюционного характера [5]), стоящих на стороне Керенского и Корнилова. Преображенский полк просит Военно-революционный комитет разрешить ему прислать своего делегата в Военно-револю-

---

[1]) Донесение не закончено.

[2]) «Подробное» вписано.

[3]) Далее зачеркнуто: «училище».

[4]) Далее зачеркнуто: «Зимнем».

[5]) Далее зачеркнуто: «агитирующих».

ционный комитет. Корнет Покровский, подтверждая это ходатайство, просит Военно-революционный комитет вызвать из каждого полка по одному представителю для [1]) установления координации действий [между частями] гарнизона Петрограда.

Адъютант Гервас.

Телефонограмма от члена Военно-революционного комитета Герасимова.

29/X, 1 ч. 25 м. дня.

В 12 часов отряд кронштадтцев в 440 чел. [2]) отправился в Петроград. Прибудет к Николаевскому мосту к 2 часам. В 2 часа из Кронштадта отправилась часть Красной гвардии в 150 человек, прибудет в 4 часа.

Просят встретить и озаботиться о расквартировании.

29/X, 1 ч. 30 м. дня.

У Сенной слышны выстрелы в районе почтово-телеграфной станции. (Публики очень мало на улицах.) Юнкерами обезоружен грузовик, везущий бензин. Автомобиль с бензином взят. На Исаакиевской площади стоит один юнкерский [3]) броневик (хороший).

29/X, 2 ч. 15 м. дня.

Командир 2 стрелкового полка просит прислать 2 грузовых автомобиля для перевозки патронов. Настроение спокойное. Ждут распоряжений. За Московской заставой, фабрика «Скороход»..... [4])

29/X, 2 ч. 20 м. дня.

26 октября в Пскове еще был местный гарнизон, но 27-го туда прибыли казаки, которые заняли город; город в руках контрреволюционеров. Гарнизон на стороне Военно-революционного комитета, но не в состоянии противодействовать казакам. У казаков мало патронов; пытаются скупать у местного гарнизона, который не дает им их. Телеграфисты и чиновники на стороне казаков. В Гатчине введено военное положение и смертная казнь. Юнкера разгоняют [5]) даже небольшие группы человек [6]).

---

[1]) Далее зачеркнуто: «связи».
[2]) «В 440 чел.» вписано.
[3]) «Юнкерский» вписано.
[4]) Донесение не закончено.
[5]) Далее зачеркнуто: «всякое скопление».
[6]) Так в подлиннике.

В Луге есть 5—6 дальнобойных орудий, которые могли быть использованы войсками Керенского.

Латышские полки задержаны в Пскове. Недалеко от Пскова железнодорожный путь между Гатчиной и Петербургом [1]) разобран.

29/X, 3 ч. дня.

Международная телефонная станция в наших руках. Поставлен караул — 4 солдата и 11 красногвардейцев.

---

3 ч. дня, 29/X.

1-й Донской казачий полк. Мерзинин сообщил, что к ним прибывает делегация от войск Керенского и агитирует, чтобы полк присоединился к ним, — в полку получается колебание.

---

3 ч. 10 м., 29/X.

С Путиловского завода доносят, что там слышна ружейная стрельба и артиллерийская. Доносят в 3 часа 20 мин. Делаются [1]) ли какие-либо меры?

В Семеновском полку делегат от 1-го Донского казачьего полка сообщил, что в их полк явились делегаты от Комитета спасения революции и предлагали им деньги, если они только выступят против Совета.

3½ ч. дня, 29/X.

Комиссар Финляндского вокзала доносит, что требовали 50 000 патронов на Балтийский вокзал. Надо послать требование Военно-революционного комитета на патронный завод. Требование, [посланное в 11 ч. веч., до сего времени не исполнено.

---

3 ч. 10 м. дня.

Комендант Районного совета 1-го Городского района сообщил, что [2]) 29/X в 12 часов дня какой-то броневик открыл стрельбу по Совету.

29/X, 3½ ч.

Комиссар Медведев сообщает, что Измайловский полк двигается на позицию, и просит прислать на станцию Александровское самокатчиков.

3½ ч. дня, 29/X.

В Семеновском полку собралось 380 человек, поэтому они не могут дать подкреплений для взятия Михайловского манежа.

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Далее зачеркнуто: «тов. Мих...»

3½ ч. дня, 29/X.

Секретарь Хомяков, Преображенского полка, сообщает, что напали юнкера на караул, стоящий около военного министерства (Мойка, 67). Караул не сдается и просит помощи.

29/X, 4 ч. дня.

Служащий, секретарь по отделам Полюстровской управы Бжостек, политический эмигрант, сообщает, что комиссар участка милиции Полюстровского района не признает Временного военно-революционного комитета и, получив телефонограмму от Комитета спасения, организует автомобильную связь для секретных сообщений с Комитетом спасения.

29/X, 4 ч. 22 м. дня.

Бывший агент [1]) уголовного розыска, 31 Сибирского стрелкового полка, Колодников сообщает, что хлеб — до 35 000 нагруженных верблюдов — отправляют из Акмолинской области и Атбасарского уезда в Турцию, киргизы совместно с казаками; казаки: акмолинские и атбасарские; киргизы: башкингирские, саракингирские и каракингирские. (Было подслушано им в г. Петропавловске, Акмолинской области, по Полковой ул, в д. № 42, около 10 сентября с. г. все вышесказанное.) Нагружают на одного верблюда от 18 до 30 пудов.

Колодников находится по Глазовой ул., д. 11, кв. 16.

Обещает в этом отношении принимать горячее участие [2]).

Было заявлено Керенскому, в министерство продовольствия, — Черевикину и начальнику контр-разведки, но мер никаких не принято.

---

5 ч. 25 м., 29/X.

Житель Царского села, Хордикайнен, сообщает, что он вышел из Царского села в 12 ч. дня 29 октября. Город занят войсками Керенского, которые находятся у вокзала большинством [2]), войск в городе 300 ч., всего с окрестностями 5 000 [2]). Войска ведут себя позорно, забирают от крестьян скот и все съестные продукты, за которые расплачиваются записками. В городе осталась часть Совета, человек 8, и часть войск (приблизительной цифры не знает). Во время вчерашней стрельбы: с ихней стороны убито было .... [3]), среди пострадавших 2 или 3 детей. Один снаряд попал в лазарет местного гарнизона.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «военный».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) В подлиннике не дописано.

6 ч. веч. 29/X.

Делегат от Революционного комитета Ржевского Совета Р и СД передает приветствие от ржевского гарнизона. Стоящие там 15 войсковых частей, среди коих есть казаки, единогласно признали Революционный комитет. Революционный комитет готов во всякую минуту притти на помощь Петроградскому совету.

---

29 октября, 6 ч. 20 м. веч.

Товарищ Устинович сообщает, что комиссар Царскосельского вокзала Гаврилов, Антонов и прочие, бывшие арестованные юнкерами, освобождены [1]). Телефонная станция и прилегающие к ней дома от контрреволюционеров очищены.

---

9 ч. веч., 29/X.

Комиссар [2]) охраны Государственного банка сообщает, что в $7^1/_2$ ч. он позвонил по телефону. Барышня сказала, что за ее спиной стоит юнкер со штыком и поэтому она соединить не может.

$9^1/_2$ ч. веч., 29/X.

Помощник коменданта гор. Петрограда сообщает, что комиссар г. Петрограда Нестеров и его помощник Елкин целый день не являлись.

Донесение.

9 ч. 37 м. веч. 29/X.

В 2 ч. дня, 29/X, я получил приказание от коменданта Петропавловской крепости прап. Тер-Арутюнянца взять Инженерный замок, телефонную станцию и главный почтамт. Так как я имел сведения из частных слухов, что главный штаб находится в Инженерном замке, то с него я решил начать [3]) выполнение возложенной на меня задачи.

Выставив оцепление из Красной гвардии и солдат Павловского полка, я установил на Марсовом поле [4]) четыре трехдюймовых орудия.

Намереваясь послать парламентеров к неприятелю, я пошел в полковой комитет Павловского полка [5]) позвонить в Инженерный замок [6]) по телефону, но в этот момент из Инженерного замка прибе-

---

[1]) «Освобождены» вписано.
[2]) Перед этим словом зачеркнуто: «я св... на центральной станции... охр...»
[3]) Далее зачеркнуто: «свое».
[4]) Далее зачеркнуто: «имеющиеся».
[5]) «Павловского полка» вписано.
[6]) «В Инженерный замок» вписано.

жали два писаря, которые заявили, что юнкера все разбежались, оставив без людей все оружие.

Приняв все меры предосторожности, я послал отряд солдат для проверки показаний писаря. Результаты осмотра: покинутая комната с массой разбросанных в беспорядке винтовок и патронов; оказались также пулеметы и бронированные автомобили, один из них — знаменитый «Ахтырец», вооруженный трехдюймовой пушкой. В числе арестованных полковник Муфель [1]). По взятии Инженерного замка, я получил сведения, что телефонная станция уже взята.

Подпоручик Найдевен....[2])

В ком[нате] по спр[авкам], на Инженерной, 4, — саботаж. Солдатам не выдают пропусков.

29/X, 10 ч. веч.

На Петербургской стороне вследствие бомбардировки Павловского училища во многих прилегающих домах выбиты стекла.

Население волнуется. Создается погромное настроение. Необходимо спешно принять меры. Районный комитет предлагает пригласить стекольщиков и вставить стекла, [взяв их] из зимних рам. Кроме того необходимо поставить охрану около магазинов, в которых также выбиты стекла, — иначе будет погром.

Донесение товарища из районного комитета Петербургской стороны.

29/X, 10 ч. веч.

Следует обязательно озаботиться тем, чтобы немедленно были посланы на телефонную станцию телефонистки, так как до сего времени мы не имеем возможности разговаривать по телефону.

Донесение.

29/X, 10 ч. веч.

По предписанию Военно-революционного комитета тт. Михельсон, Лебедев и Крапивенский отправились на городскую телефонную станцию для предотвращения кровопролития. Придя на станцию, они уже не застали там юнкеров, которые уже сдались 2-му Балтийскому флотскому экипажу. В момент нашего прихода [3]) на телефонной станции матросов сменили кексгольмцы, которые несли там караул. Этот караул отнесся к нам и нашим документам с недоверием, намереваясь нас задержать. Потом пришли матросы, которые требо-

---

[1]) В подлиннике: «Муфелев».

[2]) Окончание фамилии неразборчиво.

[3]) «Нашего прихода» вписано.

вали, чтобы нас отправили во 2-ой Балтийский [1]) экипаж, где уже находились забранные на телефонной станции юнкера, с которыми матросы обещали расправиться — побросать за борт.

Мы же были отправлены в полковой комитет с конвоем Кексгольмского [2]) полка, откуда с председателем поехали в Смольный.

Просим принять меры для предотвращения жестокой расправы.

В числе матросов присутствуют ньяные матросы. Было 9 ч. 30 мин.

Телефонограмма с завода «Феникс» от члена заводского комитета Романова.

Принято 29/X, 10 ч. 30 м. веч.

Юнкера Михайловского артиллерийского училища (Нижегородская улица) [3]) сдались. Оружие вывозится штабом Красной гвардии с Московским полком. Один автомобиль уже нагрузили. В училище производится обыск.

Донесение от Московской заставы от Революционного штаба.

29/X, 10 ч. 55 м. веч.

Требуются санитарные автомобили. Возможно больше: много раненых. В направлении Петергофского шоссе слышны крики «ура». Требуется также артиллерийская подмога, так как, по имеющимся непроверенным сведениям, в распоряжении Керенского имеется бронированный поезд.

Донесение механика Тарана по телефону.

10 ч. 55 м. веч., 29/X.

На станции Кушелевка уже 8 часов стоит поезд с нашими войсками. Они задерживаются благодаря провокационному сообщению железнодорожного комитета о том, что железнодорожный мост на соединительной ветви Финляндской ж. д. разведен. Механик Таран, в ведении которого находится этот мост, категорически утверждает, что мост не разведен и не был разведен. Он просит прислать комиссаров для того, чтобы поезд был немедленно отправлен; просит также, чтобы посланные комиссары предварительно зашли к нему. Он живет в домике около моста через Неву за Невской заставой, около церкви Скорбящей.

Комиссар нужен и на станцию Глухоозерская, откуда... [4])

---

[1]) Далее зачеркнуто: «флотский».

[2]) В подлиннике: «Кененбергского».

[3]) («Нижегородская улица») вписано.

[4]) Конец донесения отсутствует.

29/X, 12 ч. ночи.

Тов. Товбель сообщила, что в Гренадерском полку состоится завтра, в 9 часов утра, митинг с представителями от города, который будет направлен против нас. Необходимо послать нашего оратора, — по возможности, гласного думы. На этом митинге, как было сказано с кафедры думы, будет решен вопрос, как быть гренадерам дальше.

---

12 ч. 22 м. ночи, 29/X.

Комиссаром Николаевской ж. д. Шамсовым сообщается, что Исполнительным комитетом Николаевской ж. д. получена телефонограмма от Всероссийского комитета спасения революции:

«Командующий войсками Всероссийского комитета спасения революции Синани приказал войскам Петроградского гарнизона не выполнять никаких распоряжений Революционного большевистского комитета, разоружать и арестовывать комиссаров, разоружать шайки, принять [1]) решительные меры к подавлению восстания». Приглашает железнодорожников помочь [2]).

Исполнительный комитет [Николаевской] железной дороги держится нейтрально. Телеграмма ими исполнена не будет.

Просит дать смену. Исполнительный комитет дороги [находится] во дворе прибытия поездов, большое белое здание.

Был услышан разговор двух солдат из команды разведчиков, которые говорили о том, что был послан броневой автомобиль через Охту окружным путем. Кроме того из их разговора выяснилось, что горит Гатчина. Они утверждают, что отсюда были посланы разведочные части и прошли к войскам Керенского. Они слезли у Смольного и отправились в 9-ю сотню по Тверской улице.

Показания М а л ы г и н о й (из ком. 14-а)

29/X.

Комиссар [3]) почт и телеграфов Выборгского районного совета заявляет, что телеграммы с Финляндского вокзала посылать нельзя. Надо их отправлять через центральный телеграф.

Донесение из Царского села.

28-го, после полуночи, была занята войсками Керенского радиостанция. Сегодня, 29-го, послал по радиотелеграфу 6 воззваний с при-

---

[1]) «Принять» вписано.

[2]) «Железнодорожников помочь» вписано.

[3]) Перед этим словом зачеркнуто: «телегр... член Выборгского».

зывом не подчиняться Исполнительному комитету Всероссийского съезда советов. Царское село объявлено на осадном [1]) положении.

От Царского села отошли без боя.

Казаков в Царском селе от 3 до 4 сотен. Керенский находится там же. Казаки заявляют, что сражаться с главными [2]) силами они не хотят. Царскосельский Совет раб. и солд. деп. находится в Пулкове.

Радиотелеграф всецело в руках Керенского; его радиотелеграммы передаются повсюду.

29/X, 10 ч. веч.

3 Литейного подрайона старший милиционер из Пскова выехал 27 октября в 12 ч. ночи и следовал в Петроград, куда и прибыл в $12^1/_2$ ночи сего числа. В Пскове я узнал, что 25—26 октября все главные штабы и телефонно-телеграфные централи [2]) были в руках Псковского совета, но 27 октября утром прибыли туда казаки Дикой дивизии в незначительном количестве, которые по приказанию Керенского удалили из штабов и централей [2]) войска Совета и сами заняли означенные места. Железнодорожный состав классных чинов [2]) все на стороне Керенского и произносят [3]) в разных местах речи за Керенского, а низшие служащие на стороне Военно-революционного комитета. В Луге Совет Р и СД обезоружен и арестован. В Гатчине мы стояли около пяти часов вчера вечером, там я от известного в латышских кругах [4]) Амптмана-Бредита узнал, что Керенский вместе с Корниловым и Михаилом Александровичем находятся в Гатчине и штаб их помещается в Гатчинском замке. Действуют они все совместно. Город Гатчина объявлен на военном положении, а также учрежден революционный суд. Всякое сборище свыше 3-х человек воспрещено. В распоряжении Керенского находится одна казачья Дикая дивизия и гатчинские юнкера. Солдаты пехотинцы в душе на стороне Военно-революционного комитета, но они одни не в силах подняться и сорганизоваться и находятся в ожидании лучшего момента.

Ст. милиционер [подпись неразборчива].

NB. Имеются сведения, что все латышские стрелковые полки 25 октября выехали с фронта в Петроград для защиты Петроградского совета, но по дороге войсками Керенского задержаны.

Ст. милиционер [подпись неразборчива]

---

[1]) «Осадном» вписано над зачеркнутым «военном».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) В подлиннике «производят».

[4]) В подлиннике «в латышском круге».

Из Царскосельского вокзала солдаты 4-го стрелкового полка просят принять меры к тому, чтобы дать им направление и довольствие.

Тов. Левицкий, отправленный [1]) на помощь [2]) на телефонную станцию, 150 чел. и 8 пулеметов [3]) с Балтийского вокзала [4]). Они просят установить связь.

Предложение для Петрограда.

В ночное время появляются [5]) провокационные выстрелы — необходимо для этого завести дежурный мотор; мотор следует реквизировать... [6])

Тов. Хохлов [доносит]. По последним сведениям, идут эшелоны из Ревеля и Выборга. Передавал форт Ино.

Из Выборга около 4 000. Один уже прошел форт Ино, с 1 000 идут из Выборга [7]).

29/X.

Вчера ночью приезжала Уссурийская [казачья] делегация узнать, в чьих руках власть. Узнав, что в руках Совета, [казаки] заявили, что выступать не будут.

---

[1]) «Отправленный» вписано.
[2]) «Помощь» вписано над зачеркнутым: «Балт..»
[3]) Так в подлиннике.
[4]) «С Балтийского вокзала» вписано.
[5]) Так в подлиннике.
[6]) Далее одно слово неразобрано.
[7]) Так в подлиннике.

ФЛОТ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОБЕДЫ.

Кронштадские и гельсингфорские матросы, широким потоком влившиеся в ряды поднявших восстание питерских рабочих, оказали значительную боевую помощь при ликвидации диктатуры буржуазии. Соглашательский Центрофлот, открыто перешедший в Октябрьские дни на сторону контрреволюции и вошедший в состав «Комитета спасения революции и родины», был по директиве правительства распущен. Отношение матросских масс к уничтожению этой общефлотской «демократической» организации подтвердило лишний раз окончательный отход масс от эсеров и меньшевиков.

Победа пролетариата вызвала со стороны всей контрреволюции уже в ноябре ряд попыток свергнуть Советское революционное правительство. Активные контрреволюционные выступления (наступление на Петроград красновских казаков, восстание в Петрограде юнкеров) сочетались с саботажем.

Такая тактика была применена и морским министерством и командованием флотов. Этому надо было положить конец. Произведенные аресты и увольнения, введение в б. морском министерстве и закрепление во флоте института комиссаров отрезвляюще подействовали на часть офицерства.

Особенно подчеркивал свое непризнание советской власти штаб Балтийского флота, во главе с командующим демонстративно отказавшийся признать управляющего министерством капитана I ранга М. Иванова, назначенного на эту должность Совнаркомом.

В этой обстановке саботажа и контрреволюционных планов и действий командования и офицерства Военно-морской революционный комитет наметил созыв Всероссийского съезда моряков флота. Политическая обстановка требовала концентрации всех сил революции, где одно из первых мест принадлежало морякам.

18 ноября (по ст. стилю) 1917 г. в Петрограде в д. № 18 по Максимилиановскому пер. открылся 1-й Всероссийский съезд моряков военного флота. Созыв съезда и его деятельность значительно содействовали закреплению авторитета «коллегиального министерства» — Верховной морской коллегии. Съезд, большинство делегатов которого составляли большевики, подчеркнул свою готовность всемерно поддерживать советскую власть. Как отнесся съезд к советской власти, видим из принятой им резолюции, в которой заявлялось, что «вся мощь военного флота будет верно и стойко поддерживать власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эту единственную власть, давшую нам и землю и волю и смело идущую навстречу скорому миру». Эта резолюция была принята большинством 159 человек против 2 при 19 воздержавшихся.

Свое основное внимание съезд сосредоточил на политических вопросах, одновременно с этим разрешив и ряд текущих вопросов, имевших актуальное значение для

флота. К ним относится утверждение проекта реорганизации на новых началах управления флотом и морскими учреждениями, сюда же следует отнести и создание так наз. «Совета 20», приведшего к упразднению Адмиралтейств-совета.

Выступление на съезде тов. В. И. Ленина подчеркнуло значение и роль флота в Пролетарской революции.

Касаясь создавшейся обстановки, саботажа буржуазии и интеллигентских буржуазных кругов, подчеркивая необходимость «практически учиться управлять страной», Ленин говорил: «В этом отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс; в этом отношении флот показал себя как передовой отряд [1]).

1-й Всероссийский съезд флота, как и 2-й съезд Балтфлота занял определенную большевистскую позицию, включив без всяких колебаний в свою работу ряд сложнейших и ответственных политических и организационных вопросов строительства нового — Красного флота.

Сильное впечатление произвел съезд и на командный состав, убедившийся еще раз в своей полной беспомощности и бессмысленности своих контрреволюционных планов внутри флота. Матросская масса стояла за советскую власть, она делала все, чтобы укрепить диктатуру пролетариата, выполняя директиву Ленина, которую он через 1-й съезд дал флоту в отношении закрепления союза рабочих и крестьянства. «Пусть флот,— говорил Ленин, — посвятит все свои силы тому, чтобы этот союз остался основой государственной жизни; если этот союз будет крепок, никто не сломит дело перехода к социализму» [2]).

А. Дрезен.

Протокол № 1 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 18 ноября 1917 года [3]).

Заседание открывается в 14 часов председателем Морского военно-революционного комитета тов. *Вахрамеевым.*

Тов. *Вахрамеев.* — Я, товарищи, от имени Морского революционного комитета приветствую представителей революционного флота. (А п л о д и с м е н т ы.)

Товарищи, вы приехали сюда в самый торжественный момент, в тот момент, когда русский революционный народ взял власть в свои руки для того, чтобы проводить ту борьбу, о которой мечтают народы всего мира, борьбу за социализм. Мы, товарищи, должны создать новую программу, чтобы весь механизм государства действовал не на пользу какой-то кучки, а на пользу трудящихся масс. Вот над этой задачей вам, товарищи, придется поработать!

---

[1]) В. И. Ленин. Соч., 3 изд., т. XXII, стр. 102.
[2]) Там же, стр. 102.
[3]) ЛОЦИА. Стиль в заголовках старый.

Предлагает собранию выбрать президиум для съезда из 6-ти человек.

Председателем был избран тов. *А. Баранов* (154 гол.), тов. председателя *Е. Блохин* (93 гол.), тов. председателя *А. Платонов* (75 гол.) и три секретаря: *В. Лемехов* (70 гол.), *Р. Кронберг* (69 гол.) и *Э. Двойных* (60 гол.).

Президиум занимает в 14 ч. 45 м. свои места.

Председательствующий *Баранов.* — Товарищи, в ответственный тяжелый исторический момент мы собрались сюда обсудить вопросы государственной важности и вопросы, касающиеся новой бытовой жизни. Вы, товарищи, знаете, что в первые дни великой русской революции победила буржуазия руками демократии и фактически стала у власти. В Октябрьскую революцию победили солдаты, матросы, рабочие и крестьяне. Мы стали у власти. Сам народ вышел победителем и взял власть в свои руки в лице Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Я, товарищи, уверен и надеюсь, что та власть, которая сейчас существует, только она способна созвать Учредительное собрание и разрешить вопрос о мире. Мы должны поддержать эту власть, которая ведет борьбу с вековыми угнетателями.

Я надеюсь, что в этом среди нас не будет разногласия, и мы ее единодушно поддержим! (А п л о д и с м е н т ы.)

Председательствующий Баранов предлагает принять для собрания регламент, который большинством голосов принимается.

Затем он предлагает принять порядок дня, предложенный Военно-морским революционным комитетом.

Порядок дня первого Всероссийского съезда военного флота. 1) Выборы президиума (председатель, 2 товарища, 3 секретаря). 2) Текущий момент и о власти. 3) Доклад членов Военно-морского революционного комитета: а) Деятельность Центрофлота (тт. *Штарев, Евдокимов* и *Марусев).* б) Военно-морской революционный комитет (тов. *Вахрамеев).* 4) Доклад Верховной морской коллегии о реформах в морском ведомстве (тт. *Дыбенко* и *Иванов).* 5) Выборы в Центральный исполнительный комитет С Р С и Кр. Д и в Верховную морскую коллегию. 6) Доклад тов. *Любицкого* о деятельности Украинской рады. 7) Текущие дела.

Единогласно принимается, но вносится добавление в п. 2 — по вопросу о власти, что большинством принимается.

Входит тов. *Раскольников,* который встречается бурными аплодисментами.

Председатель предоставляет слово тов. *Раскольникову,* который докладывает, при каких трудных условиях пришлось работать при подавлении контрреволюции в дни 24 и 25 октября.

Входят в зал заседания представители Военно-морской коллегии тов. *Дыбенко* и тов. *Иванов*, которые встречены шумными аплодисментами, переходящими в овацию.

Председательствующий предоставляет слово тов. *Иванову*.

Тов. *Иванов* освещает свою политическую платформу. Выражает благодарность за приветствие и просит оказать в его работе поддержку, что и выражается собранием шумными аплодисментами.

Тов. *Дыбенко* докладывает о деятельности морского ведомства, освещает несправедливость бюрократии морского ведомства и как факты приводит следующее: лучшие транспорта министерство предполагало отправить в Англию.

Тов. *Штарев* вносит следующее предложение:

«Мы, представители Всероссийского съезда военного флота, во имя борьбы за народные идеалы, во имя русской революции, во имя всеобщего единения трудового народа, во имя прекращения кровавой бойни, во имя Интернационала, мы, 1-й Всероссийский съезд военного флота, постановили поднять на всех судах Всероссийского военного флота вместо Андреевского флага флаг Интернационала в знак того, что весь русский военный флот как один человек встал на защиту народовластия в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Предложение принимается единогласно.

Вносят предложение решить, на какое время красный флаг поднимается.

Тов. *Дыбенко* делает разъяснение, что красный флаг поднимается на время заседания съезда, а в дальнейшем Андреевский флаг будет заменен республиканским.

Вносится предложение почтить память павших борцов за революцию вставанием. Собрание встает и поет похоронный марш.

В 20 часов 15 минут при пении марсельезы заседание закрывается до следующего дня.

Председатель *А. Баранов*.

Секретарь *Р. Кронберг*.

Протокол № 2 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 19 ноября 1917 года.

Заседание открывается в 11 часов, председателем *Барановым*.

Председатель оглашает телеграмму, полученную из Берлина в 4 часа 15 минут.

«Берлин, 1/XII. 4 часа 15 минут.

Правительству Российской республики.

Главная комиссия рейхстага единогласно присоединилась к заявлению государственного канцлера от 29/XI о его готовности обсудить русское предложение мира, причем гр. Хертлинг заявил: вчера русское правительство дало из Царского села радио-телеграмму, подписанную народным комиссаром по иностранным делам г. Троцким и председателем народных комиссаров г. Лениным, направленную правительствам и народам воюющих стран, в которой оно предлагает в ближайший срок вступить в переговоры о приостановке военных действий и всеобщем мире.

Я готов заявить, что в делавшихся до сих пор известными предложениях русского правительства заключаются пункты, которые могут быть приняты за основу переговоров, и что я готов вступить в таковые, как только русское правительство пришлет уполномоченных для того представителей.

Я надеюсь и желаю, чтобы эти стремления приняли определенную форму и принесли мир.

Статс-секретарь Кюльман.

Народный комиссар по иностранным делам».

Председатель оглашает поступившее заявление о выборе делегации из 5 человек на похороны жертв революции, павших в дни 24—25 октября.

Предложение единогласно принимается.

Поступает предложение поручить [представительство на похоронах] желающим, что собрание принимает. Желающими оказываются следующие: Степанов, Котков, Быстров, Матвеев, Куценко и Шамшов, которым поручается на братской могиле сказать горячее слово от Всероссийского военного флота.

По дальнейшему пункту порядка дня — о текущем моменте и об отношении к власти — выступает т. *Любицкий:*

Товарищи, когда совершилась первая революция, у нас во флоте не было того единения, которое есть теперь, не было определенного отношения к власти. Только единичные личности понимали, что наша революция не может ограничиться тем, что сбросит Николая II и установит буржуазную республику. Балтийский флот с первых дней занял правильную позицию. У нас исторически прогрессивным классом является не буржуазия, а рабочий класс. Этого не поняли наши социалисты-соглашатели. Политика буржуазного правительства дала нам наступление 18-го июня, а партию, которая одна говорила, что наступление невозможно, — эту партию называли изменниками и шпионами. Теперь мы видим, какие это изменники. Народные массы

поняли, что старое правительство не может действовать в интересах народа. Отсюда революция 25-го октября. Говорят, что это авантюра. Нет, это не авантюра, а революция, это восстание масс. Оттого оно и было безкровно. А соглашатели, вместо того, чтобы помочь безкровной передаче власти народу, с первого дня срывали съезд. Нельзя играть революцией. Нельзя коалировать с Авксентьевым. Допустили ли бы эти господа переговоры о мире? Никогда! Величайший героизм со стороны партии большевиков — взять на свои плечи бремя власти.

Пока будет существовать русский флот, возврата к старому нет!

Тов. *Платонов* (председатель Черноморского съезда). Я буду говорить от имени Черноморского съезда, выразителя [настроения моряков] Черного моря. Товарищи, буду краток, после речи докладчика — текущий момент освещен.

В первые дни у власти у нас была буржуазия, но она долго не удержалась, далее была коалиция, которая лопалась, как мыльный пузырь. Отчего же? А вот отчего. Мы говорили: землю — земельным комитетам. Для чего? Для того, чтобы весь народ имел хлеб — рабочий у станка, солдат в окопах, матрос на судне, крестьянин в деревне, но коалиция вместо хлеба дала нам голод и голод. Второе — мы говорили контроль над производством. Коалиция кормила нас завтраками, нас саботировали, мы страдали. В Донецком бассейне капиталисты не открывали новых копей. Угля нехватало, железные дороги и заводы останавливались, и мы получали промышленный голод. Третье — с первых дней [революции] мы говорили о мире. Что же делало правительство? Оно, в лице Терещенко, собиралось ехать в Париж для того, чтобы вырабатывать условия продолжения войны. Вместо мира нам предлагали лить кровь ручьями, поэтому мы говорили: долой их и вся власть Советам, как в центре так и на местах! (Аплодисменты.) Мы, товарищи, творцы дворцов, всех богатств, творцы железных дорог, имеем право на власть, она должна с первых дней революции принадлежать нам. Никто лучше нас не сумеет удержать эту власть.

Оглашается резолюция Черноморского съезда.

Резолюция

1-го Обще-Черноморского флотского съезда.

Заслушав и обсудив доклад т. *Зинченко* о Втором Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов при участии крестьянских депутатов и прения по текущему моменту, Черноморский флотский съезд признает [1]) позицию, занятую Съездом в вопросе о переходе

[1]) В подлиннике: «принимает».

всей власти к Советам, вполне правильной. Признавая Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов вполне правомочным, Черноморский флотский съезд считает вновь избранный Центральный исполнительный комитет Всероссийского съезда советов единственным источником власти. В то же время Черноморский флотский съезд, находя уход меньшинства преступным (ибо этот уход повел к разделению единой революционной демократии на два враждующих лагеря и привел к тяжким формам гражданской войны), предлагает представителям меньшинства занять оставленные для них места в избранном вторым Всероссийским съездом Центральном исполнительном комитете. Черноморский флотский съезд, в грозный час борьбы революционной демократии с буржуазией за власть, когда сплочение сил революционной демократии есть единственное условие победы революции, призывает всех матросов, солдат, рабочих и крестьян тесно сплотиться вокруг своих Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и поддержать их в борьбе с контрреволюцией!

Председатель Черноморского съезда П л а т о н о в.

Секретарь З а й ц е в.

Тов. *Вахрамеев.* — Не буду говорить о текущем моменте, я хочу обратить ваше внимание, что все комитеты, вся армия давно уже высказалась за власть Советов. Уже часть флотов Балтийского и Черноморского также высказались, но нужно эти отдельные голоса слить воедино и могучим голосом сказать о нашем отношении к власти революционного пролетариата, приветствовать и поддерживать ту власть которая защищает наши интересы.

Поступает предложение закрыть прения.

Против высказывается т. *Ермак.* — Хотя вопрос ясен, но прекратить прения нельзя, может быть, есть противники власти Советов. Лучше ограничить время, но дать им высказаться, иначе будет насилие и при голосовании не будем знать настроения и взглядов меньшинства. Я верю, что у нас нет трусов, которые могли бы скрыть.

«За» говорит т. *Куценко.* Ставится на баллотировку и большинством отклоняется.

Тов. *Штарев.* — Все вы говорили о советской власти, но что же будет дальше? Все говорят, что она будет до Учредительного собрания, но я далеко не уверен. Вы не высказались о том, что согласны ли вы поддержать эту власть до полного осуществления ее лозунгов. Этот вопрос не освещен, а он — самое главное. Я знаю, что здесь даже есть противники советской власти, потому что интересы сталкиваются с интересами. В Черноморском флоте есть раскол. Вчера мы послали туда красный флаг, а там еще висит флаг Рады.

Поступает предложение ограничить время ораторам 5 минутами (большинством 70 против 48 при 7 воздержавшихся принимается.)

Тов. *Решетов.* — Нужно чтобы власть была обще-демократической, составленная из всех социалистических партий. Настоящая власть тоже рухнет, если ее не поддержит революционная демократия, а если поддержит, то она будет крепка.

Тов. *Юртаев.* — Наш флаг всегда будет авангардом русской революции. С прискорбием слышу, что в Черноморском флоте висит два флага. Для этого лилась кровь наша? Кровь должна, как цемент, спаять нас. Пославшие меня сказали мне твердо: власть Советам! До каких пор мы будем поддерживать ее? — До полного осуществления наших лозунгов. Когда это будет — я сказать не сумею.

Тов. *Ермак.* — Я — левый социалист-революционер и признаю, что власть должна принадлежать всем трудящимся, а не одним большевикам и социалистам-революционерам. Я согласен с революцией, но прибавлю, что власть должна принадлежать всем трудящимся.

Тов. *Двойных.* — Я говорю не от какой-либо партии, а как представитель воздушной станции бухты «Нахимовой» Черноморского флота. Товарищи говорили о лидерах большевиков и эсэров. Мы идем за партией не из-за лидеров, а потому, что эта партия выражает интересы трудового народа. Не надо спорить из-за лидеров: Чернова, Церетели, Ленина и других. Мы должны отшатнуться от партий, не оправдавших наших надежд. Если большевики не оправдают наших надежд, мы их бросим. Мы идем за ту партию, которая отражает и защищает интересы трудового народа. Не надо верить в личность, а смотреть на их дела: если они изменят нам, то мы их бросим. Власть Советам нужна, потому что Советы есть трудовой народ, и мы должны поддерживать настоящее правительство, пока оно идет с нами.

Тов. *Штарев* (представитель корабля Балтийского моря «Севастополь»).— Мы все спорим о власти. Как добыли власть матросы, крестьяне, рабочие? Вернемся назад, к первым дням революции, когда многие не знали, к чему примкнуть. Я считаю, что матросы, особенно Балтийского флота, есть истинные борцы за свободу. Гучков, Милюков и другие могли только временно быть в правительстве, пока мы не успели сорганизоваться. Мы шли неуклонно к власти и теперь должны разобрать, как эту власть установить. Сейчас в силе партия большевиков, и этому есть оправдание в ходе революции. Социалисты-революционеры не пристали ни туда ни сюда; для революции нужен характер и характер твердый, железный. Вопрос для нас ясен. Посмотрим на выборы в Учредительное собрание. Там идет половина кадетов, и они будут решать судьбу земельного вопроса и других.

Власть должна быть железная. Я был беспартийным, но ход событий заставил меня стать большевиком.

Тов. *Яковлев* (представитель Сибирской флотилии). — Я буду говорить от Сибирской флотилии, а не от партии. Товарищи балтийцы и черноморцы — здесь у центра, у мозга революции, а мы далеко не успели высказаться так определенно. Два месяца тому назад наша флотилия высказалась за власть Советам. Мы получаем часто непроверенные сведения, но все-таки ощупью шли мы правильно. Мы понимали интересы народа снизу, а не сверху. Если Учредительное собрание не будет выразителем народных интересов, то мы опять скажем: власть Советам!

Тов. *Буданов* (представитель Николаевского порта Черного моря). — Здесь говорили о расколе в Черноморском флоте. Нечего удивляться расколу в Черноморском флоте, который так далеко от центра революции. Мы питались только буржуазной печатью, печать демократическая доходила до нас редко. Коалиционная власть невозможна. Страну вели к гибели и разгрому армии не большевики, а буржуазия. Я знаю факты, когда на румынском фронте офицеры устраивали оргии и кричали: «да здравствует прорыв фронта — в этом наша победа!».

Тов. *Волошин*. — С тех пор, как мы свергли Николая, у нас есть желание и воля народа, которые мы и будем проводить в жизнь. Мы должны сказать, что у нас нет кумиров, а есть наши товарищи — Ленин и др., близкие по духу, которых мы и уважаем. Учредительное собрание нам дать ничего не может, если мы сами не будем работать. Мы должны работать не покладая рук. Власть должна принадлежать Советам.

Тов. *Марусев*. — Товарищи, кто создал власть Советов? — Мы. Кто создал революцию? — Народ. Что такое Советы? — Народ. Но не старые Советы, которые были наполовину кадетские, а нынешние. Мы прошли эпоху буржуазной революции и вступили в период социальной революции. Надо поддержать настоящую власть. Без нашей поддержки она тоже рухнет. Надо толкать ее по пути социализма, и, если она сойдет с этого пути, мы ее бросим и пойдем сами.

Тов. *Ермак* предлагает выразить доверие настоящему правительству и приветствовать его. Крушения этой власти не должно быть, ибо ее поддерживает народ, и небольшая кучка [несогласных] должна уйти прочь.

От *Каспийской и Урмийской флотилии*. — Я представитель Каспийской и Урмийской флотилии. Я прибыл от четырех с половиной тысяч товарищей из далекой Турции со следующим наказом: вся власть Советам и полная поддержка правительству народных комиссаров.

Раньше у нас были разные партии, теперь есть только одна — крепкая, сильная, которую сама жизнь назвала партией большевиков. Меня также просили передать поклон и горячий привет тем, кто шел вперед в октябрьские дни.

Тов. *Морозов* (от Чудско-озерской флотилии). — Мне наказали передать вам привет. Мы за ту партию, которая сейчас стоит у власти и которая стоит за народ. Стыдно стоять за ту власть, за которою не пойдет пролетариат. Если Учредительное собрание не будет отражать нашей воли, мы первые пойдем против него.

Представитель Северного Ледовитого океана. — Мы, представители дальнего севера, имеем наказ: власть Советам. Хотя мы и оторваны от всех морей, но идем, товарищи, вместе с вами.

Тов. *Баранов* берет слово не как член президиума, а как член Центрального комитета Балтфлота.— Товарищи, вы переживали первые дни русской революции, светлые и радостные дни, вы видели, что вы одержали громадную победу, вы сбросили ту кучку негодяев, ту кучку бродяг, которая безответственно продавала нашу Россию, которая довела Россию чуть ли не до гибели. Вы радовались, что нет больше Николая, но вы, как и многие, не учитывали, что власть из рук Николая перешла в более крепкие руки, которые и до сих пор держат ее на Западе не путем палок, а путем затемнения масс, — в руки буржуазии. Мы радовались, товарищи, но наша радость постепенно стала пропадать. Появилось недовольство той властью, к которой вначале было доверие и уважение. Я помню аплодисменты Керенскому, я помню, как мы возносили на пьедестал наших кровных классовых врагов. Это происходило от нашего непонимания. Вы помните недовольство, которое выразилось в стычке 21-го апреля? — Это [произошло] потому, что власть не могла проводить того, что было надо народу. Народ хотел мира без аннексий и контрибуций. Милюков тоже хотел мира «без аннексий и контрибуций», но проливы все-таки нам. Вы видели дальше, как политика правительства начинает терять доверие. Почему же? Когда разгорается великий котел русской революции и на одном берегу встают угнетатели, а на другом угнетенные, то смешно искать средней линии. Этой линии быть не может. Одновременно враждуя и соединяясь, — нельзя вести борьбу, — это значило бы действовать за весь народ в интересах буржуазии. Вы помните совещание в Москве, где не были допущены большевики, где большинство не отражало настроения народа? Все эти совещания созывались, чтобы так или иначе поддержать политику Церетели и Чернова, которая уже проваливалась. Этого им не удалось, сознание масс говорило противоположное.

Список ораторов исчерпан. Оглашается следующая резолюция:

«Всероссийский съезд военного флота, обсудив вопрос о текущем моменте и о власти, постановил:

1) Горячо приветствовать товарищей народных комиссаров за их преданность интересам трудового народа — последовательную настойчивость в деле окончательного разрыва цепей рабства и угнетения. Съезд во всеуслышание заявляет, что всей своей мощью военный флот будет верно и стойко поддерживать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эту единственную власть, давшую нам и землю и волю и смело идущую навстречу скорому миру. Вместе с тем съезд заявляет, что и впредь власть должна быть создана только из представителей тех партий, которые показали свою непоколебимую преданность революции и народу не на словах, а на деле.

Всероссийский съезд военного флота ни на минуту не сомневается, что рабочая и крестьянская власть, опирающаяся на могучие плечи всего трудового народа, быстро сумеет одолеть всех тех врагов революции, которые бесстыдно предают интересы народа своим саботажем и стараются подорвать власть рабочих и крестьян. Всероссийский съезд военного флота клеймит несмываемым позором оборонческие партии правых эсэров и меньшевиков, эти партии прислужников буржуазии, окончательно смешавшиеся с рядами самых откровенных черносотенцев. Съезд с пренебрежением отмечает жалкий враждебный выкрик этих обанкротившихся политиканов по адресу истинной демократической власти Совета народных комиссаров.

Да здравствует власть революционных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует социальная революция! Да здравствует Третий Интернационал!»

Предлагается поименное голосование. Собранием таковое принимается.

Результаты поименованного голосования: за резолюцию — 160 представителей; против — 2 представителя (Александр Белоусов — Черного моря, минная школа, Яков Ипатов — Балтийского моря, 2 дивизион подлодок); воздержались — 28 представителей (Аким Мацута — Черного моря, Иосиф Бугарский — Приамурской флотилии, Яков Башилов — Балтийского моря, Федор Сироватский — Черного моря, Федор Аднолько — тоже, Трофим Яценко — тоже, Артемий Решетов — тоже, Василий Рыбка — тоже, Яков Шашков — тоже, Трофим Христыч — тоже, Иван Степанов — тоже, Стефан Суховой — тоже, Исаак Матвеев — Петроградского гвардейского экипажа, Сергей Зубов — тоже, Борис Соколов — тоже, Павел Юртаев — Черного моря, Дмитрий Еремин — Балтийского моря, Георгий Коваленко — тоже, Никифор Сомусенко — тоже, Алексей Дмитриев — посыльного судна «Освободитель», Иосиф Рулькевич — Черного моря,

Сергей Сакс — тоже, Ларион Тюрен — тоже, Павел Емец — тоже, Федор Ялыгин — Балтийского моря, Федор Кутарев — тоже, Митрофан Попов — воздушной станции «Килен бухта», Павел Замковой — тоже).

После оглашения результатов поименного голосования заседание в 15 часов 45 минут закрывается до следующего дня.

Председатель *А. Баранов.*
Секретарь *Р. Кронберг.*

Протокол № 3 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 20 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 10 часов председателем *Барановым*.

На повестке дня вопрос о деятельности Центрофлота (докладчики тов. *Штарев* и тов. *Евдокимов)*.

Тов. *Штарев.* — Идея создания Центрофлота зародилась в период формирования Центральных комитетов всех морей, когда стала ощущаться необходимость в создании общей организации для всех морей. Личный состав Центрофлота вначале был из тех лиц, которые были в комиссиях Юрковского и Савича-Лебедева, а потом уже были влиты новые члены со Съезда советов р. и с. д. и делегаты, посланные от 1-го Балтийского флотского съезда.

Касаясь деятельности Центрофлота с момента его образования до 4 сентября, т. е. до приезда некоторых представителей от Балтийского и Черного морей, можно отметить только одно явление — «корниловщину», — когда на местах можно было говорить, что Центрофлот подает признаки какой-то жизни. Затем от корниловщины до 4 сентября деятельность Центрофлота можно охарактеризовать одним словом «бездеятельность». С 4 сентября до Демократического совещания деятельность выразилась в том, что остро стоявший квартирный вопрос создал конфликт. Морской министр Вердеревский поставил этот вопрос на принципиальную точку зрения о власти и тем прикрывал незаконные действия начальника генерального штаба Егорьева, который, живя на частной квартире и получая за нее квартирные деньги, до 1 января 1918 года оставил за собой всю 20-комнатную казенную квартиру, пустовавшую до того момента. Эта квартира послужила предметом для конфликта, который вылился в предъявлении ультимативных требований со стороны вновь прибывших товарищей черноморцев. Ликвидация этого конфликта служит аргументом к общей деятельности Центрофлота, заключающимся в том, что Абрамов и Гоц, ведя переговоры, поставили дело в такую плоскость,

что, якобы, при третейском суде в лице Гоца Центрофлот выйдет с достоинством из создавшегося конфликта. На самом деле Центрофлот был поставлен перед фактом снятия Центрофлотом своих требований предварительно перед тем, как Временному правительству — снять свое постановление о роспуске Центрофлота, которое было ответом на предъявленное требование Центрофлота. Такое решение вопроса аннулировало всю правоту и достоинство Центрофлота, чего многие представители Центрофлота не допускали. Но вопрос был решен так, несмотря на настояния, в первую очередь, Балтики, а затем и других морей, на требованиях Центрофлота.

В вынесении этого конфликта на Демократическом совещании, где оказано было также противодействие и невнимание к создавшемуся кризису власти в морском ведомстве в связи с телеграммой Вердеревского во все моря о роспуске Центрофлота [1]). Флоты не могли допустить подобного роспуска, не соглашаясь с Вердеревским, как представителем Директории, ведшим политику, не отвечающую чаяниям всего флота.

Граф Капнист, Егорьев и др. не уступали самому Вердеревскому, и их заботы были — не улучшить боевую мощь флота, а касались главным образом политики. Отсюда Центрофлот слушал и ждал, что скажет Керенский да Вердеревский. Могли ли они при такой политике осуществить в себе народный контроль? Нет, не могли. Затем Центрофлот открыто перешел на сторону Керенского. Он подписался под резолюцией Комитета спасения. Для меня была ясна политика и жизнь Центрофлота, и я был убежден, что кто-то должен притти и разогнать этот Центрофлот, Центрофлот, оторвавшийся от масс и пустой по содержанию. Центрофлот, вместе с Гоцем стоявший на платформе старого Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов, мог ли быть терпим? У Центрофлота было желание созвать Всероссийский съезд военного флота, но не было желания исполнить, несмотря на неоднократные требования Балтики. Съезд был необходим, и он, наконец, собрался, в лице вашем, решить задачи флота, решения которых нельзя было ждать от Центрофлота.

Тов. *Евдокимов.* — Будучи в Центрофлоте, пришлось видеть работу Центрофлота, и для меня было ясно, что он пошел по неправильному пути. Центробалт сделал замечание Центрофлоту, заявив, что Центрофлоту следует зорко следить за всеми делами по реорганизации морского ведомства, как выборной демократической организации. Когда было ясно, что Центрофлот идет вразрез с требованиями масс, что Центрофлотом руководит кучка журналистов, — опять Центро-

[1]) Так в подлиннике.

балт предупредил Центрофлот телеграммой. Приехав на 2-ой Всероссийский съезд советов солдатских и рабочих депутатов, мы старались выяснить дефекты Центрофлота, чтобы при контроле его работы, как представителя 2-го Всероссийского съезда, делегатами которого мы являлись, нам это право контроля принадлежало, ибо Центрофлот именовался при Центральном комитете совета рабочих и солдатских депутатов. 2-м Всероссийским съездом советов солдатских и рабочих депутатов было дано всероссийскому флоту 40 мест, и Центрофлот самовольно взял себе из них 6 мест, на что нами, съехавшимися от Балтийского и Черного и Каспийского морей, был заявлен протест; председатель Абрамов не протестовал, — очевидно, сознал свой незаконный поступок. Центрофлот мог просить себе одно место у съезда, как центральная организация, но не оставлять, без согласия приехавших депутатов, себе места. Приехавшие делегаты вошли во 2-ой съезд советов от лица всероссийского флота, объединились и выработали один наказ. Центрофлот, когда узнал, что помимо его собираются и вырабатывают наказ, запротестовал, заявляя, что без центральной организации мы не могли вырабатывать наказ. Но мы им заявили, что мы приехали с наказом с мест: «Вся власть Советам!», а потому изменять данному наказу не можем, потому что Центрофлот стоит на другой политической платформе, и мы слушаем только пославших нас выборщиков. Вот тут-то Центрофлот и понял, что ему не повлиять на нас, в особенности на Балтийский и Черноморский флот, — тогда он обратился к товарищам, приехавшим с окраин, которые вначале и пошли за ним. Они были из числа колеблющихся, но потом, когда с каждым днем выяснялась политика Центрофлота, его авторитет падал среди перешедших на его сторону товарищей-делегатов. Произвела сильное впечатление следующая картина: приходим на собрание 1 августа [1]). Центрофлот вошел уже в Комитет спасения, ибо была его подпись на воззваниях, расклеенных по улицам Петрограда, а здесь обсуждался только вопрос о вхождении в Комитет спасения. Не ясно ли после этого, что, как и было указано тов. Штаревым, что кучка журналистов имеет большое касательство в делах Центрофлота и что большинство членов Центрофлота подпали под влияние кучки членов, которые вершили дела без ведома этого большинства и не считались с меньшинством? На последнее указывает еще и следующее обстоятельство. Когда нами были приняты дела Центрофлота, то первое, на что мы обратили внимание, это — печати, которые были одного наименования в нескольких экземплярах. Для чего же, спрашивается, было при Центрофлоте несколько печатей? Печать — документ, из юри-

[1]) Нужно читать: «1 ноября».

дической организации, который должен строго охраняться. Войдя в Комитет спасения, Центрофлот, несмотря на роспуск, продолжал еще свою вредную работу, возбуждая массы, внося рознь между ними, ведя вредную агитацию против новой власти народа.

В заключение скажу: по заслугам был разогнан Центрофлот, и мы спокойно совершили это дело, исполняя требование наших выборщиков, ибо надо было в корне пресечь всякую вредную работу, стоящую на пути новой власти народа, власти, которую утвердил и признал 2-ой всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов.

Объявляется перерыв на 10 минут.

Заседание возобновляется по докладу о деятельности Центрофлота.

Тов. *Вахрамеев.* — Мне приходится выступать перед вами, товарищи, когда не остыли еще винтовки в Петрограде и в его окрестностях. Выступая от Военно-морского революционного комитета, должен сказать, что организация образовалась случайно. Мы думали, что наша высшая морская организация поддержит нас, но она пошла не с нами, а с лидерами — Гоцем, Авксентьевым и Даном — и пошла против нас. Тогда Центральным исполнительным комитетом съезда советов рабочих и солдатских депутатов, как организации революционной, нам была дана директива расправиться с той организацией, которая идет против народа, которая не выражает мнения масс. Мы, в числе 10 человек, приехали на собрание Центрофлота и сказали собранию Центрофлота, что вы не выражаете чаяния масс, не идете под лозунгом «вся власть Советам», а потому такая организация массам не нужна, и, по постановлению Центрального исполнительного комитета съезда совета рабочих и солдатских депутатов, Центрофлот считается распущенным, а посему тот, кто будет работать с нами останется, а тот, кто не подчиняется советской власти, пусть уходит. И с нами осталось вначале всего 6 человек: тт. Штарев, Макшанчиков, Зейлин, Стаселюк, Берг и Кудряшев, потом присоединилось еще всего 16 человек, остальные пошли в Комитет спасения. Ясно, что человек заблуждается, и мы говорим такому человеку: «Уходи». Мы приехали бороться не с 40 человеками, а с тысячами, но эти ушедшие в Комитет спасения не успокоились, а вели в казармах вредную агитацию против народной власти, пользуясь старым документом, как членов распущенного Центрофлота. Тогда из Смольного получен был приказ убрать их совсем из Петрограда. Так окончилась деятельность Центрофлота. Работы было чрезвычайно много, а нас было всего 9 человек. Надо было послать и под Красное и в Гатчино против Керенского и матросские отряды в Москву уничтожить контрреволюцию.

Дальше я коснусь нашего отношения к морскому министерству. Вердеревский предъявил нам ультиматум, что он будет работать, если в министерство не будут введены новые лица. Такой ультиматум мы должны были принять, ибо мы боролись еще на улицах, и мы приняли его единогласно. Наше министерство работало, когда другие министерства не работали, и тов. Ленин говорил мне: «Матрос не только та живая сила, которая может брать, а еще и дипломат».

Далее тов. *Вахрамеев* рассказывает, как юнкера заняли телефонную станцию и как несколько матросов отразили их окончательно и затем заняли ее; затем высказывается о проявленной деятельности тов. Дыбенко в морском министерстве и как лиц, осмеливающихся саботировать, арестовывали, и заканчивает, что главный из саботажников граф Капнист арестован и отправлен в Петропавловскую крепость (рукоплескания).

Перерыв на обед.

Заседание в 15 часов возобновляется

Тов. *Платонов* (делегат от Черноморского съезда). — Мы послали делегатов в Центрофлот с наказом: «Вся власть Советам». Что же делали наши товарищи в Центрофлоте? Возились в архивах, совершенно оторвались от масс. Подошли события переворота 24—25 октября, и Центрофлот оказался расколовшимся. Когда вышел петроградский гарнизон и матросы Балтийского флота на защиту революции, большинство Центрофлота, вместо того, чтобы стать в ряды с Советами, заняло нейтральную позицию, а потом вступило в ряды Комитета спасения и повело агитацию против восставших солдат, рабочих, матроеов и крестьян, распространяя свои взгляды. И вот почему роспуск Центрофлота был неизбежный и правильный, пресекая тем самым гражданскую войну. Наш делегат Центрофлота, вернувшись на Черноморский съезд, доложил о происшествии, и резолюция Черноморского съезда будет лучшим здесь доказательством того, как выборщики отблагодарили за грязную работу своих выборных Центрофлота.

Оглашается резолюция:

«Заслушав и обсудив доклад тов. Собина о Всероссийском Центрофлоте, Черноморский флотский съезд осуждает поведение большинства Центрофлота, примкнувшего к Комитету спасения революции, который занял явно враждебную позицию против Советского правительства и тем самым способствовал расколу в рядах демократии, и потому считает Всероссийский Центрофлот распущенным».

Тов. *Сладков*[1]). — Обвиняет Центрофлот за его оборонческую политику и контрреволюционные действия.

---

[1]) В подлиннике: «Солодков».

В защиту Центрофлота тов. *Богданов* говорит, что, хотя он виновен, но распустить его было невозможно, это — выборная организация и роспуск — покушение на народовластие.

Тов. *Шашков* протестует против домашнего ареста.

Тов. *Любицкий*, доказывая правильность позиции Военно-революционного комитета, распустившего в Октябрьские дни Центрофлот, между прочим, сказал: противники роспуска указывали, что Военно-рев. комитет своей мерой подорвал идею народовластия. Но это неправда. Вы помните, что, когда правительство Керенского хотело разогнать Центрофлот, весь флот единодушно встал в защиту Центрофлота, ибо в поползновениях Временного правительства мы усмотрели попрание основного принципа самоуправления. Но когда Военно-рев. комитет распустил Центрофлот? Он сделал это тогда, когда последний занял так называемую нейтральную, а по существу, контрреволюционную позицию.

В Октябрьские дни Центрофлот распространял воззвания, в которых сказалось явно враждебное его отношение к лозунгу: «Вся власть Советам» и к революционному движению, направленному к свержению буржуазного Временного правительства.

Для всех было ясно, что Центрофлот оторвался от масс и не только не отражал воли своих избирателей, но преступно ее искажал. В решительный момент восстания Центрофлот грозил подрывом единства и революционного энтузиазма флота, и единственным способом пресечь в самом зародыше его «работу» был именно роспуск. И Военно-революционный комитет, поступая так, творил истинную волю революционных моряков. (Бурные аплодисменты.)

Поступает предложение, ввиду ясности вопроса, прекратить прения. За — 97, против — 19 и 5 воздержавшихся.

Председатель объявляет о прекращении прений и просит вносить резолюции. Поступает три резолюции.

Резолюция тов. Марусева.

1-й Съезд всероссийского военного флота, заслушав доклад членов Военно-революционного морского комитета о деятельности Центрофлота в дни переворота 24—25 октября, когда весь сознательный пролетариат восстал, как один человек, против лживой политики правительства Керенского, высшая матросская организация, оторвавшаяся от масс, перешла на сторону буржуазии, на сторону контрреволюции в лице пресловутого Комитета спасения родины и революции, который покрыл себя несмываемым позором. Часть этого позора легла и на Центрофлот, а потому клеймим позором членов Центрофлота, которые

изменили своим выборщикам и приветствуем Военно-революционный комитет, который, разогнав Центрофлот, не дал затоптать в грязь революционное знамя моряков.

Резолюция тов. Блохина.

По вопросу о Центрофлоте Всероссийский съезд военного флота, заслушав доклад членов Военно-морского революционного комитета, постановил: приветствовать тех из товарищей, истинных передовых борцов за революцию, кто, оставаясь верен революции, своим выборщикам, отстаивал наши интересы и не позволил запятнать и опозорить революционное знамя матросов, которые в дни великих событий 24—25 октября остались на своих местах и твердо защищали интересы всех трудящихся масс в борьбе с предателями и душителями революции. Честь и слава борцам за свободу, борцам за интересы народа, за мир, за свободу, за землю и волю! Тем же товарищам, которые в критический момент, во время борьбы за наши права, за права своих выборщиков, открыто перешли во вражеский лагерь и стали в оппозицию, им Съезд всероссийского военного флота выносит строгое порицание, а представителям на местах предлагает потребовать от них отчета и предоставляет право поступить с ними по своему усмотрению.

Резолюция тов. Карпова.

Заслушав доклад товарищей Штарева, Евдокимова и Марусева о деятельности Центрофлота и находя его односторонним и неполным без представления документальных данных, Съезд представителей всероссийского военного флота постановил: вызвать телеграфом с мест разъехавшихся бывших членов Центрофлота и принять от них полный доклад, на основании документальных данных, для проверки. Съезд выделяет соответствующую комиссию.

Председатель дает высказаться по мотивам голосования.

Тов. *Карпов*. — Товарищи, здесь ни более, ни менее я слышал не докладчиков, а прокуроров, которые винили Центрофлот за его деятельность, не имея документальных данных, поэтому я предлагаю голосовать за третью резолюцию.

Тов. *Шашков* изъявляет желание выслушать обвиняемых.

Тов. *Платонов*. — Товарищи, вам говорят, что нет документальных данных, но я думаю, что решение Черноморского съезда это одно доказательство, бюллетени, выпущенные Центрофлотом, с воззванием к населению поддержать Комитет спасения родины и революции, за подписью Абрамова, — другое доказательство, почему предлагаю перейти к голосованию и голосовать за первую резолюцию.

Вносится предложение о поименном голосовании, которое отклоняется 60 голосами против 55, при 16 воздержавшихся.

Голосуется три резолюции: за первую — 135 голосов, за вторую — 16 голосов и за третью — 3 голоса. Проходит резолюция тов. Марусева.

Поступают поправки:

1) Добавить к словам «знамя моряков» — «красное знамя моряков».

2) «Пролетариат» заменить словами: «всех трудящихся».

3) В словах «мелкой буржуазии» слово «мелкой» исключить.

Поправки голосуются; за исключением второй принимаются.

Резолюция голосуется в целом и принимается единогласно при 6 воздержавшихся.

Председатель *Баранов*.

Секретарь *Кронберг*.

Протокол № 4 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 21 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 13 час. 30 мин. дня председателем *Барановым*.

На очереди доклад народного комиссара тов. *Дыбенко* о реформах в морском ведомстве.

Председатель предварительно предлагает собранию выслушать текст воззвания, в котором флот обращается ко всей России. Предложение принимается.

Воззвание.

Товарищи солдаты, крестьяне и рабочие! Пробил великий, исторический час, час, открывающий новую страницу мировой истории в деле борьбы рабочего и крестьянского класса. И то, что было идеалом и стремлением трудящихся масс всего мира, мы Октябрьской революцией сделали реальной действительностью. Мы, русский трудовой народ, раздавили нашу поработительницу — буржуазию и объявили себя хозяевами земли русской.

Но торжествовать победу еще рано. Черная рать грабителей капиталистов всех стран еще сделает попытку, путем ли продолжения войны или путем расстрелов или арестов, задушить нарождающуюся мировую революцию, а тем самым и народовластие России. Но эти душители свободы встретятся со сплоченной массой трудящихся, и мы верим, что последние выйдут победителями.

Товарищи и граждане, совершенный нами переворот и требование немедленного мира вызывают сочувствие и поддержку трудящихся

всех стран и, с другой стороны, ненависть и злобу капиталистов всех стран. И таким образом мы, революционная демократия России, зажигаем пожар мировой социальной революции во имя счастия народов всех стран и всех наций.

Мы, представители всего российского военного флота, во всеуслышание заявляем, что можем и готовы сражаться не только с авантюристом Керенским и монархистом Калединым, но мы также готовы вести упорную борьбу с французским, английским и германским правительствами капиталистов, если они встанут на путь сопротивления разгорающейся мировой революции. И тогда, когда на горизонте загорается заря международного социализма, мы, представители матросов русского военного флота, обращаемся к вам, товарищи солдаты, крестьяне и рабочие, с горячим призывом сплотиться единым тесным революционным фронтом, чтобы дать жестокий отпор врагам грядущей мировой революции.

Мы знаем, что предстоящая борьба тяжела, но мы верим, что в этой великой международной борьбе мы, трудящиеся, непобедимы, ибо на нашей стороне сила и право. Долг каждого крестьянина, солдата и рабочего, как представителей угнетаемого класса, приготовиться к великой борьбе за мир и социальную революцию, за Интернационал.

Мы к этой борьбе готовы и громко, на весь мир, провозглашаем: да здравствует братство народов! (Шумные и продолжительные аплодисменты.)

Председатель. — Только что принятое вами единогласно воззвание сплотило нас воедино. Это показывает то стойкое единодушие, которое царит среди всех нас. (Эти слова, произнесенные с большим подъемом, вызывают новый гром рукоплесканий.)

В зале появляется в это время народный комиссар по военным и морским делам тов. *Дыбенко*, управляющий морским ведомством тов. *М. Иванов* и мичман тов. *Раскольников*, встречаемые оглушительной овацией.

На трибуну всходит *Дыбенко*. Раздаются бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Дыбенко. — Первый этап русской революции, свергнув царизм, дал возможность установить некоторый контроль над деятельностью безотчетного правительства. Октябрьская революция, совершенная пролетарскими массами, дала возможность не только контролировать, но самим взять в свои руки управление всеми делами государства, в частности — морским ведомством. Мы переменили нашу роль толкачей неподатливого правительства на роль устроителей нового, свободного государства. (Шумные аплодисменты.)

Я в кратких чертах коснусь тех реформ, которые должны быть проведены в морском ведомстве. Схема организации управления такова. Во-первых, учреждается Военно-морская коллегия, в состав которой входят: комиссар, выборный и утвержденный 2-м Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов, ответственный перед ЦИК; при нем два техника, приглашаемые для управления морским ведомством. Эти три лица образуют собой исполнительный орган, проводящий в жизнь декреты и законы, относящиеся к флоту. При Военно-морской коллегии учреждается Политическое бюро, состоящее из семи человек по назначению Военно-морской коллегии. Функции бюро: контроль при сношениях с иностранными державами и сконцентрирование всей политической жизни флота. Этот отдел существовал и раньше, но его деятельность сводилась на деле не столько к тому, чтобы правильно и беспристрастно освещать события, происходящие в Европе и России, а также внутреннюю жизнь нашего флота, сколько исполнять капризы начальников министерства и их личные мнения, индивидуальные настроения выдавать за действительные факты и настроения масс. Достаточно для примера указать на то, что бывший управляющий морским министерством Лебедев о манифестациях 18 июня сообщил, как о манифестациях, прошедших под флагом поддержки Временного правительства. Между тем вам прекрасно известно, какой характер в действительности носили эти манифестации. Наша задача — создать бюро, которое точно и беспристрастно информировало бы о жизни флота и всяких политических событиях, а не играло бы роли осведомителя о вкусах и желаниях отдельных людей. (Аплодисменты.) Затем,— из среды вашего съезда выбираются 20 представителей, которые, входя в состав ЦИК советов р. и кр. д., образуют собой Морскую секцию, которая призвана заменить собой Адмиралтейств-совет и исполнять законодательные функции.

Далее тов. *Дыбенко* осветил те задачи законодательного характера, касающиеся важнейших преобразований в русском военном флоте, которыми в ближайшую очередь придется заняться названной Морской секции. Реформы эти коснутся, главным образом, нашего торгового флота, а также аннулирования ряда военных заказов, причем интересы нескольких сот тысяч рабочих, занятых на 68 заводах работами по этим заказам, не будут нарушены.

Затем тов. *Дыбенко* переходит к вопросу об остальных реформах в морском ведомстве. Для заведывания делом заготовок и снабжения всех портов материалами и продовольствием, а также для выполнения административных функций учреждается управление всероссийским военным портом. В него входят два представителя по избранию флот-

ского съезда, один комиссар по назначению коллегии, командир порта и 2 представителя центрального комитета порта. Распределение и прием заказов для морского ведомства прочих заводов морского ведомства будут возложены на особое управление заводами морского ведомства, состоящее из двух представителей по избранию съезда, одного комиссара по назначению коллегии и двух представителей Всероссийского центрального комитета рабочих и служащих заводов морского ведомства. Расследование злоупотреблений по морскому ведомству, а также злоупотреблений по закупке судов и транспортов за границей, составит задачу учреждаемой Верховной следственной комиссии. В состав ее входят 5 представителей флотского съезда: комиссия заменит собой таковую же комиссию, работающую под председательством Грузенберга. Наконец, учреждается институт комиссаров в отделах и управлениях морского ведомства. Нужное количество или приглашается и назначается Верховной морской коллегией, перед которой комиссары ответственны. Функции комиссаров — контролирование и санкционирование всех постановлений, проходящих через отделы и управления, а также содействие точному и быстрому их исполнению.

В заключение тов. *Дыбенко* указал на намечающиеся мероприятия по реорганизации в управлении морским ведомством в целях упрощения его. Реформы будут проводиться также в штабах командующих флота в видах полной демократизации учреждений флота. При штабах отдельных командующих будут находиться комиссары, в компетенцию которых войдут не только чисто хозяйственные функции, но и политические и оперативные; без согласия комиссаров ни одно распоряжение не получит силу.

По заслушании доклада были открыты прения и оглашена схема организации управления морским ведомством.

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ МОРСКИМ ВЕДОМСТВОМ.

1) Верховная морская коллегия.

Комиссар, выбранный и утвержденный Вторым всероссийским съездом советов и ответственный перед ЦИК, при нем 2 техника, приглашенных для управления морским министерством: один из них —управляющий морским министерством, второй — его помощник.

Желательно подтверждение обоих вакансий Всероссийским съездом флота.

2) При коллегии Политическое бюро.

Таковые параллельно образуются при штабах командующих флотами.

Состоит из 7-ми членов по назначению Верховной морской коллегии.

Функции: правительственный контроль при сношениях с иностранными державами. Сконцентрирование всей политической жизни флота.

3) Морская секция при ЦИК Советов.

Состоит из 20 представителей, избранных съездом.

Функции: законодательные — заменяет собой Адмиралтействсовет.

4) Управление всероссийским военным портом.

Состоит из 2-х представителей, избранных съездом, одного комиссара по назначению коллегии, командира порта и 2-х представителей Центрального комитета порта.

Функции: заготовки и снабжение всех портов материалами и продуктами и административная часть.

5) Управление заводами морского ведомства.

Состоит из 2-х представителей, избранных съездом: 1) комиссар по назначению коллегии, 2) представ. Всероссийского центрального комитета рабочих и служащих заводов морского ведомства.

Функции: Распределение и приемка заказов для морского ведомства, прием и увольнение служащих и рабочих заводов.

6) Верховная следственная комиссия.

Состоит из 5-ти представителей, избранных съездом.

Функции: расследование злоупотреблений по морскому ведомству, расследование злоупотреблений по закупке судов и транспортов заграницей, в частности (заменяет собой комиссию Грузенберга).

7) Институт комиссаров в отделах и управлениях морского ведомства.

Нужное количество лиц приглашается и назначается Верховной морской коллегией. Комиссары ответственны только перед коллегией.

Функции: контролируют и санкционируют все постановления, проходящие через отделы и управления, способствуют точному и быстрому их исполнению.

Заслушав доклад и схему организации морского ведомства на новых началах, 1-й Всероссийский съезд военного флота постановил:

Вышеприведенную схему организации утвердить, с пожеланием народному комиссару нашему товарищу Дыбенко настоящую схему провести в жизнь и совместно с представителями Всероссийского военного флота приступить к плодотворной работе на благо нашего революционного флота и родины.

Со стороны некоторых ораторов были высказаны возражения против назначаемости комиссаров, в которой ими усматривалось нарушение основного принципа выборности. Тов. *Дыбенко* разъяснил, что комиссары должны назначаться, во избежание тех трудностей, с которыми сопряжено смещение их, когда они занимают те или иные посты по выборам и таким образом считают для себя единственным контролирующим органом ту организацию (в данном случае съезд), которая их выбрала. Для того, чтобы дать возможность Военно-морской коллегии, а равно и Морской секции при ЦИК сменять комиссаров в тех случаях, когда деятельность последних идет вразрез с желаниями центральных органов флота, необходимо, чтобы комиссары назначались и были ответственны перед этими органами. Организации же, а в особенности съезды, избирающие комиссаров, лишены возможности в каждый нужный момент собраться и переизбрать своих ставленников. А так как Военно-морская коллегия и Морская секция при ЦИК являются полномочными органами всероссийского флота, то можно предоставить им назначать комиссаров по своему усмотрению.

Тов. *Карпов.* — Товарищи! Мы все здесь стоим за власть народа. Одним из основных и главных лозунгов народовластия является выборность всех должностных лиц и чиновников. В предлагаемом проекте управления морским ведомством все комиссары по отделам морского министерства (являющиеся такими же чиновниками) будут назначаться сверху, а не выбираться из среды флота; даже в самом важном отделе — политическом, по предлагаемому проекту, все члены также будут назначаемы сверху, почему этот отдел вовсе не будет выражать политической жизни флота. Таким образом предлагаемый проект противоречит основной идее народовластия — выборному началу. Я протестовал против упразднения Центрофлота, как выборной организации, — ведь за свои действия должны отвечать люди, входящие в организацию, а не сама организация. Если допустить, что ответственна организация, то нужно было бы упразднить и Исполнительный комитет Всеросс. сов. крест. депутатов, члены которого также не выражали мнения своих выборщиков перед Октябрьской революцией, но Исполнительный комитет существует, — не нужно было и нам уничтожать выборную нашу организацию. Я предлагаю вам, товарищи, голосовать против предлагаемого проекта и выбрать

комиссию для разработки нового проекта на истинных демократических началах. Я, во всяком случае, буду голосовать против этого проекта.

Затем ставится на голосование схема реорганизации морского ведомства, предложенная тов. *Дыбенко*. Схема принимается подавляющим большинством.

Затем оглашается резолюция с выражением благодарности всей Морской коллегии за ее деятельность:

«Выслушав доклад народного комиссара по морским делам тов. Дыбенко, 1-ый Всероссийский съезд военного флота горячо приветствует Морскую коллегию в лице народного комиссара по морским делам тов. Дыбенко, управляющего морским министерством тов. Иванова и его помощника тов. Ковальского, благодарит за совершенную ими работу и желает в дальнейшем успеха в их тяжелой работе на пользу русского военного флота».

Ставится на голосование, принимается единогласно, при одном воздержавшемся.

После сообщает тов. *Дыбенко* о том, как протекала Октябрьская революция в Балтийском флоте, и о деятельности нынешнего управляющего морским министерством, капитана 1-го ранга М. Иванова, и предлагает его произвести в контр-адмиралы. Затем поступает предложение произвести в следующий чин тов. Раскольникова и тов. Вахрамеева. Собрание, под бурные аплодисменты, принимает предложение о производстве в следующие чины указанных лиц, которым устраиваются горячие овации. Поочередно тт. Иванов, Раскольников и Вахрамеев, растроганные той встречей, которую им устроил съезд, выступают и благодарят за производство, подчеркивая, что, хотя отныне во флоте упраздняются всякие чины и ордена, но чинами, которыми их наградила демократия в лице съезда, они будут всю жизнь гордиться.

По поводу внесенного одним из участников съезда предложения о производстве тов. Дыбенко последний заявил:

«Самый высокий чин, которым может обладать человек, это чин борца за свободу и раскрепощение угнетенных классов. Во имя этих идеалов я борюсь и буду бороться, и это сознание — самая ценная для меня награда». (Шумные аплодисменты, переходящие в овацию.)

В зале появляется тов. *Невский*, которого собрание встречает долго несмолкаемыми аплодисментами.

Тов. *Невский* приносит приветствие съезду от имени Центрального комитета Военной организации.

Съезд, в свою очередь, поручает тов. Невскому «приветствовать Военную организацию и передать ей, что флот не дрогнет в минуту

опасности, что встать на защиту дела социальной революции он в любой момент готов и ждет, когда его позовут».

Тов. *Дыбенко* на поступивший к нему запрос о курсах мичманов военного времени разъясняет, что морские военно-учебные заведения вообще и в частности курсы мичманов военного времени будут упразднены.

— Этих мичманов, — сказал тов. *Дыбенко*, — может заменить любой матрос, прослуживший 3—4 года. Военные школы служили не столько для дела, сколько для чисто декоративных целей. В таких заведениях свободная страна не нуждается, и огромные средства, которые они поглощали, будут употреблены на более полезные цели и в первую голову — культурно-просветительные. (Бурные аплодисменты.)

Затем поясняет выборы в Морскую секцию при ЦИК СРС и КД и предлагает принять декрет об отзыве своих представителей:

Проект декрета.

Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных. Это основное принципиальное положение истинного демократизма, относясь ко всем без исключения собраниям представителей, относится также и к Учредительному собранию.

Пропорциональная система выборов, будучи более демократичной, чем мажоритарная, требует более сложных мер для осуществления права отзыва, то-есть действительного подчинения народу его выборных. Но всякий отказ на этом основании от проведения в жизнь права отзыва, всякая задержка в проведении его, всякое ограничение его было бы изменой демократизму и полным отречением от основных принципов и задач начавшейся в России социалистической революции. Пропорциональная система выборов требует лишь видоизменения формы права отзыва, отнюдь не его отстранения.

Так как пропорциональная система выборов исходит из партийных группировок населения и осуществление выборов предоставляет организованным партиям, то всякое крупное изменение в соотношении сил классов и в отношении классов к партиям, в особенности же расколы внутри значительных партий, необходимо вызывают потребность в перевыборах по тому избирательному округу, где несоответствие между волей разных классов и их силой, с одной стороны, и между партийным составом выборных, с другой стороны, явно и не-

сомненно. Истинный демократизм требует при этом безусловно, чтобы назначение перевыборов не зависело от одного только перевыбираемого учреждения, т. е. чтобы интересы удержания своих мандатов выборными не могли противодействовать осуществлению воли народа на отзыв его представителей.

Поэтому Всероссийский ЦИК советов раб., солд. и крестьянских депутатов постановляет:

Советы раб. и солд. депутатов, а равно и советы крестьянских депутатов каждого избирательного округа имеют право назначать перевыборы во все городские, земские и вообще во всякие представительные учреждения, не исключая и Учредительного собрания.

Советы имеют также право назначать срок перевыборов. Самые же перевыборы происходят обычным порядком, на строгих основаниях пропорциональной системы выборов.

Ставится на голосование и единогласно принимается.

Объявляется перерыв на 10 минут.

После перерыва открываются прения по выборам 20-ти представителей в ЦИК советов раб., солд. и кр. деп., при котором они образуют особую Морскую секцию.

Тов. *Волошин*. — Товарищи, мы из себя представляем одну дружную семью. Мы не должны голосовать по морям, по фракциям, — голосовать как матросы, а не как партии и не как фракции.

Тов. *Рыбьяков*. — Я не хочу защищать пропорционального представительства, но я уже говорил, что для более авторитетного представительства органа надо иметь представительство от мелких единиц. Мое предложение — прежде всего представить каждую из мелких флотилий, для чего выбрать по одному представителю, а остальных добавить из общего собрания. Дальние местности в такие минуты, как этот переворот, когда пропускались только телеграммы одного содержания, события освещались ложно, являются совершенно оторванными. Представьте себе положение людей, которые являются совершенно оторванными. Благодаря неправильному освещению событий я сам был противником большевиков. Если у них будет здесь свой человек, они будут знать, что он их известит.

Тов. *Шашков*. — Я в принципе не против выборов по фракциям, но думаю, что фракционных выборов в такую коллегию не может быть. Там не нужно ораторов, а нужно техников, которые своими силами могли бы сооружать то, что нужно. Он должен быть хорошим работником. Черноморцы не могут утвердить выборы по фракциям (возгласы: «Не говорить от всего Черноморского флота»). Тов. *Шашков* настаивает на выборах от флотилий.

Тов. *Богданов.* — Я буду держаться принципа выборов от всех морей, вопрос о фракциях отпадает, мы приняли резолюцию всеми против двух, следовательно, у нас все — одной фракции. Я не хочу, чтобы были нарекания на местах, я держусь за пропорциональные выборы. Кроме того я считаю, что нельзя выбирать на долгое время.

Тов. *Куценко.* — Если выбирать от фракций, то это надо было сделать вначале, надо было разбиться на фракции и выбирать по числу представителей. От флотилий тоже не годится, потому что есть большие и мелкие флотилии, надо выбирать по одному от каждого моря, а остальных от собрания. Это принцип не новый, так выбирались представители на съезд.

Вносится предложение прекратить прения, которое большинством принимается.

Председатель. — Имеются четыре предложения. Первое: выбирать из общего собрания независимо от морей: второе: от морей (пропорционально), третье: от фракций; четвертое: сначала от морей и флотилий по одному, а остальных из общего собрания.

Поступает пятое предложение: произвести выборы на местах.

Председатель разъясняет, что это предложение не зависит от всех остальных, а поэтому его следует голосовать после. Голосование дает следующие результаты: за первое 21, второе 38, третье 54 и четвертое 51.

Таким образом прошло предложение производить выборы по фракциям.

Председатель предлагает разбиться на фракции и каждой фракции наметить своих кандидатов. Собрание волнуется. *Председатель* говорит о недопустимости со стороны авангарда революции тормозить работу. Товарищ *Шашков* говорит, что большинства нет, потому что голоса разбились, и просил второе предложение переголосовать. Тов. *Любицкий* говорит, что он уполномочен партией большевиков просить переголосования, потому что при переголосовании будет еще больше большевиков.

Тов. *Ермак* подтверждает это и говорит, что некоторые голосовали за два предложения. Переголосовываются два последних предложения. Третье дает 84, четвертое 72.

Любицкий объясняет технику выборов. Все фракции должны внести свои списки, каждый из них голосуется, и по числу полученных голосов распределяются выбранные.

Объявляется перерыв на $^1/_2$ часа для составления списков. После перерыва делается заявление от группы меньшинства, что если их кандидаты в количестве 6 человек по числу морей не будут приняты, то они голосовать не будут.

Председатель протестует против ультимативности этого требования. Поступило предложение голосовать открытым голосованием, причем проверить мандаты и удалиться назад товарищам с совещательными голосами. Предложение принимается.

Производится голосование, причем для правильности отчета отбираются мандаты.

За список большевиков голосуют 116, за внефракционных —59. Сообразно с этим большевики получают 13 мест, а внефракционные 7.

По первому проходят следующие 13 лиц: *А. Баранов* (Балт. флот), *Штарев* (Балт. флот), *Платонов* (Черном. флот), *С. Баранов* (Балт. флот), *Кронберг* (Балт. флот), *Марусев* (Балт. флот), *В. Лемехов* (Балт. флот), *Кирьяк* (Черном. флот), *Павлухин* (Белом. флот), *Морозов* (Чудская флотилия), *Пендюрин*, *Фортученко* и *Рыбьяков*.

По второму списку проходят следующие 7 человек: *Волошин*, *Тихомиров*, *Богданов*, *Сакс*, *Кузьмин*, *Степанов* и *Буданов*.

Заседание в 20 ч. 40 минут закрывается до следующего дня.

Председатель *Баранов*.

Секретарь *Кронберг*.

Протокол № 5 заседания I-го Всероссийского съезда военного флота 22 ноября 1917 года.

Собрание возобновляется в 14 часов.

Председателем *Барановым* оглашаются и утверждаются протоколы за 18 и 19 ноября.

Входит председатель народных комиссаров тов. *Ленин*. (Собрание встает и устраивает шумную овацию.)

Речь тов. *Ленина* [1]).

Председатель *Баранов*.

Секретарь *Кронберг*.

Протокол № 6 заседания I-го Всероссийского съезда военного флота 23 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 13 часов 15 мин. председателем *Барановым*.

На повестке текущие дела. Приступают к выработке порядка дня.

После многих внесенных предложений, из которых некоторые отвергаются собранием, принимается следующий порядок дня:

1) Заявление Центробалта.

[1]) Текст этой речи опубликован в XXII томе сочинений В. И. Ленина 3 изд., стр. 98—102.

Заявление Центрального комитета Балтийского флота от 22 ноября 1917 г.

1) Обсудив вопрос по отношению Областного комитета и Советов и ввиду того, что масса постановлений от упомянутых комитетов аннулирует постановления Центробалта, что вводит дезорганизацию во внутреннюю жизнь флота, постановили послать одного члена на Съезд всероссийского военного флота с пояснением и настаиванием о разграничении сферы деятельности. Причины, побудившие Центробалт обратиться на Съезд, следующие: Советы осмеливаются назначать сроки и процентное указание в увольнении морских команд, чем вносят дезорганизацию в дружные ряды моряков.

2) Осмеливаются требовать от командующего флотом, всецело контролируемого Центробалтом, всевозможных отчетов по вооружению и продолжению работ по вверенному комфлоту фронту.

3) Советы вмешиваются изменять постановления Центробалта для жизни и быта морских команд, чем справедливо возмущают личный состав флота, который с глубоким негодованием присылает бесконечные делегации в Центробалт с протестом против действий некомпетентных армейско-рабочих организаций по военно-морским делам Балтики.

Председатель [подпись].

Секретарь М. Янович.

2) Создание Всероссийской продовольственной флотской комиссии.

3) О перевыборах членов ЦК.

4) О переводе Николая в Кронштадт.

5) О матросском жалованье.

6) Наказ членам Центрального исполнительного комитета.

После составления порядка дня по текущим делам в 19 часов объявляется перерыв на 2 часа.

В 21 час. 15 минут председатель объявляет заседание продолжающимся.

Открываются прения по заявлению Центробалта.

После долгих прений оглашается резолюция, которая подавляющим большинством принимается.

Резолюция 1-го Всероссийского съезда военного флота.

Заслушав доклад делегата Центробалта по разграничению действий и функций Центральных морских комитетов и других общест-

венных организаций, Первый всероссийский съезд военного флота постановил:

1) Центральные морские комитеты, как чисто морские организации, ведают и распоряжаются автономно всем инвентарем флота, портов, морских построек и личным составом флота, без всякой зависимости от прочих общественных организаций в чисто боевом и хозяйственном управлении.

2) По всем же политическим и общегосударственным вопросам работают в полном контакте с местным Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, имея в том совете морскую секцию.

Вносится предложение составить комиссию из всех специалистов, которая бы приготовила весь материал о матросском жаловании.

Предложение принимается большинством голосов.

Вносится другое — для сокращения времени, чтобы в комиссию вошли желающие члены, что принимается.

Желающими оказываются: фельдшер Васильев, кочегар Ермаков, минный машинист Январев, комендор Позорин, строевой Ватов, радио-телеграфист Чернокусатый, баталер Кузолин, писарь Быстров, машинист Максимов, подводник Вилемицкий, электрик Серебрин, гальванер Мясин, сигнальщик Харамеев, содержатель Юртаев, минер Одеологов.

В 24 часа заседание закрывается до следующего дня.

Председатель *Баранов.*

Секретарь *Кронберг.*

Протокол № 7 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 24 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 13 часов 30 мин. председателем *Барановым.*

Оглашается воззвание к населению г. Петрограда.

Воззвание

1-го Всероссийского съезда военного флота к гражданам г. Петрограда.

В великие грозные дни, когда классовая борьба приняла самые серьезные формы, когда от каждого рабочего, солдата и матроса требуется самая тесная сплоченность и полное напряжение сил, к вам, граждане города Петрограда, рабочие, солдаты и матросы, мы, Первый всероссийский съезд военного флота, обращаемся с горячим призывом. Товарищи! Не вносите дезорганизации в сплоченные ряды угнетен-

ного народа, чем вы играете в пользу нашим вековым врагам. Вы, товарищи-петроградцы, доказали столько преданности, выдержки и стойкости революции. Вы много оставили своих товарищей на баррикадах в борьбе с вековым врагом социализма. Вы так стойко отразили контрреволюцию, возглавленную Корниловым! Вы так мужественно умирали под Пулковым в борьбе с авантюристом Керенским! Вы так много заслужили славы в борьбе за благо угнетенного народа! Неужели, товарищи, после столь упорной и дорого стоящей нам борьбы, вы не в состоянии устоять против последнего и самого опасного врага? Вы, столь крепкие в борьбе за социализм, не можете устоять против губительного пьянства, от разгрома винных складов? Нет, товарищи, мы уверены, что вы не запятнаете борцов революции столь позорным клеймом. Мы надеемся, что действия наших врагов, направляющих вас на это позорное и губительное дело, не удадутся.

Товарищи! Мы, Всероссийский съезд военного флота, клеймим несмываемым позором тех, кто, несмотря на серьезность момента, предается пьянству, разгрому винных погребов и разным другим бесчинствам. Мы заявляем, что этим людям нет места в почетных рядах борцов за трудовые интересы, и заявляем, что в противном случае мы не остановимся перед самыми суровыми мерами в борьбе с этим злом.

Члены редакционной комиссии: В. Томирдиаров, С. Медведев, Н. Маркин, П. Зубанов, П. Чукмасов и Ермак.

Воззвание принимается единогласно.

Вносится предложение выработать наказ комиссии 20-ти при Центральном исполнительном комитете, большинством принимается, и в комиссию входят: *Томирдиаров, Маркин, Ермак, Зубанов и Чукмасов.*

На повестке дня — создание Всероссийской продовольственной комиссии, по которому и открываются прения.

Докладчик тов. *Ерчук.* — В своей речи он указал, что для урегулирования продовольственного дела необходимо создать на местах смешанные продовольственные комиссии, которые ведали бы продовольствием. В заключение высказал, что только таким путем мы можем добиться правильного распределения продуктов.

Тов. *Калев.* — Поддерживает предложение Ерчука, указывая, что все такие продовольственные комиссии должны быть в связи между-собою.

Тов. *Марусев* и *Калев.* — Предложение внесенное тоже поддерживают.

Тов. *Долгов.* — Выступает против внесенного предложения.

Тов. *Сулименко.* — Указал, что в гор. Севастополе уже таковая продовольственная комиссия имеется и в своих руках содержит все продовольствие.

Вносится предложение, ввиду ясности вопроса, прекратить прения.

Собрание большинством принимает.

Председатель предлагает вносить резолюции.

Р е з о л ю ц и и.

1-й Всероссийский съезд военного флота, обсудив вопрос о создании Центральной советской продовольственной комиссии и параллельно с этим о создании таковых же местных советских комиссий, постановил:

1) Все продовольственное дело в центре должно находиться только в руках народного комиссара по продовольствию и коллегии при нем, составленной из представителей от частей флота, армии, рабочих и крестьян.

2) В коллегию при народном комиссаре по продовольствию делегировать 3-х представителей от всероссийского военного флота.

3) В военных портах всех морей надлежит образовать смешанные выборные продовольственные органы при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов из представителей всех воинских частей, рабочих и всего остального гражданского населения.

После оглашения резолюция ставится на голосование и 169 голосами, при 7 воздержавшихся, принимается.

Председатель объявляет перерыв на 10 мин.

В 17 часов 30 минут заседание объявляется продолжающимся.

На повестке дня вопрос о перевыборе членов Центрального исполнительного комитета на местах.

После недолгих прений была внесена резолюция, которую принимают подавляющим большинством:

I-й Всероссийский флотский съезд, выслушав доклад о перевыборах членов Всероссийского исполнительного комитета на местах равным, прямым и тайным голосованием, принципиально приветствует это предложение, но по техническим соображениям находит невозможным быстро провести его в жизнь и тем самым осуществить принципы выборности, а поэтому 1-й Всероссийский съезд военного флота решил перевыборы членов Центрального исполнительного комитета СРС и КД, избранных Съездом, произвести на 2-м Всероссийском флотском съезде.

Члены, не отражающие интересов их избирателей, могут быть отзываемы Центральными комитетами морей на основании принятого декрета.

На повестке дня перевод Николая II в Кронштадт.

Тов. *Максимов.* — Высказался за перевод Николая II в Кронштадт.

Поступает предложение снять с повестки дня, что подавляющим большинством принимается.

Председатель переходит к следующим очередным делам — о матросском жаловании.

После долгих горячих прений собрание высказалось за передачу этого пункта в Морскую секцию при Центральном исполнительном комитете СРСД.

Срочное заявление: ввиду того, что приглашают членов Центрального исполнительного комитета на заседание и 4-х из президиума, закрыть заседание до следующего дня.

Собрание принимает, и в 19 часов заседание закрывается до следующего дня.

Председатель *Баранов.*

Секретарь *Кронберг.*

Протокол № 8 заседания I-го Всероссийского съезда военного флота 25 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 13 часов 45 минут председателем *Барановым.*

Оглашаются протоколы от 20, 21, 22, 23 и 24 ноября. Протоколы принимаются единогласно.

Выступает тов. *Вахрамеев* и докладывает собранию, что с 24-го на 25-е ноября 1917 года Морской революционный комитет сложил свои полномочия, а он вступает комиссаром в политический отдел. Теперь, если что-нибудь нужно от морского ведомства, то есть такие отделы, где есть назначенный ответственный заведующий, а если что-нибудь нужно срочно, то обращаться в Совет (двадцати), избранный при ЦИК Советов СР и КД.

По срочному вызову на корабль, тов. Каро снимает свои полномочия по управлению портами, что и принимается единогласно. На место Каро, по управлению портами, выбирается т. Томирдиаров 99 голосами.

Тов. *Павлухин* вносит резолюцию об укомплектовании команды Белого моря:

1-й Всероссийский общефлотский съезд, заслушав доклад тов. Павлухина о замене и укомплектовании флотилий Северного Ледо-

витого океана, а также принимая во внимание особо тяжелые условия плавания и жизни на постах и батареях побережья Северного Ледовитого океана, постановил: 1) команда флотилии Северного Ледовитого океана, подлежащая замене, как пробывшая время, установленное комитетом врачей от 1 августа с. г. в Мурманске, должна быть немедленно заменена и острый некомплект специалистов должен быть пополнен. 2) Центр. комитет флота Северного Ледовитого океана обращается с запросом в Центральный комитет морей об имеющихся свободных, а также и желающих специалистах, для замены и пополнения острого некомплекта команд флотилии. 3) Центральным же комитетом морей, по получении соответствующего запроса из Центрального комитета Ледфлота, организовать и отправить партии специалистов из желающих, а также по назначению, для замены и пополнения некомплекта флотилии Ледфлота.

Резолюция большинством принимается.

Приступили к выборам в Центральную продовольственную комиссию и избираются: Джезец 94 гол., Орлов 71 гол., Чукмалов 42 гол.

Объявляется перерыв на 15 минут. После перерыва оглашается заявление от линейного корабля «Полтава» следующего содержания:

«Президиуму Всероссийского съезда военного флота.

Мы команда линейного корабля «Полтава», заслушав извещение т. Мясина и т. Чалкина, а также доклад т. Сиднева, где выяснилось, что т. Богданов, наш представитель на означенном съезде, не выполняет волю своих выборщиков, ввиду чего мы решили немедленно его отозвать и вместо него избрали т. Матчина. И. Богданова же просим не считать представителем от нашего корабля.

Председатель Минаев.

Секретарь М. Боборыкин».

Заслушав заявление, собрание вместо Богданова в ЦИК советов р. и с. депутатов избирает тов. Уткина.

Редакционная комиссия вносит инструкцию и наказ.

Инструкция

от 1-го Всероссийского съезда военного флота для членов Морской секции Центрального комитета Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

1) Все 20 членов секции ответственны: а) перед своими избирателями, б) перед партией, если таковой выдвигалась их кандидатура. в) перед ЦИК Всероссийского съезда РС и КД.

2) Избиратели в любое время имеют право отзывать своего представителя, заменив его вновь избранным.

3) Партия не имеет права отзыва членов, а только доводит до сведения избирателей о его неблагонадежности, чем снимает с себя ответственность за возможные последствия со дня ее заявления.

Финансирование.

1) Члены Морской секции Всероссийского ЦИК СРС и КД получают денежное содержание наравне с прочими членами ВЦИК.

2) Все денежное содержание, получаемое членами до зачисления их на денежное довольствие членов ВЦИК, отпадает после зачисления на членское довольствие.

Примечание. В случае, если кем из членов и будет получено в двух местах, то они обязаны сдать один из них в казначейство.

О деятельности членов.

1) Все члены Морской секции ВЦИК СРС и КД не могут оставлять своих мест без замены их другими членами с места (за исключением особо важных случаев) с согласия членов 20-ти.

2) Для продуктивности работы каждый член должен иметь одну прямую обязанность и только в исключительных случаях постановлением Совета 20-ти обязан принять на себя две или более обязанностей, впредь до замены его другим членом.

Примечание. Совету 20-ти разрешается широкое право кооптации.

Наказ

1-го Всероссийского съезда военного флота.

1) О вооружении матросов в частях и при увольнении в запас.

2) О положении судовых и береговых комитетов.

3) Об уравнении харчевыми суммами береговых и судовых команд.

4) Об учетниках.

5) Об обмундировании команды флота.

6) О пересмотре жалованья матросов и офицеров.

Примечание: При уравнении низшие оклады должны быть повышены за счет высших.

7) И все вопросы, вызываемые впоследствии местной жизнью.

Все это Съезд поручает разработать и провести в жизнь выделяемому из Съезда во ВЦИК СРС и КД Совету 20-ти и иметь ввиду, что предстоящему 2-му Всероссийскому съезду военного флота должны

дать полный отчет о всей своей деятельности как хозяйственной, так административной и политической.

Члены редакционной комиссии [подписи].

Инструкция принимается по пунктам; по каждому пункту дается одному против, другому за — высказаться: каждый пункт ставится на голосование по отдельности.

После продолжительных прений ставится на голосование в целом и принимается единогласно.

В зал заседания входит тов. *Сокольников*, которого приветствуют бурными аплодисментами, переходящими в овацию. Тов. *Сокольников* делает доклад о перемирии, сообщая подробности деятельности делегации в Брест-Литовске.

После доклада вносится предложение, чтобы 250 экз. протоколов Съезда разослать по местам и высылку поручить Морской секции, что большинством принимается.

В 18 часов 30 мин., при пении марсельезы и «Смело, товарищи, в ногу», 1-й Всероссийский съезд объявляется закрытым.

Председатель *Баранов*.

Секретарь *В. Лемехов*.

ЦЕРКОВЬ И РУССИФИКАЦИЯ БУРЯТО-МОНГОЛ ПРИ ЦАРИЗМЕ.

За год до начала империалистической войны министерство внутренних дел, по департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий, запросило иркутского губернатора о причинах повального отпадения бурят от православия и перехода их в буддизм (ламаизм). Губернатор ответил, что причиною этого «печального» явления послужило будто бы «отсутствие у отпавших иноверцев — священных книг и богослужения на их родном языке; славянского же языка и богослужения на этом языке буряты не понимают».

По содержанию этой переписки синодом был запрошен иркутский архиепископ Серафим, приславший обширный доклад, который печатается ниже.

Из этого доклада архиепископа Серафима видно, что после революции 1905 г. буряты стали оказывать самое решительное сопротивление руссификации, которая производилась царским правительством при активнейшем содействии церкви. Используя царские манифесты и некоторые льготы в области так. наз. «свободы совести», вырванные пролетариатом у царизма в 1905 г., буряты стали отказываться от сношений с православными миссионерами, прекратили взносы на содержание их станов-храмов и церковных школ, сжигали православные иконы и т. д.

В своем цинично откровенном докладе Серафим дает исторический очерк «христианизации» бурят, из которого видно, что до 1827 г. (а руссификация бурят началась с XVII века) удалось обратить в православие не более 250 бурят. В этом же году удалось подкупить и крестить старшину рода ламу Барханова. За переход в православие и соблазн на это сородичей лама Барханов получил пару лошадей с упряжью и фаэтон с колокольчиками. «О подобной роскоши, — говорит Серафим, — в Тункинском крае до того времени и понятия не имели». В 1841 г. миссионерам удалось подкупить самого заседателя Степной думы, Бордоя Порушенова, который добился затем выделения одновременно с ним крестившихся 800 бурят из сферы управления Степною думою и создания специальной Тункинской «инородческой управы», где Бордой Порушенов сделался царьком.

Губернские власти, по откровенному признанию Серафима, крестили бурят в расчете, что «если крещен в русскую веру — значит, уже не бурят, а русский..., что крещеные сольются с русскими интересами и навсегда забудут свое тяготение к родственной им соседней Монголии... Епархиальная власть, идя навстречу за-

ботам власти гражданской о руссификации инородцев, — невольно [?!] становилась на ее точку зрения...»

За принятие православия буряты освобождались царским правительством на три года от платежа податей. От имени самого царя высылались крестившимся бурятским управителям (зайсанам, даргам, заседателям Степной думы и т. д.) значительные денежные суммы, ордена, медали, расшитые золотом кафтаны, драгоценные браслеты, серьги; производили их в офицерские чины, предоставляли всяческие льготы и т. п.

С 1866 г., по открытии в Иркутске отделения «Православного миссионерского общества», «тех инородцев, которые не желали принять крещение, крестили силою, при помощи полицейских чиновников и родовых инородческих властей». Архиепископ Вениамин предложил 21 марта 1878 г. генерал-губернатору Сибири «предписать кому следует отобрать у ламаита Лобсонова его жену с детьми и передать последних для крещения миссионеру, если он не захочет креститься и сочетаться с нею браком по-христиански».

По получении от миссионера списков скрытых от крещения детей бурят и жен крещеных инородцев, — царская полиция сгоняла этих бурят, по списку, в одно место, где миссионеры и совершали насильственное крещение. С другой стороны, некоторые буряты, в целях получения подарков, костюмов, продовольствия и т. п., позволяли над собою проделывать обряд крещения несколько раз.

Миссионеры стали силою отнимать у крещеных бурят их божков, бурханы, онгонов и т. п., а потом буряты приходили к миссионерам на квартиры за этими божками. «Ценные бурханы, золотые, серебряные, в большинстве случаев возвращались, причем миссионер брал выкуп; не ценных божков, как вещественное доказательство, миссионер оставлял у себя, наделяя бурят небольшою деревянною святою иконою... Было время, когда на миссионеров возлагали большую надежду, как на лучших поставщиков бурханов, онгонов и прочих принадлежностей шаманского и ламского культов».

В устраиваемых миссионерами школах, куда насильственно загоняли детей бурят, учитель не понимал языка учеников, а ученики — языка учителей. Миссионеры воровали у детей бурят казенные пайки, показывали в отчетах начальству мертвые души, пьянствовали, вымогали у населения деньги и продукты, терроризировали их доносами полиции и т. п.

Всей этой конъюнктурою очень ловко пользовалось ламаитское духовенство, устраивавшее в своих дацанах пышные службы, пение на бурятском языке, обслуживавшее бурятское население врачебно-шаманской помощью и т. п. Это же ламаитское духовенство, играя в руку феодалам и буржуазии Монголии, пыталось, опираясь на угнетательские верхушки бурятского родового управления, организовать пан-монголо-бурятское движение бурятских масс.

Архиепископ Серафим удостоверяет, что при таких условиях царский миссионер опускал руки и в оправдание свое говорил: «звонить бесполезно, потому что никто на звон не отзовется; служить же в пустом храме скучно и бесполезно — одна непроизводительная трата свечей, просфор и вина». И, пишет архиепископ Серафим, «когда разразилась гроза 1905—06 гг., оказалось, что дело, повидимому, правильно организован-

ное и прочно поставленное, не имело под собою прочного основания. Здание оказалось построенным на песке: подул сильный ветер, и от него ничего не осталось...»

В интересах спасения буржуазии и цеховой самообороны от следующей грозы архиепископ Серафим, резюмируя, как он пишет, историческую действительность, в своих заключительных тезисах предлагает в основу дальнейшей деятельности «положить новые принципы».

Эти «новые принципы», по словам Серафима, были выработаны на сибирском миссионерском съезде в Иркутске в 1910 г.

Сущность этих «принципов» выражена в основных законах Российской империи: «Свобода веры присвояется не только христианам иностранных вероисповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят бога всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование российских монархов и моля творца вселенной об умножении благоденствия и укрепления силы империи».

Национально-революционное движение среди угнетенных народностей императорской России было предметом большого беспокойства для царского правительства. 9 сентября 1909 г. председатель Совета министров П. А. Столыпин писал на имя обер-прокурора синода Лукьянова: «Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует не религиозную борьбу, а борьбу государственную, культурную. Этим объясняется тот успех который получила за последнее время панисламская пропаганда, успех которой у нас в России имеет особо важное значение... Нельзя не иметь ввиду, что почти вся многомиллионная масса русского мусульманства охватывает многочисленные народности, принадлежащие, за немногими исключениями, одному тюркскому племени, говорящему, хотя и на разных наречиях, но на одном языке. Нельзя далее упустить из виду и того, что наше пятнадцатимиллионное мусульманство населяет, живя почти в одном месте, громадные пространства, имеющие свои, далеко не забытые, исторические и культурные традиции... Очевидно, что при таком положении мусульманский вопрос в России не может не считаться грозным... Государство наше, действовавшее во все времена в тесном единении с церковью, и в данном случае не может и не должно обособляться от нее. Поэтому, по моему убеждению, работа правительства в Поволжье и, в частности, в Казанском крае должна прежде всего итти рука об руку с православною церковью. Только в этом случае можно рассчитывать на вящий успех в деле» [1]).

Царизму было о чем беспокоиться. По переписи 1897 г. «инородцы» в России составляли 57% всего населения. В этой «тюрьме народов» надо было усилить полицейские мероприятия по руссификации.

Поэтому по духовной полиции и был отдан приказ созвать в Казани в 1910 г. миссионерский съезд для борьбы с панисламизмом, а в Иркутске Всесибирский миссионерский съезд для борьбы с национально-революционным движением среди нацменьшинств Сибири.

---

[1]) Центр. архив Октябрьской революции, фонд № 3661, д. № 790.

На Всесибирский съезд были командированы крупнейшие специалисты от духовной жандармерии: тайный советник Скворцов, сотрудник для поручений при обер-прокуроре синода, редактор «Миссионерского обозрения», «Колокола» и т. п., священник Иван Восторгов, возглавлявший в Москве «Союз русского народа», сотрудник московской охранки, консультант царского правительства по делам внешней миссии в Манчжурии, Японии, Корее, Монголии и т. п., расстрелянный, как социально-опасный элемент, в 1918 г. по постановлению ВЧК; известный миссионер и церковный специалист по борьбе «с социализмом» профессор Айвазов и т. д.

Этот Иркутский съезд заслушал десятки докладов миссионеров Сибири и принял ряд реакционнейших постановлений: об учреждении на территории нацменьшинств Сибири монастырей, женских и мужских, в целях руссификации путем обращения в православие, но более «дипломатичными» методами; о борьбе с социалистическими учениями; об организации специальных черносотенных братств; о воспрещении преподавания в школах на языках нацменьшинств; об отпуске усиленных субсидий из казенных средств на дело внешней и внутренней миссии и т. д.

Одновременно Иркутский съезд постановил обратиться в синод с настойчивой просьбой спешно канонизировать «мощи» давно умершего иркутского архиерея Софрония. Архиепископ Серафим писал в своем докладе: «Бурят должен знать, что, если не теперь, то, по крайней мере, ранее были великие люди — герои среди христиан вообще и р у с с к и х в ч а с т н о с т и»...

Роль такого «великого человека», «героя», «просветителя язычников» решено было дать играть трупу фаворита имп. Елизаветы Петровны епископа Софрония, который при жизни с исключительной жестокостью даже для миссионера управлял Иркутской епархией, настроил бурятам на их средства массу церквей, часовенок, церковных школ и который прошел по бурятской стране с крестом и кнутом в руках.

Царизму, согласно издревле установившейся практике, нужно было создать и среди сибирских язычников центральный православный фетиш, обвеять его мистикою чудес и цельбоносности, окутать жизнь такого обожествленного фетиша житийными повествованиями о «святой жизни» и «праведной смерти», поставив действительную историю о классовой роли этой личности вниз головой, вверх ногами. Агиография ведает этими методами одурачивания трудящихся масс с исключительным искусством и многовековым опытом.

Коммерческие и политические расчеты подсказывали помещикам и капиталистам выгодность таких фетишей — в виде кусков трупов и «особо чтимых» икон у больших торговых трактов, ярмарочных мест, в административных центрах и т. д.

Это хорошо понимали и иркутские купцы, поставлявшие на бурят мануфактуру, хлеб, порох, примитивные орудия производства, сахар, табак, водку и т. п. Поэтому цензовая Иркутская городская дума обратилась 4 ноября 1914 г. к царскому правительству с просьбой ускорить канонизацию епископа Софрония.

27 февраля 1916 г. сам генерал-губернатор Сибири требовал от министерства внутренних дел ускорения этой канонизации.

И эту канонизацию осуществил первый Московский поместный собор после Октябрьской революции 18 апреля 1918 г.!

Борьба с Октябрем заставила сибирскую контрреволюцию использовать не только средства православной церкви, но и силы ламаизма.

Как мы видим из публикуемого здесь отношения главноуправляющего по делам вероисповеданий в совет министров адмирала Колчака, «распространение большевизма.. не дало возможности Бандидо-Хамбо-Ламе не только осуществить... задания [речь идет о разработке плана его контрреволюционной деятельности за счет средств, получаемых Колчаком от союзников-интервентов], но даже прибытия в свою постоянную резиденцию».

Бандидо-Хамбо-Лама теократический царек бурятской Сибири. Он являлся прямым агентом империализма, и это открыто признают колчаковское главное управление по делам вероисповеданий и колчаковские губернаторы Енисейской и Иркутской губерний, — все вместе домогавшиеся, в видах облегчения несения тяжести своих полицейских функций, принятия содержания Бандидо-Хамбо-Ламы за счет колчаковской кассы.

И колчаковский совет министров журнальным постановлением 2 октября 1919 г. постановляет отпускать ежемесячно на подкуп этого царька, для борьбы с национально-революционным и социалистическим движением среди бурят, двадцать тысяч рублей.

В 1920 г. Колчак был сметен Красной армией, а союзные войска интервентов принуждены были освободить Сибирь. В 1922—23 гг. была создана Бурято-Монгольская автономная советская социалистическая республика. Страна бурят из бесправной, угнетавшейся царями и попами народности стала братской социалистической республикой.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Центральном Архиве Октябрьской Революции.

И. Шпицберг.

Доклад иркутского архиепископа Серафима на имя тов. обер-прокурора синода П. С. Даманского от 6 октября 1913 года. № 3811 [1]).

Ваше превосходительство,

милостивый государь!

Во исполнение письма вашего от 3 мая сего 1913 года, за № 5171, по вопросу о причинах значительного втечение ряда лет количества отпадения от православия в буддизм иноверцев бурят Иркутской губернии честь имею сообщить следующее.

Из имеющихся в распоряжении иркутского епархиального начальства статистических данных массовое отпадение от православия в

[1]) Публикуется с сокращениями (ЦАОР, фонд № 3661, д. № 814).

буддизм имело место главным образом среди инородцев, населяющих Иркутский уезд, ведомств Торского, Коймаровского и Харибятского в пределах Тункинской миссии.

До 1905 года в этих трех ведомствах числилось крещеных до 10 000 инородцев обоего пола. Начиная с 1905 года, за исключением самой незначительной части (несколько десятков), все крещеные инородцы буряты этого края перешли в буддизм (ламаизм) и остаются в нем и по настоящее время. Это отпадение от православия совершилось вслед за обнародованием высочайших указов 17 апреля и 17 октября 1905 года, коими населению Российской империи дарована религиозная свобода, а для числящихся «православными», но в действительности исповедующих веру своих предков язычников — полнейшая возможность отчисления и перехода из православия в язычество. Неокрепшее, не утвердившееся в христианской вере, инородческое население Иркутского уезда (Тункинского края), только крещеное, но неоглашенное, не утвержденное в истинах христианства, поняло эти указы, как полное позволение и даже желание высшего русского правительства перехода от христианства в язычество и именно в ламство. Этот переход фактически и осуществлен был крещеными инородцами края в том же году, несмотря на краткий срок, истекший после издания вышеуказанных указов. Кочевые крещеные инородцы буряты всех миссионерских станов Тункинской миссии Иркутского уезда решительно отказали миссионерам крестить своих новорожденных детей; прекратили свое обращение к миссионерам напутствовать св. тайнами больных; умерших стали погребать по языческому обряду, решительно отказывались от погребения по обряду православной церкви; св. иконы или возвращали миссионерам или вовсе уничтожали; отказались от своих прежних обязательств содержать миссионерские станы-храмы, школы миссионерские и дома миссионерских причтов; и ранее весьма редкие посещения христианских богослужений совершенно прекратили; на увещания миссионеров не обращают никакого внимания, решительно отказавшись даже вступать в какую бы то ни было беседу с миссионерами по вопросам религии и религиозным нуждам.

Фактически порвавши всякую связь с христианской религией и ее представителями — местными миссионерами, буряты всех трех ведомств даннаго края решили официальным порядком оформить свое отпадение от православия в язычество. Представители Торского, Коймаровского и Харибятского ведомств, как выборные доверенные, вместе с местными инородческими деятелями, во главе со штатными ламами Кыренского дацана, наряду с обсуждением вопроса о желательных реформах для инородцев, принципиально вырешили вопрос и о переходе из православия в ламство, как религию предков, религию

национальную. Заготовлялись общественные приговоры, ходатайства, производились опросы, отбирались подписи желающих возвратиться в веру бурятскую — национальную. Инородческая масса, под влиянием усиленной агитации, под давлением сильных и в том или другом отношении авторитетных сородичей, официально примкнула к новому движению, и в числе подписавших приговоры оказалось почти все кочевое крещеное инородческое население Тункинского края. Правда, таковым приговорам не дано было законного движения. Но вместо этих приговоров, вслед за ними, поступали многочисленные прошения от отдельных лиц и отдельных семейств об отчислении от православия в ламство. Увещания миссионеров лиц, подавших прошения, не имели успеха; их или не слушали или категорически отвечали: «так род велел», «я веры христианской не знаю», «я падаль ем» и т. п.

В 1875 году иркутский архиепископ Вениамин в своем отчете об Иркутской духовной миссии за 1874 год утверждал, что «отпадение крещеных бурят в язычество в том смысле, как это бывает, например, с крещеными евреями или магометанами, быть не может потому одному, что сами крещеные буряты верят в превосходство христианства над своей верой». Таким образом, пятьдесят лет тому назад создалось уже убеждение, что христианство среди бурят пустило уже глубоко свои корни, что связь христианства с бурятами окрепла и что миссия Иркутская вполне обеспечена в своем дальнейшем поступательном развитии.

События 1905 и 1906 гг. фактически доказали всю ошибочность этого убеждения.

История Тункинской миссии может служить фактическим подтверждением вышесказанного и достаточно верным объяснением печального факта поголовного отпадения крещеных бурят от христианства.

В 1827 году крещеных инородцев во всем Тункинском ведомстве насчитывалось не более 250 человек. В то время инородцы крестились в г. Иркутске и по принятии христианства приписывались к крестьянскому или мещанскому обществам, где и оставались навсегда. Первым из влиятельных инородцев Тункинского края принял св. крещение инородец 1-го Куркутского рода Кяхтинского улуса лама Барханов, по крещении Лука. Крещение совершено по благословению преосвященного Михаила в Иркутской Прокопиевской церкви протоиереем А. Бобровниковым 21 апреля 1827 года. За принятие христианства Барханов иркутским губернским начальством, без всякого общественного приговора, утвержден был в должности родового старосты. В знак особой привилегии тем же начальством Барханову подарена была пара лошадей с упряжью в фаэтоне и с колокольцами. О подоб-

ной роскоши в Тункинском крае до того времени и понятия не имели. В свой улус Барханов возвратился в сопровождении священника Баторова и крестил в его роду до 40 человек обоего пола при энергичном участии самого вновь утвержденного и обласканного начальством родового старосты Барханова. Означенные лица были крещены священником Баторовым под давлением влиятельного старосты, а не по убеждению со стороны священника.

В 1830 году преосвященный иркутский Ириней командировал в Тунку и отдаленный Окинский край казначея иркутского архиерейского дома иеромонаха Нифонта для проповеди евангелия среди бурят шаманистов и ламаитов: миссия иеромонаха Нифонта имела громадный успех, если судить по количеству крещеных. Но очевидно, вся деятельность этого случайного миссионера состояла только в крещении тех, которым было приказание со стороны местных властей.

Бурятские родоначальники — тайши, заседатели Тункинской степной думы, шуленги и старшины, оставаясь сами язычниками, оказывали внешнее содействие иеромонаху Нифонту в крещении бурят, разумеется, не по убеждению в превосходстве христианства пред язычеством, а из-за страха пред высшей губернской властью, которая предписывала им оказывать содействие. Можно с уверенностью говорить, что эти пособники иеромонаха Нифонта уговаривали своих сородичей креститься только для начальства, для виду, строго внушая по существу не изменять религии предков.

Новокрещеным о. Нифонт выдавал виды, т. е. билеты, в которых обозначались все необходимые сведения для причисления их к приходским церквам, при которых они по причислении и вносились в исповедные росписи.

После о. Нифонта с 1831 года по 1841 год епархиальное начальство как бы не обращало внимания на распространение и утверждение христианства в этом крае. За этот десятилетний период не было командировок священников с миссионерскими целями. За это время всего крещений было не более двадцати. Эти двадцать приняли крещение или в Тунке или ездили в Иркутск. Не посылая в край миссионеров временных, случайных, епархиальная власть была озабочена постановкой дела миссии на прочных началах учреждением штатов постоянных миссионеров.

По представлению преосвященных Михаила и Мелетия, государь император в 18 день июля 1833 года высочайше соизволил, по докладу обер-прокурора святейшего синода, для усиления миссионерских действий в Иркутской епархии, учредить, с жалованьем от казны, несколько миссионеров бесприходных, с тем чтобы миссионеры эти исключительно занимались проповедью слова божия инородцам. Но

несмотря на высочайшее соизволение об учреждении миссионерских штатов, миссионерские станы не могли в скором времени образоваться, — очевидно, по недостатку или материальных средств или по неимению интеллектуальных сил.

Первый стан открыт был только в 1850 г. при Ниловой пустыне и второй — при Гужирской Троицкой церкви, в казачьем селении.

Между тем высшая гражданская власть придавала большое значение обращению инородцев в христианство. Выходя из того положения, что с принятием инородцами христианской религии успешнее пойдет дело руссификации края, что крещеные сольются с русским населением, будут жить русскими интересами и навсегда забудут свое тяготение к родственной им соседней Монголии, губернская власть взяла под свое покровительство крещение Тункинских бурят и, смотря на это дело, как на дело, главным образом, государственное, употребляла все зависящие от нее меры и средства к возможно большему привлечению инородцев в лоно христианской православной церкви. Чтобы быть русским, нужно креститься в русскую веру. Если крещен в русскую веру, значит, уже не бурят, а русский.

И епархиальная власть, идя навстречу заботам власти гражданской о руссификации инородцев, невольно становилась на ее точку зрения. Главное внимание обращается на внешнюю сторону миссионерского делания, т. е. на возможно большее количество крещений, причем и средства употребляются, главным образом, внешние: крещение совершается по совету, по поощрению, по соблазну, по настоянию и под давлением той или другой власти.

Священники крестили тех, которых приводили к ним те или другие агенты гражданской власти, в большинстве случаев без всякого предварительного оглашения.

В 1841 году крестился заседатель Тункинский степной думы Бордой Порушенов. Крестным отцом его был иркутский губернатор Пятницкий. Порушенов в следующем 1842 году убедил принять крещение до 800 человек обоего пола по всему Тункинскому краю. Факт говорит сам за себя. По убеждению вчерашнего язычника принимают крещение в один год 800 человек язычников при отсутствии постоянных специальных священников-миссионеров. Последующие события говорят за то, что и сам Порушенов воспринял крещение и склонил к тому же массу сородичей не без корыстной цели, а быть может исключительно с корыстью.

До 1829 года крестившихся бурят правительство заставляло селиться в русские деревни, с каковой целью сделан был выдел земель и угодий. Так образовались селения Тибельтинское, Еловское, Тальское, отчасти Гужирское, Затунка и Тукуран. Мера — необходимая для

ограждения новокрещеных от их сородичей-язычников, которые всячески стесняли и притесняли крещеных, смотря на них как на изменников не только вере предков, но и самому родному племени. Означенная мера могла иметь значение только тогда, когда крещеных инородцев был немного, — следовательно, могла иметь характер только временный.

По жалобе Порушенова на Тункинского тайшу Хомакова и прочих некрещеных родоначальников, стеснявших крещеных своих сородичей, и по его просьбе, все крещеные инородцы Тункинского края по распоряжению губернского начальства были отделены от Степной думы. Иркутская казенная палата указом иркутскому земскому суду от 26 октября 1844 года, за № 16640, приказала открыть для крещеных бурят особое правление под названием «Тункинская инородная управа» с выделением таковых инородцев из ведения Тункинской степной думы. Головой этой управы был назначен Порушенов. Самолюбивый и честолюбивый заседатель Степной думы, Бордой Порушенов, завидовавший сильному тайше Хомакову, принял крещение и склонил к тому сотни своих единомышленников, очевидно, с целью самому стать во главе такого же управления, во главе коего стоял его соперник Хомаков.

Действуя на честолюбие влиятельных родоначальников, власть склоняла рядовых инородцев к крещению разными льготами и подарками. За принятие христианства все инородцы на три года освобождались от платежа податей. Иркутская казенная палата в указе 1844 года в п. 4-м требует от иркутского земского суда донести ей, сколько инородцев и кто именно за переход в православие находится на льготе от платежа податей и с какого времени дана им такая льгота. За порядком перехода крещеных в ведомство управы и за освобождением их от податей строго следили как губернатор Пятницкий, так и генерал-губернаторы Руперт и Муравьев. В том же 1844 году губернатор Пятницкий пишет тайше Заигею Хомакову «о пожертвовании государем императором 2000 рублей ежегодно на подарки бурятам, приемлющим св. крещение, по обычаю христианскому. О таковой монаршей милости спешу дать знать вам, г. тайша, чтобы вы объявили подведомственным вам бурятам». Льготы и подарки, раздаваемые притом от высочайшего имени, с одной стороны, пример и воздействие влиятельных родоначальников — с другой, не могли не оказывать желаемого влияния на простую и особенно бедную бурятскую массу.

Власть тайши над инородцами в данное время была очень велика, его авторитет среди бурят был громадный; масса беспрекословно повиновалась ему и легко за ним шла, куда бы он не повел их.

Губернская власть вполне правильно рассчитывала, что с принятием крещения самим тайшей поголовное крещение всех бурят будет обеспечено. И вот губернская власть всеми средствами старается повлиять на тайшу-язычника Заигея Хомакова, чтобы он сам крестился и своим примером увлек к тому подведомственных его инородцев края. Губернатор Пятницкий в 1843 г. пишет названному тайше, что «тайша Харикской думы Иринчин Доржеев Дамбуев с родовичами воспринял св. крещение, и за это государь император высочайше повелеть соизволил произвести его в есаулы, с причислением к Сибирскому линейному казачьему войску. Об этом объявляю вам и всем прочим бурятам, как высоко ценит государь император приемлющих св. крещение. Поэтому и вас прошу принять старание к распространению православия в вашем ведомстве. От примера вашего, тайша, зависит многое, потому я надеюсь, что вы первый покажете пример своим родовичам принятием православия».

Генерал-губернатор Муравьев предписывает отобрать подписки как от тайши Хомакова, так и от прочих родоначальников в том, чтобы они оказывали содействие в распространении веры христианской, а не препятствовали бы оному. Архиепископ иркутский Нил предписывает священнику Тункинской церкви Кострову «обратиться к тайше с напоминанием о тех людях, которые согласны принять св. крещение, прося притом его принимать в деле крещения возможное участие». Очевидно, что некоторые, преимущественно бедные, из бурят, соблазнившиеся льготами и подарками, изъявили желание принять св. крещение, но опасались сделать решительный шаг, или не видя примера в своих начальниках или ввиду тайного запрещения со стороны последних. И вот гражданская и церковная власти обращаются к тайше — язычнику, прося его содействия в деле крещения подчиненных ему язычников-бурят. Тайша, ввиду неоднократных просьб, напоминаний и внушений со стороны властей, конечно, не мог открыто противодействовать крещению и даже разрешал некоторым из своих сородичей, а может быть и приказывал, креститься, чтобы не навлечь на себя неудовольствия и гнева администрации. К более решительному воздействию на своих сородичей и к личному принятию христианства, несмотря на неоднократные просьбы и внушения властей, тайша не приступал, очевидно выжидая солидной для себя компенсации, осторожно взвешивая могущие произойти от того выводы как для себя, так и для своих единоплеменников. Компенсация была обещана и дана, и тайша принял крещение в 1857 году с сыном своим тайшею же Дамбою, вместе со всеми родовыми старостами, в городе Иркутске, а народ — при его доме в речке Таэты. Восприемниками отца тайши, его сына Дамбы и их жен были их императорские вели-

чества государь император Александр II и государыня императрица Мария Александровна. Ко дню крещения обоим тайшам от государя императора в знак особого благоволения были посланы кафтаны, на воротниках и рукавах шитые золотом, а их женам золотые серьги и брошки; тайше-отцу кроме сего за содействие ко крещению 1000 человек пожалован орден св. Владимира 4-й степени; заседателям и старостам высочайше пожалованы были серебряные кортики. Честолюбие Хомакова было удовлетворено: он получил несравненно более того, что получил его соперник Порушенов.

Светские и духовные власти, держась прежней системы руссификации инородцев чрез крещение, потребовали от новокрещеных обязательного крещения новорожденных детей. Это новое требование, исполнение которого сопряжено было с беспокойством, хлопотами, издержками, не приносившие притом никаких материальных выгод, встречено было новокрещеными с некоторою подозрительностью.

Чтобы гарантировать себя от предполагаемых неприятностей, новокрещеные начинают или скрывать свою принадлежность к христианству, объявляя себя некрещеными, или скрывать новорожденных детей, отдавая их в языческие семьи, а при невозможности сего, выдавать своих детей за детей родственников язычников. Ввиду такого отрицательного отношения бурят к обязательству крещения своих детей, начинается насильственное крещение младенцев против желания и воли родителей. Гражданская власть губернии, оказывая свое содействие власти духовной в деле крещения инородцев, начинает дело о скрытии крещеными инородцами своих детей, об уклонении их от крещения младенцев. Агентам полиции предписывается принимать все меры к побуждению крещеных бурят обязательно крестить своих детей. В 1849 году начальник губернии предписал заседателю иркутского окружного суда Скрыпочкову принять меры к побуждению тех родителей из бурят, кои, быв сами крещены, оставляют детей некрещеными. При этом для крещения последних Скрыпочкову было поставлено в обязанность обращаться к священникам. Преосвященный Нил, сообщая о таком распоряжении губернской власти тункинскому священнику, исполнявшему в то время обязанности миссионера всего Тункинского края, от 29 ноября 1849 года, предписывает: «давая о сем знать, предписывается вам напомнить Скрыпочкову о сделанном ему начальством поручении и действовать всемерно к просвещению некрещеных детей. О последующем донести рапортом к концу сего 1849 года». Скрыпочков, сообщая тому же священнику о возложенном на него губернатором поручении «принять меры к побуждению крещеных инородцев Тункинского ведомства, дабы они непременно представляли детей своих к крещению», просит священника

сообщить, какие именно те инородцы, которые не представляют к крещению своих детей. В 1852 г. военный губернатор и гражданский губернатор предписывают иркутскому земскому суду поставить в строгую обязанность участковых заседателей содействовать священникам к непременному крещению детей крещеных инородцев.

Строгие предписания высшей администрации, энергичные репрессии отдельных представителей власти, насильственное крещение местными священниками, при сильном пособничестве властей, постепенно возбуждали среди инородцев чувство антипатии к новой вере и даже вражду к ее представителям священникам.

Между тем, среди инородцев края возникла, стала развиваться и крепнуть противоположная пропаганда ламства. Из сопредельной Монголии все чаще стали появляться в край ламы для исправления треб среди ламаитов-бурят, останавливались подолгу, разъезжая из улуса в улус. Из временно приезжих они постепенно становились постоянными жителями края, вели усиленную пропаганду буддизма, в силу национального и религиозного родства все более более усиливались в своем влиянии на инородцев, завоевывали их доверие и симпатии. Свою пропаганду ламы ставят на прочных началах: местных бурят начинают обучать монгольской и тибетской грамоте и прочей ламской премудрости. Из своих учеников, по прохождении ими известного курса учения, ламы образуют новые кадры уже местных усердных своих помощников и поборников буддизма. Приобретая степень ламского священства или от своих учителей лам или в монгольских буддийских монастырях, они становятся ламами уже местными, своими, близкими, родными, приобретают еще большее влияние на своих сородичей и ведут усердную подпольную агитацию против чуждого им христианства.

Гражданская и духовная власти употребляли некоторые меры к предохранению инородцев края от ламского влияния. За выходцами из Монголии — ламами следили, чтобы они подолгу не заживались в улусах, чтобы не посещали тех инородцев, которые еще не исповедывали ламскую веру, и чтобы отнюдь не занимались пропагандой буддизма среди шаманистов и крещеных.

Так, в 1845 году архиепископ Нил предписывает священнику Тункинской церкви Закомельскому: «Из донесения пограничного пристава к г. иркутскому губернатору усматривается, что ламы, приезжающие в последнее время для исправления треб, находились только в Торском и Коймаровском улусах, где буряты держат ламскую веру. Там провели они до 20 дней. Вследствие чего предписывается донести: 1) точно ли в означенных только улусах проживали и действовали наезжие ламы; 2) в улусах тех давно ли посеяно ламство и

каким образом; 3) действие лам на прочих бурят в чем состояло? Наконец, согласно учиненным распоряжениям губернатора, старайтесь вместе с пограничным приставом следить за самоволием их и доносить обо всем начальству».

Иркутское губернское правление особым распоряжением запрещает ламам бродяжничать в ведомстве Тункинских бурят. Это распоряжение губернского правления прописывается в указе духовной консистории от 3 сентября 1845 года.

Наезжие ламы были неуловимы, буряты всячески их скрывали, что давало широкий простор тайной ламской пропаганде и увеличению самого количества лам в крае.

Убедившись, что лам уже не выселить из края, правительство старается, по крайней мере, ограничить число их, прикрепить их к одному месту, запрещая разъезды по бурятским улусам. Это стремление нашло себе выражение в «Положении о ламском духовенстве 1854 года».

Положение дало ламам прочную организацию, обеспечило их материальное положение, наделив их землей, распределив между ними их доходность, получаемую от требоисправлений, продажи буддийских изображений и проч. При Кыренском дацане было открыта ламская школа, в которой уже не тайно, как ранее, а открыто, — официально, стали обучаться дети местных бурят и приготовляться к приобретению разных степеней буддийского священства. Правда, «Положением» число штатных лам было ограничено, ограничено было и их право свободного объезда бурятских улусов. Но на деле было далеко не так. Наряду с немногими штатными ламами проживали в дацане и в улусах те же ламы, но только под другими разными титулами.

Первые миссионерские станы были утверждены в 1850 году в Ниловой пустыне, с жалованием миссионеру 296 руб. и псаломщику 98 руб., и в 1852 году при Гужирской Троицкой церкви, с жалованием миссионеру 320 р., диакону 190 р., дьячкам по 100 р. Но в этих станах долгое время не было постоянных миссионеров.

Еще в 1834 г. архиепископ Мелетий представляет св. синоду на уважение, сколь благодетельно было бы для незнающих русского языка бурят открыть богослужение на монголо-бурятском языке. И представляя на сей конец сделанный протоиереем А. Бобровниковым перевод вечерни, утрени и литургии, просил о поручении оного для пересмотра кому-либо из знающих монгольский язык и, затем, о напечатании книги для церковного употребления.

Св. синод от 30 сентября 1852 года предписал: принять к церковному употреблению сделанный протоиереем Бобровниковым пере-

вод на монголо-бурятский язык вечерни, утрени и литургии, согласуя оный по возможности с славянским текстом.

24 июля 1853 года архиепископ Нил доложил св. синоду, что важнейшие последования служебника и требника им переведены, песнопения обихода, переложенные на ноты, изучаются под руководством назначенного в бурятский Гужирский приход регента, все переводы, писанные вчерне им самим, переписываются набело славянскими, для удобочтимости, письменами и будут своевременно представлены св. синоду.

«Служебник и требник» на монгольском языке напечатаны были в С.-Петербургской синодальной типографии в 1858 г. Означенный перевод, несмотря на все старания переводчиков, не мог считаться удачным главным образом потому, что язык этого перевода — древне-монгольский, с тибетскими идиотизмами, весьма мало понятный бурятам Иркутской губернии, в виду чего перевод встречен был без особенного доверия и не мог быть введен в богослужебную практику. «Переводы, — писал впоследствии миссионер из бурят священник Чистохин,—не пошли в ход благодаря тому, что в то время не было подготовленных монголистов, да и самые переводы были сделаны на чисто монгольском языке, недоступном для простого народа; миссионеры же, не зная языка и читая переводы преосвященного Нила, коверкали их и ломали, как умели. Понятно, прочитанный таким образом перевод производил лишь смех в слушателях. Однажды в детстве я слышал, как миссионер читал литургию Иоанна Златоустого в переводе архиепископа Нила, и он прочитал: «Шоно нохой» вместе: «шагнактуй»— славянское «вонмем» У миссионера из одного слова вышло в отдельности два: шоно-волк, а нохой-собака. Из этого видно, до чего можно исказить слово без знания языка, а книжный язык буряты понимают лишь тогда, когда его читают тихо и правильно».

В 1866 г. в Иркутске открыто «Иркутское отделение православного миссионерского общества». В Иркутском, Балаганском и Верхоленском уездах открываются миссионерские станы, при которых строятся храмы и школы для бурятских детей, в стан назначаются особые священники-миссионеры. В частности, в Тункинском крае при архиепископе Парфении открыты и устроены станы — Шимковский, Коймаровский и Гужирский, а при архиепископе Вениамине — Жымыгитский, Мондинский и Окинский. Непосредственное руководство по миссии поручено было особому лицу со званием начальника миссии, учреждены были должности помощников начальника миссии, впоследствии миссионерских благочинных, по одному для трех уездов.

Инородческое население Тункинского края в половине своей в это время числилось уже православным, т. е. было крещено, хотя и продол-

жало жить по старой вере, по обычаям ламаизма и шаманства. Крещеные буряты вступали в брак с язычниками, последние женились на крещеных. Детей своих крещеные всеми силами старались скрыть от крещения. Смешанные браки крещеных с некрещеными давали возможность крестить все большее и большее количество бурят. Тех инородцев, которые не желали принять крещение, крестили силою, при помощи полицейских чиновников и родовых инородческих властей. Также крестили и скрываемых от крещения детей крещеных родителей. К насильственному крещению побуждали миссионеров начальники миссии и епархиальное начальство. Так по рапорту миссионера Шимковского стана о. Берденникова о том, что крещеные инородцы не крестили своих детей, а некоторые вступают в брак с язычниками по языческому обряду, последовала следующая резолюция архиепископа Вениамина: «Обязанность миссионера убеждать, а если, несмотря на все убеждения, не согласятся исполнить законного требования, в таком случае прибегать к силе закона через Степную думу или чрез земскую полицию смотря по удобству» (1876 г. августа 4 дня). Некрещеный бурят вступил в брак с крещеной буряткой и имеет от нее детей, которых не желает крестить. Архиепископ Вениамин по этому делу просит генерал-губернатора Восточной Сибири: «предписать кому следует отобрать у ламаита Манзаракши Лобсонова его жену Дорию Захубун с детьми и передать последних для крещения миссионеру, если сам Лобсонов не захочет креститься и сочетаться с нею браком по-христиански» (1878 г. 21 марта). Дело убеждения, воздействия нравственного для миссионера или не подсилу или же кажется ему очень сложным и хлопотливым, почему он и прибегает к легкому для себя и более верному средству: к помощи полицейских или местных инородческих властей. Всесильные в то время земские заседатели по приказанию губернатора и генерал-губернаторов оказывают миссионерам всяческое свое содействие и решительно принуждают местных инородческих властей в точности исполнять свои распоряжения.

Получивши от миссионеров список некрещеных, скрытых от крещения детей и жен крещеных инородцев, земские заседатели сгоняют таковых в одно место, где и совершается огульное крещение детей вместе с взрослыми (отнош. зем. засед. 3 уч. ирк. округа 3 декабря 1874 г.). В том же направлении действуют и тайши, побуждаемые к тому высшей властью (указ ирк. дух. консист. 12 марта 1887 г., чтобы тайши не противодействовали крещению инородцев, а всячески оказывали свое всесильное к тому содействие).

Со времени архиепископа Парфения началось устранение от занятия должности тайши бурят-язычников и назначение на эту долж-

ность крещеных бурят. Так, в письме архиепископа от 7 мая 1871 года сказано, что, по распоряжению гражданского начальства, дело об избрании тайши возвращается с тем, чтобы избрали христианина. В другом письме его же говорится: «Поздравьте Трапезникова, что он назначен тайшею на три года. Попросите его, чтобы он постарался о делах миссии». Впоследствии на должность родовых старост стали избирать только из крещеных инородцев и утверждать по отзывам о них миссионеров, а некрещеных — устранять от занятия таковых должностей. Лиц, оказывавших содействие в крещении бурят, т. е. всякого ранга властей, попрежнему награждали подарками, медалями и орденами.

Новокрещеным инородцам попрежнему давалась трехлетняя льгота от платежа повинностей. О даровании этой льготы миссионеры представляли особые списки в иркутскую казенную палату чрез начальника миссии. При архиепископе Парфении новокрещеным выдавались деньги — на маленьких по 20 коп., а на взрослых — от одного до пяти рублей на человека; кроме того щедро раздавались платки, халаты, рубашки и т. п. Эти подарки были большою приманкою для бурят. При крещении целой семьи, особенно многолюдной, одних денег приходилось на семью от 30-ти и более рублей. Из-за получения денег многие охотно принимали крещение, а некоторые крестились по два и по три раза. Бедным новокрещеным раздавали кирпичный чай — по кирпичу или половине на человека, а также раздавался хлеб.

Взамен полученных подарков при крещении, пособий единовременных, буряты должны были ежегодно натурой или деньгами платить на содержание миссионерских станов, давать отопление и прислугу для храма, школы и домов причта. Эта новая повинность не могла быть приятной для бурят, служила причиной неудовольствий как среди крещеных, так и язычников, потому что разлагалась не на крещеных только, а и на язычников, шла в общую раскладку. Само собою разумеется, что язычники в этом новом налоге винили своих сородичей крещеных и всячески стесняли их.

Крещеные инородцы попрежнему продолжали почитать изображения своих языческих божеств, которыми в изобилии наделяли их ламы. До архиепископа Парфения на это явление не обращали почти никакого внимания, смотрели как бы сквозь пальцы. В этот же период делались распоряжения об отобрании у крещеных инородцев предметов их языческого религиозного почитания. В силу распоряжений миссионеры являлись в юрты крещеных бурят, силой отнимали у них «бурханов» и «онгонов». Потом буряты приходили к миссионерам с просьбой возвратить отнятых бурханов и онгонов. В этом случае

миссионеры поступали, руководясь различными соображениями: ценные бурханы (золотые и серебряные) в большинстве случаев возвращались, причем миссионер брал выкуп; не ценные, как вещественное доказательство, миссионер оставлял у себя, наделяя бурята небольшой дешевенькой св. иконой. Само собой разумеется, что буряты всячески скрывали своих бурханов от розыска миссионеров, и полицейская мера не могла привести к желаемым результатам.

Крещеные буряты попрежнему продолжали иметь и почитать предметы языческой религии; вместо отнятых приобретали другие, но только тщательнее скрывали их от взоров миссионеров. Было время, когда на миссионеров возлагали большую надежду, как на лучших поставщиков «бурханов», «онгонов» и прочих принадлежностей шаманского и ламского культа. Генерал-губернатор Фредерикс советовал при устройстве Русского музея обратиться к миссионерам, кои в лучшем виде и в большем количестве могут доставить все принадлежности по отделу шаманства и ламаизма.

По повестке миссионера родовые старосты в назначенную юрту сгоняли крещеных инородцев для исповеди и св. причащения. Кратко сказавши, для чего он прибыл к ним, миссионер в такой юрте отправляет великопостные часы, читает молитвы пред исповедью и затем приступает и к исповеди. Буряты безучастно слушают непонятное чтение и пение, живо устают, садятся или выходят, курят, разговаривают. На исповеди — неискренне отвечают на вопросы священника, боясь ответственности за свои грехи, в сущности не понимая, для чего требуют всего этого от них и для чего их оторвали от обычных занятий. На следующий день — тоже непонятное краткое богослужение, заканчиваемое св. причащением. Впечатление и в этот день такое же, что и в предыдущий. Выполнение тяжелой повинности для той и другой стороны заканчивается, наконец, к обоюдному удовольствию. Христианский долг исполнен. В большинстве случаев непосредственно за выполнением долга тут же предлагается угощение.

Очень важною пособницею для миссионера в его просветительной деятельности должна быть правильно организованная и вполне оборудованная школа для детей инородцев. Школы, действительно, были открыты при всех миссионерских станах; учреждены были при этих школах и пансионы на десять детей в каждой.

Бурятские улусы, при малочисленности населения, в большинстве разбросаны на целые версты и даже десятки верст. При таком характере бурятских поселков (улусов) школа естественно всегда и везде должна быть очень отдаленною от юрт, так что посещение детьми школы или очень затруднительно или совершенно невозможно. При таких условиях в школе могли обучаться только дети тех родителей, которые

могли содержать их в пансионе. Но и помимо этого миссионерская школа не могла завоевать симпатии инородцев еще и по следующим причинам. Эти школы в большинстве случаев не имели собственного здания, они ютились в одной из комнат дома священника-миссионера; в этом же доме ютился и так называемый пансион. Теснота помещения, отсутствие более или менее сносной школьной мебели, наглядных пособий и сносных учебников — не могли служить достаточной приманкой для бурятского населения. Убогая по внешней обстановке, миссионерская школа была еще беднее по своему внутреннему содержанию, по постановке учебного и воспитательного дела.

Неудивительно, что в жизни миссионерской школы имели место такого рода явления. Посещает школу ревизующее лицо. Начинает разговаривать с учащимися, предлагает им вопросы. Дикари тупо смотрят в лицо вопрошающего, и ни одного звука на слова вопрошающего. Ревизующий в недоумении обращается за разъяснением к учителю и получает ответ, что дети не понимают по-русски. Ревизующий просит учителя поговорить с ними, но, к крайнему своему удивлению, получает совершенно серьезный ответ: «Я бурятского языка не знаю». Учитель русский не знает бурятского языка, а ученики-буряты не знают русского языка.

С большими усилиями втечение 4—5 лет удавалось немногих избранных научить грамоте, т. е. русскому чтению, письму и счету. Бурятского мальчика со слов обучали христианским молитвам и краткой священной истории: учитель говорил непонятные для учеников слова, а они повторяли их за ним до тех пор, пока не запоминали. Таким путем добивались того, что втечение нескольких лет бурятские мальчики твердо запоминали молитвы, краткую св. историю, бойко читали на память, не понимая ни одного слова из заученного.

Пансионеры помещались в большинстве случаев в кухне у миссионера, иногда не имели даже нар для спанья и располагались на полу. Семья миссионера тяготилась этой обузой и употребляла все усилия к сокращению числа пансионеров и срока их содержания, стараясь хотя что-либо сэкономить в свою пользу от получаемых на пансион денег. Неприглядная обстановка, скудность содержания, иногда грубое обращение были причиной того, что дети под разными предлогами уходили из пансиона и целыми неделями проживали в родных улусах. К возвращению беглецов в большинстве случаев мер никаких не предпринималось, потому что такие отлучки были не безвыгодны для семьи миссионера. Само собой разумеется, что по отчетам все обстояло благополучно: законное число пансионеров регулярно регистрировалось, и аккуратно получались за их содержание деньги. Были такие миссионеры, которые втечение нескольких лет не

имели в своем пансионе ни одного пансионера, получая в то же время деньги на полный комплект да еще прося прибавки, ссылаясь на дороговизну содержания. При некоторых станах, при которых нет русского населения, школа состояла только из пансионеров. При полном отсутствии таковых школа совершенно не функционировала, хотя содержание на школу, на пансионеров и жалованье учителям получалось исправно.

С начала девятидесятых годов иркутская миссия вступила в третий период своей жизни и деятельности.

Прежние льготы для новокрещеных прекратились; благотворительность миссии в виде выдачи подарков, белья, одежды, чая, хлеба и, главное, денег, теперь также уже отошла в область преданий; высшая гражданская власть губернии в лице генерал-губернаторов и губернаторов совершенно прекратила свое содействие в деле привлечения бурят к принятию крещения; вслед за высшими властями и местные ее агенты совершенно отстранили себя от какого-бы то ни было участия в помощи миссионерам. Это последнее обстоятельство как нельзя лучше учтено и использовано было бурятами Тункинского края. Не видя более давления со стороны гражданского начальства, они почувствовали свободу и, не будучи предрасположенными к христианству, вскоре встали в оппозицию к нему, хотя пока тайную. Крещеные стали усиленно скрывать от миссионеров своих детей; розыски в большинстве случаев не приводили к желаемым результатам благодаря бездействию местных властей. В юртах крещеных инородцев свободно начали появляться предметы буддийского религиозного культа, не скрывавшиеся даже и пред миссионерами; иконы снимались со стен и снова появлялись только к приезду миссионера или по его просьбе и в его присутствии. От исполнения христианских обязанностей под разными предлогами буряты начали усиленно уклоняться. Ламские семьи начали непомерно умножаться за счет семей крещеных. Ламы и местные и приезжие из Монголии усилили свою пропаганду; они в буквальном смысле наводняли бурятские улусы, подолгу жили в них, устно и письменно — путем листков тибетской священной литературы и всевозможных священных изображений — пропагандируя свою национальную религию. Кыренский дацан обогащается, расширяется, число его насельников — лам увеличивается, в его школе без всякого опасения с какой бы то ни было стороны получают подготовку более сотни молодых людей в духе ламаизма и монголо-бурятского национализма. Кроме дацана, в населенных улусах неофициально устраивается нечто вроде молитвенных домов, в которых ламы тайком, хотя и открыто, совершают богослужение, привлекая массы молящихся.

Распропагандировав тункинских бурят, ламы отсюда свободно переносят свою деятельность среди бурят уездов Балаганского и Верхоленского. В последнем уезде они усиленно распространяли ламаизм среди как бурят-шаманистов, так и среди крещеных, располагая всеми средствами бурят к возбуждению ходатайств об открытии здесь дацана.

Гужирским станом в 1870 году заведывало до последнего времени одно и то же лицо. Продолжительная его служба в этом стане дала ему возможность освоиться с языком и бытом бурят. Как благочинный всей Тункинской миссии этот миссионер мог бы иметь большое значение в деле поступательного развития миссионерского дела в этом крае.

Он был учеником архиепископа Парфения и половину своего миссионерского служения прошел под руководством архиепископа Вениамина. На дело миссии он смотрел глазами архиепископа Вениамина и строго придерживался принятой последним системы. Поддерживая всегда дружеские отношения с местными властями, пользуясь поддержкой высшей власти епархиальной и губернской, он прежде всего и главным образом заботился о возможно большем количестве присоединяемых к православной церкви бурят, того же требуя и от подведомых ему миссионеров. К принятию христианства привлекал он язычников не силой убеждения внутреннего, не словом миссионерской проповеди, а средствами внешними — авторитетом христианства, как религии государственной, религии, которую исповедует великий государь русский и его высшие сановники; он всегда развивал пред бурятами мысль, что государю угодно, чтобы все его подданные были одинаковы с ним по вере, т. е. христианами, что государь и высшее начальство недовольно отказами бурят от принятия крещения. На местных инородческих властей он воздействовал таким же путем: с одной стороны, запугивание строгою, тяжелою ответственностью за несочувствие делу миссии, с другой — обещание наград и действительные ходатайства о награждении податливых лиц, все это в широких размерах практиковалось этим миссионером. Посещая улусы своего стана, присутствуя на .....[1]) всех ведомств Тункинского края как благочинный, он всегда и везде являлся главным образом как представитель русской высшей власти, с авторитетом власти, и не столько церковной, сколько гражданской. Далее этого в большинстве случаев он не шел. Цель при существовавшей в то время системе достигалась. С внешней стороны, так сказать, показной, тункинская миссия процветала; тысячи инородцев регистрировались христианами.

С девятидесятых годов миссия должна бы была изменить свой характер и тактику, встать на новый путь. Миссионеры отчасти со-

[1]) Неразборчиво.

знавали это, видели необходимость нового направления в своей деятельности, но выбраться на этот новый путь по собственной инициативе не были в состоянии без толчка сверху, без внешнего руководительства.

Несколько отрадное явление за этот период представляет учреждение в 1892 году при Миссионерском комитете переводческой комиссии для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственного содержания книг на бурятский язык. До сего времени в распоряжении агентов русской среди бурят миссии не было соответствующей литературы как на русском, так и на бурятском языках. Между тем нужда в подобной литературе была существенная. Помимо хорошо составленных учебников и учебных пособий необходимо было широкое распространение среди бурят книжек и брошюр религиозно-нравственного содержания, исторических, бытовых и т. п. Кроме св. евангелия в полном объеме весьма полезным было бы распространение отдельных рассказов из евангельской истории и из истории деятельности св. апостолов, сказания о св. мучениках, героях христианства, жития христианских и в особенности русских св. подвижников, знаменитых св. миссионеров, отдельные рассказы из русской истории, в которых рельефно изображается величие русского христианского народа и русского государства. Бурят должен знать, что, если не теперь, то, по крайней мере, ранее были великие люди—герои среди христиан вообще и русских в частности. Русские былины с их героями-борцами с враждебными злыми силами, русские сказки, действуя на воображение детей степей и гор, незаметно приохотили бы бурят к чтению книжек и брошюр русского издания, и такое чтение могло сделаться любимым занятием падких до таких расказов. Распространение книжек и брошюр, в которых в положительных типах изображается жизнь культурного русского народа, как нельзя более поднимет в глазах бурят авторитет русский, возбудит естественное желание и стремление перенести в собственную жизнь прочитанное в книжке и брошюрке. Дитя природы, в душе мечтатель и, по-своему, поэт, бурят в то же время и человек жизни действительной; он любит и умеет смотреть на вещи с практической, утилитарной точки зрения. Поэтому в высшей степени важно было распространение среди бурят книжек, брошюр и листов чисто житейского практического содержания, т. е. относящихся к различным отраслям хозяйства, по огородничеству, птицеводству, скотоводству, молочному хозяйству, коневодству, земледелию и всевозможным ремеслам. Такие книжки-брошюры должны бы быть просто, но серьезно изложены. Бурят — человек чуткий. Серьезная, основательная статейка покажет ему, что с ним не шутят, не смеются над ним; что на него смотрят тоже как на человека серьезного, что

ему желают дать основательное руководство, знание, действительно полезное для него. Такой литературе он сам пойдет навстречу, с удовольствием будет брать, хранить и распространять ее. Имея в руках такую полезную и разнообразную литературу, он совершенно правильно оценит ее и не будет с жадностью голодного набрасываться на литературу заграничную — тибетскую. Этой-то насущной нужды и должна бы была дать удовлетворение переводческая комиссия. Но для этого важного и очень сложного дела требуются большие силы интеллектуальные и средства материальные, правильная организация, с определенной, строго выработанной, программой. Основанная в 1892 году переводческая комиссия в составе только четырех человек с ежегодным бюджетом в 500 рублей не могла, разумеется, развернуться так, чтобы осуществить, хотя бы в минимальных размерах, то, что должно было войти в ее задачи и программу. Комиссией изданы следующие переводы: 1) «Огласительное поучение готовящимся ко св. крещению язычникам», 1886 г., ц. 25 коп.; 2) «Чин божественныя литургии св. Иоанна Златоуста, с переводом на наречие Северо-Байкальских бурят», 1896 г., ц. 40 коп.; 3) «Последование о исповедании и чин, егда случится вельми скоро больному дати причастие», 1898 г., ц. 25 коп.; 4) «Первоначальный учебник русского языка для бурят», 1896 и 1900 г.; 5) «Правдивое слово к бурятам», 1901 г.; 6) «Книги для чтения в бурятских школах с приложением русско-бурятского и бурятско-русского словаря», 1903 г.; 7) «Священная история ветхого и нового завета», 1908 г.; 8) «Св. евангелие от Матфея», 1909 г.; 9) «Некоторые церковные песнопения в переводе на бурятский язык», перевод Забайкальской духовной миссии; 10) «Столетие 1812—1912 года»; 11) «Св. евангелие от Марка, на бурятском и русском языках», 1912 г., ц. 50 к.; 12) «Букварь для обучения грамоте в бурятских школах»; 13) «Чтение о св. христианской вере, изложенное в беседах с бурятами»; 14) «Житие св. Николая, епископа Мирликийского», 15) готовящийся к изданию перевод евангелия от Луки.

Этого небольшого количества трудов и изданий переводческой комиссии, притом уже запоздавших в своем появлении, конечно, было недостаточно для того, чтобы помочь делу Иркутской миссии и спасти Тункинскую миссию от полнейшего краха, даже при условии, если бы миссионеры пожелали как следует воспользоваться этими изданиями.

Совокупность всех выше изложенных обстоятельств создала такое положение Иркутской миссии, которое неминуемо должно было привести ее и действительно привело к печальному концу.

Когда разразилась гроза 1905—06 гг., оказалось, что дело, повидимому, правильно организованное и прочно поставленное, не имело под собой прочного основания. Здание оказалось построенным на почве зыбкой, на песке: подул сильный ветер, и от него ничего не осталось.

Когда перед глазами миссионеров раскрылось действительное положение вещей, когда почти все крещеные инородцы Тункинского края открыто заявили, что они не христиане, что они таковыми никогда и не были, что они и их предки всегда исповедывали языческую религию и жили по обрядам этой религии, а не христианской, что связи с христианством у них нет никакой, что они не имеют никакого понятия о христианстве и слышать о нем не желают, что не от их доброй воли зависела регистрация их в числе членов христовой церкви, — миссионеры оказались в безвыходном положении. У них не оказалось никаких средств к тому, чтобы собрать своих разбежавшихся овец, — и они остались пастырями без стада.

Резюмируя все вышеизложенное, на основании исторической действительности, необходимо приходим к следующим положениям, объясняющим факт массового отпадения бурят от христианства в язычество в Иркутской епархии и, в частности, в Тункинском крае.

До шестидесятых годов бурят крестили массами без предварительного оглашения при содействии гражданских и местных инородческих властей, поощряя последних подарками, наградами, а иногда принуждая их к тому силой.

Буряты принимали крещение или по принуждению со стороны местных властей или из-за подарков и различных льгот.

Крещеные буряты, живя среди своих сородичей язычников, ничем не отличались от них, спокойно жили по верованиям и обрядам язычества.

В семидесятых и восьмидесятых годах систематически осуществлялся принцип: поскорее и побольше окрестить бурят, чрез крещение сделать их русскими.

С открытием станов, постройкой храмов, школ и причтовых домов буряты привлекаются к материальному содержанию зданий, принадлежащих стану, что порождает сильное неудовольствие среди бурят.

Миссионеры прибегали к внешним средствам для привлечения бурят к исполнению ими христианских обязанностей и крещению детей, к помощи полиции и местных инородческих властей: силою отбирают иногда очень ценные, языческие бурханы и онгоны.

Миссионеры и миссия держатся пока благодаря покровительству и внешней поддержке высшего губернского и местного начальства. Не только единичные, но и массовые случаи крещения бурят, благодаря внешнему влиянию, совершаются в широких размерах.

В девятидесятых годах и до последнего времени положение миссии изменилось. Содействие миссии со стороны гражданской власти губернии прекратилось. Льготы за крещение, подарки в виде белья, одежды, хлеба и денег прекратились.

Буряты быстро учитывают перемену направления в ходе миссии и по-своему реагируют на это явление: желающих креститься не оказывается (нет материальной выгоды), крещеные совершенно уклоняются от исполнения христианских обязанностей под разными предлогами и усиленно скрывают от крещения своих детей.

Так называемое освободительное движение в России и высочайшие указы 17 апреля и 17 октября 1905 г. дали возможность ламам довести до конца давно начатое и умело подготовлявшееся дело. Вышеозначенные указы ламы разъясняли бурятам в смысле не только разрешения некоторым из них возвратиться к религии предков, но даже в смысле повеления всем бурятам иметь только одну бурятскую веру, т. е. ламаизм.

Пропаганда лам, сосредоточенная ранее только в Тунке, как местности, пограничной с Монголией, с населением почти только бурятским и, следовательно, более удобной, сделавши свое дело, не остановилась в своем поступательном движении. Агенты ламаизма и монголобурятского национализма уже перенесли свою деятельность и в среду балаганских и верхоленских бурят. Если в настоящее время не замечается здесь движения, аналогичного с тункинским, то это не значит, что его совсем и нет здесь.

При усилении ламской агитации, при их энергии, тактичности и ловкости возможен и здесь поворот в пользу религии, под знаменем которой может совершиться объединение всех бурят, о чем так усиленно и горячо мечтают, говорят, в пользу чего с необыкновенной энергией и последовательностью работают здесь поборники идеи монголобурятского национализма.

Свои нужды, свои pia desideria Иркутская миссия подробно изложила на бывшем в 1910 году в Иркутске Сибирском миссионерском съезде. Все постановления съезда, касающиеся Иркутской миссии и представленные в 1910 г. в св. синод, необходимо рассмотреть в возможно непродолжительном времени, все их провести в жизнь.

Архиепископ иркутский Серафим.

Доклад в совет министров Колчака главного управления по делам вероисповеданий от (?) 1919 г. № 65 об отпуске ежемесячного пособия Бандидо-Хамбо-Ламе [1]).

Бандидо-Хамбо-Лама, назначенный на должность особым указом верховного правителя летом текущего года, есть духовный и вместе с тем политический вождь и глава всего монгольского населения Урянхайского края. Влияние и значение Бандидо-Хамбо-Ламы не ограничивается указанной областью: оно простирается и на бурятское население всей Восточной Сибири. В бытность Бандидо в Омске уже был предрешен вопрос о принятии на счет казны содержания самого Бандидо и управления при нем, причем дано было задание Бандидо-Хамбо-Ламе, по приезде в Урянхай, разработать материал и представить соображения по данному вопросу, необходимые главному управлению по делам вероисповеданий для составления и проведения в законодательном порядке особого положения об управлении Урянхайским краем с соответствующими штатами сего управления. Однако политические обстоятельства: распространение большевизма в части Урянхайского края, с занятием некоторой территории последнего, не дали возможности Бандидо-Хамбо-Ламе не только осуществить выше указанные задания, но даже прибытия в свою постоянную резиденцию. Вынужденный силою обстоятельств скитаться по разным местам Восточной Сибири, Бандидо-Хамбо-Лама оказался в тяжелом материальном положении, о чем свидетельствуют донесения как самого Бандидо-Хамбо-Ламы, так и гг. управляющих Енисейской и Иркутской губерниями и комиссара края г. Федорова. Вследствие этого местные власти в счет имеющего быть казенного содержания Бандидо вынуждены давать ему заимообразно авансы из имеющихся в их распоряжении кредитов, и всего таким образом было выдано 62 500 руб.

Признавая важное религиозно-политическое значение, какое связано с личностью и рангом Бандидо-Хамбо-Ламы, а также безвыходность его материального положения и неудобство ставить главу Урянхайского края в зависимость от случайных заимообразных пособий, главное управление по делам вероисповеданий считает ассигнование особого кредита для Бандидо-Хамбо-Ламы делом в политическом смысле неотложным, а потому и имеет честь ходатайствовать перед советом министров об отпуске на вторую половину 1919 г. на содержание Бандидо-Хамбо-Ламы и при нем управления ежемесячного пособия в сумме 20 000 рублей.

Заместитель главноуправляющего профессор П и с а р е в.

---

[1]) ЦАОР, фонд № 140, мин. вн. дел, д. № 6-7, 1919-1920 гг.

Постановление совета министров Колчака об отпуске средств на расходы по управлению духовными делами ламаитов Урянхайского края от 2 октября 1919 г.

Настоящее постановление вступает в силу и подлежит обнародованию без утверждения верховным правителем в силу указа верховного правителя от 27 августа 1919 года.

Председатель совета министров П. Вологодский.

Об отпуске средств на расходы по управлению духовными делами ламаитов Урянхайского края.

Совет министров, по представлению главноуправляющего по делам вероисповеданий, журналом октября 2 дня 1919 года, постановил:

Впредь до утверждения штатов отпустить авансом в распоряжение Бандидо-Хамбо-Ламы урянхайского духовенства двадцать тысяч рублей на расходы по управлению духовными делами ламаитов Урянхайского края.

Директор канцелярии совета министров Д. Жабицкий.

Адриан Михайлов и гр. М. Т. Лорис-Меликов.

Публикуемые здесь документы продолжают серию документов, напечатанных в XXXIX т. «Красного архива» («К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др.»).

Откровенные показания и раскаяние Адриана Михайлова (а также О. Натансон) рисуют характерную черту в том переломе, какой совершился в революционном народничестве, оформившись в расколе «Земли и воли». Однако было бы ошибочным предполагать, что раскаяние Адриана Михайлова есть выражение пропагандистских тенденций кругов, не пошедших за народовольцами. Признание террора ошибочной тактикой, отходом от непосредственной борьбы за социализм, как утверждали чернопередельцы, вовсе не вело к откровенным показаниям и раскаянию, как это можно было бы заключить из поверхностного рассмотрения данных документов.

В шаге Адриана Михайлова (как и ряда других) сказалась черта многих буржуазных демократов, испугавшихся революционной тактики и в своем испуге доходивших вслед за либералами до прямой поддержки самодержавия.

Когда Адриан Михайлов говорит, что террорист это человек, совершающий убийство по принципу, возводящий террор в систему, то он выражает этими словами отрицание революционной тактики, отклоняющей путь компромисса, стремящейся к решительному доведению борьбы до конца.

Народовольческая тактика объективно отражала нараставшую борьбу крестьянства против господства крепостников. Народовольцы не видели только путей этой расправы, не знали, в какую форму облечь эту «плебейскую» расправу над помещичьим самодержавием.

Эту форму дал только пролетариат и его партия, осуществившие союз пролетариата и руководимого им крестьянства и возглавившие его борьбу против самодержавия.

Когда чернопередельцы осуждали народовольческую тактику, они исходили при этом из анархического противопоставления социалистической пропаганды политической борьбе. Часть чернопередельцев, убедившись в том, что социалистическая пропаганда среди рабочих неразрывно связана с политической борьбой, покинула почву анархизма и встала на путь марксизма (Группа «Осв. труда»), в то время, когда другая часть либо вернулась в лоно народовольчества, либо прямо отошла в той или иной форме от революционной работы.

Когда Адриан Михайлов осуждал народовольческую тактику (нужно иметь в виду, что речь идет о начальном периоде развития этой тактики), он осуждал ее с точки зрения буржуазного либерала, убоявшись перехода народовольческой террористической тактики в крестьянскую революцию и оформивши свой отход откровенными показаниями.

И. Н.

Рапорт прокурора С.-Петербургской судебной палаты гр. Лорис-Меликову от 15 мая 1880 г. № 889 [1])

Секретно.

Арестантское.

Господину главному начальнику Верховной распорядительной комиссии.

На основании параграфа 22 высочайше утвержденного 7 марта 1866 г. мнения Государственного совета имею честь представить при сем вашему сиятельству прошение содержащегося в С.-Петербургском доме предварительного заключения Адриана Михайлова.

Прокурор судебной палаты [подпись].

Прошение Адриана Михайлова на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова от 14 мая 1880 г.

Его сиятельству главному начальнику Верховной распорядительной комиссии генералу-от-кавалерии генерал-адъютанту графу Лорис-Меликову

приговоренного к смертной казни
Адриана Федорова Михайлова

Прошение.

Ваше сиятельство! Суд признал меня виновным в принадлежности к преступному сообществу, совершившему в последние годы ряд самых тяжких, самых ужасных преступлений, принесших так много зла России. Во все продолжение заседаний суда я неоднократно заявлял суду и старался доказать полное отсутствие всякой солидарности между моей любовью к русскому народу и убеждениями людей террора, людей кинжала, револьвера и динамита, людей, заменивших разумное человеческое слово орудиями смерти. Суд, приговорив меня к смертной казни, показал, что он не поверил моим заявлениям, между

---

[1]) Архив революции и внешней политики.

тем как мое поведение на суде и мое настоящее прошение к вашему сиятельству могли бы показать мою полную искренность.

Ваше сиятельство! Если и вы не верите полной искренности моего заявления, что я не участвовал не только фактически, но даже нравственно в тяжких преступлениях, совершенных в последние годы людьми, которых я считаю, и до последней минуты буду считать, злейшими врагами русского народа, — то пусть и меня постигнет кара правосудия, назначенная людям, с которыми у меня нет ничего общего. Но и тогда, ваше сиятельство, я обращаюсь к вашим чувствам гуманности и великодушия, о которых я так много и так часто слышал в течение восьмилетнего своего пребывания в Ставропольской гимназии от товарищей своих, горцев Терской области, и прошу вас разрешить мне в последний раз и навеки проститься с многолюбящей и так много выстрадавшей, пережившей такие мучительные минуты семи дней судебного заседания, сестрой моей.

В полном доверии к вашим чувствам остаюсь

Адриан] Михайлов.

Дом предварительного заключения.

Мая 14 дня 1880 года.

Прошение Н. Ф. Михайловой на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова от 14 мая 1880 г.

Его сиятельству господину председателю Верховной комиссии графу Лорис-Меликову

дочери умершего титулярного советника Надежды Михайловой

Прошение.

Смертный приговор, произнесенный несколько часов тому назад над братом моим, Адрианом Михайловым, не оставляет мне для сохранения мне дорогой жизни другой надежды, кроме надежды на милосердие высокопоставленного лица, облеченного монаршим доверием. Не обладая ни красноречием, ни опытностью, которые были бы нужны в деле такой важности, тем не менее осмеливаюсь думать, что простой безыскусственный голос, идущий из глубины растерзанного сердца, найдет себе отзвук в сердце вашего сиятельства и склонит вас благосклонно внять мольбе о предотвращении удара, который, поражая моего брата, поражает и меня.

Молю ваше сиятельство о сохранении молодой двадцатишестилетней жизни, молю не за него только, но и за себя. Лишившись родн-

телей еще в ранней молодости, я привыкла видеть свою семью в двух братьях, оставшихся вместе со мной сиротами.

Старший брат, бывший опорой семьи, погиб во время последней кампании на том же малоазиатском театре войны, который был свидетелем подвигов вашего сиятельства. Со смертью его вся любовь моя сосредоточилась на последнем, младшем брате, заботу о котором отец, умирая, завещал мне, в то время еще шестнадцатилетней девочке. Насколько хватало моих сил, я старалась исполнить отцовский завет, и трудовая, безрадостная моя молодость озарялась надеждой, что брат, когда подрастет, в свою очередь, будет опорой моей старости. Не сбылись эти надежды, но не о своей, отныне бесприютной жизни скорблю я; радостно понесла бы я и далее свою скромную жизненную долю, если б мне только дано было знать, что я не в конец одинока в мире, что мальчик, завещанный мне отцом и в которого я вложила самую горячую привязанность моего сердца, еще живет и дышет, что он может еще изведать и чистые радости бытия и добрые чувства, словом — все те блага, надежду на которые одна смерть отнимает бесповоротно.

Покорно приняла я смерть старшего брата и в печали своей находила утешение в мысли, что он умер, исполняя свой долг. Теперь, лицом к лицу с новой грозящей мне утратой, я не имею другого утешения, кроме надежды, что эта смерть и этот исполненный долг старшего брата — эта первая утрата сестры — зачтутся милосердием к младшему брату.

Ваше сиятельство! Жизнь Адриана Михайлова в ваших руках. Не сочтите за дерзость с моей стороны, если я осмеливаюсь надеяться, что вы с высоты той власти, которой облечены, снизойдете к мольбам и горести одинокого и безвестного существа, обращающегося к вам в страшную, роковую минуту.

Дочь умершего титулярного советника Надежда Михайлова.

14 мая 1880 г.
С.-Петербург.

Прошение О. А. Натансон на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова от 14 мая 1880 г.

Его сиятельству г-ну главному начальнику Верховной распорядительной комиссии

жены бывшего студента Ольги Александровой Натансон

Прошение.

Приговором Петербургского военно-окружного суда, состоявшимся 14 сего мая, я признана политической преступницей, в силу чего

определено, по лишении меня всех прав состояния, сослать в каторжные работы на заводы сроком на шесть лет. Подчиняясь вполне этому приговору относительно юридической его силы, я приемлю ныне смелость ходатайствовать перед вашим сиятельством о смягчении наложенного на меня судом наказания. Основанием такой моей почтительнейшей просьбы служит крайне болезненное мое состояние, которое состоит в начинающей развиваться чахотке и сильном малокровии, что может быть удостоверено по надлежащем медицинском освидетельствовании меня. Мне еще остается принести вашему сиятельству положительное заверение в том, что почти двухгодичное предварительное заключение в крепости и, наконец, самая кара заставили меня изменить мои убеждения.

Я отрекаюсь от всех моих прежних помыслов и действий и даю обещание последующей моей жизнью загладить мое прошлое.

Жена бывшего студента Ольга Натансон.

С.-Петербург. Мая 14 1880 года.

Прошение сие верю подать защитнику моему коллежскому секретарю Скачилову. Ольга Натансон.

Рапорт коменданта С.-Петербургской крепости гр. М. Т. Лорис-Меликову от 15 мая 1880 г. № 363.

Секретно.

Господину главному начальнику Верховной распорядительной комиссии

Рапорт.

Написанное на имя вашего сиятельства содержащимся в С.-Петербургской крепости осужденным политическим преступником Адрианом Михайловым прошение имею честь при сем представить вашему сиятельству.

Комендант генерал-адъютант барон Майдель.

Секретарь [подпись].

Прошение Адриана Михайлова на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова от 15 мая 1880 г.

Его сиятельству

главному начальнику Верховной распорядительной комиссии генералу-от-кавалерии генерал-адъютанту графу Лорис-Меликову

приговоренного к смертной казни

Адриана Федорова Михайлова

Прошение.

Ваше сиятельство! Суд признал меня виновным в принадлежности к преступному сообществу, совершившему в последние годы ряд

самых тяжких, самых ужасных преступлений, принесших так много зла России. Во все продолжение судебных заседаний я неоднократно заявлял суду и старался доказать полное отсутствие всякой солидарности между моей любовью к русскому народу и убеждениями людей террора, людей кинжала, револьвера и динамита, людей, заменивших разумное человеческое слово орудиями смерти. Суд, приговорив меня к смертной казни, показал, что он не поверил искренности моих заявлений, между тем как все мое поведение на суде и настоящее прошение к вашему сиятельству должны бы подтвердить правдивость моих слов.

Ваше сиятельство. Если и вы взглянете на меня глазами суда и не поверите полной искренности моего заявления, что я не только фактически, но даже нравственно не участвовал ни в одном из преступлений, совершенных в последние годы людьми, которых я считал и до последней минуты буду считать, злейшими врагами русского народа, то просить ваше сиятельство пощадить мою молодую жизнь значило бы оскорблять ваше чувство справедливости, и пусть надо мной совершится кара правосудия, назначенная людям, с которыми у меня нет ничего общего.

Но и тогда я обращаюсь к чувствам гуманности и великодушия вашего сиятельства, о которых я втечение восьмилетнего пребывания моего в Ставропольской гимназии так много и так часто слышал от товарищей своих, горцев Терской области, и прошу ваше сиятельство разрешить мне в последний раз и навеки проститься с многолюбящей, много выстрадавшей втечение девятнадцатимесячного моего предварительного заключения, пережившей мучительные минуты восьмидневного заседания суда, сестрой моей Надеждой Федоровой Михайловой, для которой я после смерти на театре войны в Малой Азии брата, штабс-капитана 73 Крымского пехотного полка Ивана Михайлова, был единственной надеждой в жизни. В полном доверии к чувствам вашего сиятельства остаюсь приговоренный к смертной казни

Адриан Михайлов.

1880 года, мая 15 дня.

Петропавловская крепость.

Всеподданнейший рапорт коменданта С.-Петербургской крепости от 15 мая 1880 г. № 356.

Его императорскому величеству

коменданта С.-Петербургской крепости

Рапорт.

Из числа перемещенных 4-го текущего мая из крепости в С.-Петербургский дом предварительного заключения на время заседания

суда, бывшего в здании судебных учреждений, одиннадцати политических подсудимых арестантов: доктор надворный советник Орест Веймар, технолог Леонтий Бердников, студент Московского университета Лейба Левенталь, дворянин Леонид Буланов, дворянин Василий Трощанский, дочь губернского секретаря Мария Коленкина, дочь поручика Александра Малиновская, жена бывшего студента Ольга Натансон и именующаяся вдовою губернского секретаря Ольгою Витаньевою, как невозвращенные по окончании суда обратно в крепость, исключены из списков содержащихся в оной.

Генерал-адъютант барон Майдель.

№ 356.

15 мая 1880 года.

С.-Петербург.

Всеподданнейшее прошение Н. Ф. Михайловой от 16 мая 1880 г.

Ваше императорское величество
всемилостивейший государь.

Припадаю к священным стопам вашего величества с мольбою о помиловании моего брата Адриана Михайлова.

В прошении, поданном им на имя его сиятельства графа Лорис-Меликова уже по произнесении приговора суда, он торжественно заверяет, что непричастен к преступлению, в котором обвинялся; то же самое и столь же настоятельно повторял он и мне во время последнего свидания, которое я имела с ним уже после того, как был произнесен приговор, осуждающий его на смертную казнь. Не смею возвышать свой голос против приговора суда, но, если мне, как сестре, заменявшей ему мать с детства, дозволено будет сказать слово в пользу его искренности, осмеливаюсь свидетельствовать перед священною особою вашего императорского величества, что знаю моего брата за человека, не способного запятнать свою совесть низким запирательством в ту торжественную минуту, когда он готовится покончить все счеты с жизнью.

Осмеливаюсь молить ваше императорское величество о даровании жизни моему брату и при этом молю и за себя, так как он остается единственною моею привязанностью в жизни, после того, как старший брат смертию своей запечатлел свою преданность царю и отечеству во время последней кампании.

С детства учили меня, что у бога милости много; в настоящую тяжкую для меня минуту подкрепляю себя надеждою на милость того, кто провозгласил, что не отделяет милость от правосудия.

С чувством глубочайшего благоговения имею честь именоваться вашего императорского величества

верноподданною Надеждою Федоровою Михайловой, дочерью титулярного советника.

16 мая 1880 года.

С.-Петербург.

Жительство имею: Пески, Большая Болотная улица, д. № 17, кв. 19.

Всеподданнейший доклад гр. М. Т. Лорис-Меликова от 16 мая 1880 г.

Петербургский военно-окружной суд, рассмотрев дело об Адриане Михайлове, Оресте Веймаре и других лицах, преданных мной военному суду по обвинению в принадлежности к социально-революционной партии, приговором, состоявшимся 14 сего мая, постановил:

1) сына титулярного советника Адриана Михайлова и 2) именующего себя сыном надворного советника Владимиром Сабуровым, по лишении всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение;

3) дворянина Василия Трощанского, 4) надворного советника Ореста Веймара и 5) технолога Леонтия Бердникова, по лишении всех прав состояния, а Веймара и имеющихся у него знаков отличия и чинов, сослать в каторжные работы в рудниках: Трощанского на 20 лет, а Веймара и Бердникова на 15 лет;

6) мещанина Лейбу Левенталя, по лишении всех прав состояния, сослать в каторжные работы в крепостях на десять лет;

7) мещанку Марью Коленкину, 8) жену бывшего студента Ольгу Натансон и 9) именующую себя вдовой губернского секретаря Ольгой Витаньевой, по лишении всех прав состояния, сослать в каторжные работы на заводах: Коленкину на 15, Натансон на 6 и Витаньеву на 4 года;

10) дочь поручика Александру Малиновскую, по лишении всех особенных прав и преимуществ, сослать на житье в Тобольскую губернию и

11) дворянина Леонида Буланова сослать на житье в Тобольскую губернию, без лишения прав и преимуществ.

Означенный приговор я утвердил 16 сего мая и обратил к исполнению.

Всеподданнейше докладывая о сем, имею счастие представить составленный, по данным мне вашим императорским величеством вчерашнего числа повелениям, проект предложения Петербургскому

военно-окружному суду о всемилостивейше даруемом подсудимым смягчении их участи.

Генерал-адъютант граф Лорис-Меликов [1]).

16 мая 1880 г.

Письмо Адриана Михайлова гр. М. Т. Лорис-Меликову [2]).

Ваше сиятельство.

Со дня вашего посещения жестокие нравственные мучения не оставляют меня. Мне больно, граф, что вы, которого я считаю спасителем не только моей жизни, но и жизни дорогой моей сестры (так как за моей казнью непременно последовало бы ее самоубийство), до сих пор продолжаете, как я заметил это по вашему лицу, думать, что я террорист. Мне больно, граф, что человек, которому я обязан спасением двух жизней, считает меня единомышленником людей, которых я, социалист, признаю злейшими врагами социализма. Все время после вашего ухода я думал, каким бы образом разубедить вас в этом, и остановился на следующей мысли. Вы с большим доверием относитесь к моему лучшему другу Алексею Оболешеву, а он может подтвердить все, что я сейчас скажу вам. Со второго же дня после убийства генерал-адъютанта Мезенцева на всех социалистических «улицах и перекрестках» обсуждался вопрос: как относиться к подобного рода фактам? И везде, где мне приходилось бывать и говорить по этому поводу, я горячо отстаивал мысль:

1) что русские социалисты суть слуги русского рабочего люда и потому деятельность их может быть плодотворна только в среде этого люда;

2) что если факты, подобные убийству г.-а. Мезенцева, повторятся и будут совершаться по принципу, систематически, то такие убийства будут самоубийством русского социализма;

3) что социалисты, ставши на путь политических убийств, превращаются в чисто политических деятелей и при обыкновенном ходе дел вызовут реки крови, а только при каких-нибудь

---

[1]) На подлиннике помета: «Государь император изволил одобрить представленный проект и всемилостивейше повелел: «Адриану Михайлову даровать жизнь и сослать в каторжную работу в рудниках на 20 лет». 16 мая 1880 г. Генерал-адъютант граф Лорис-Меликов».

[2]) На письме пометы карандашом: «Получено от Лорис-Меликова». —«Совершенно секретно, в особое дело о Михайлове». «В. Н. Ц... без записи в журнал. 18/VI».

исключительных для господ террористов обстоятельствах они могут добиться политических перемен; но, так как

4) при настоящих экономических условиях русский мужик не в состоянии воспользоваться политическими переменами, то всякая сила, употребленная в эту сторону, есть не только загубленная сила, но и употребленная во вред интересам русского народа, и

5) социалисты, ставши на путь политических убийств, eo ipso становятся врагами русского рабочего люда, врагами русского социализма.

Человек, на другой день после убийства Мезенцева отстаивающий публично подобные мысли, менее всего террорист.

Вы на это сказали мне: «Раз я принимал участие в убийстве г.-а. Мезенцева, я террорист».

Нет, граф, тысячу раз нет! Террорист это человек, совершающий убийства по принципу и возводящий их в систему. Я же совершил преступление отнюдь не потому, что г.-а. Мезенцев — шеф жандармов, а потому, что воображение мое разожгли рассказами о жестокостях, совершенных над политическими арестантами, в которых будто бы повинен один г.-а. Мезенцев и никто другой; но и тут я долго отбивался от всякого участия [1]) и на другой же день отстаивал мысль о гибельности для социализма таких фактов, если они будут совершаться по принципу.

Следовательно, мое преступление имеет вполне политический характер и потому подходит под действие 279 ст. воин. уст. о нак., согласно высочайшему указу от 9 августа 1878 г., а не под 249 ст. ул. о нак., куда вполне подходят террористы. А я не террорист, потому что участием в преступлении, против возведения которого в принцип я восставал всеми силами души, я не думал добиться каких либо перемен.

Объяснюсь на примере. Если бы кто-либо из «погонцев» известного подрядчика Варшавского явился ко мне и возбудил меня рассказами о всем, что они претерпели, и как на единственного виновного во всех бедах указал на г. Варшавского, то я мог бы увезти убийц г. Варшавского, но назвал бы злейшими врагами русского рабочего люда вообще и погонцев в частности всякого, кто сказал бы, что это убийство должно стать началом целого ряда их и что этим путем можно служить интересам народа.

Но ведь хотя я не допускал повторения таких преступлений, хотя я совершил его под влиянием увлечения, тем не менее я сознательный

---

[1]) Когда-нибудь убийца расскажет вам, чего стоило ему убедить меня.

сообщник убийц? Да, это правда, граф, и я вполне заслужил наказание, но не желал бы, чтобы имя мое поносилось как имя террориста; пусть друзья мои, когда меня не станет, узнают, что, совершивши преступление, на которое я никогда не смотрел глазами террористов, я теперь, видя, какую бездну зол повлекло за собой это преступление, считаю день 4-го августа 1878 г. позорнейшим днем своей жизни. Я и просил суд наказать меня по 279 ст. в. уст. о нак. единственно для того, чтобы примирить с своей памятью друзей своих, и теперь наверно проклинающих терроризм.

Могу ли я быть террористом, единомышленником людей, не остановившихся перед покушением на цареубийство? Нет, граф, и еще раз нет! Из своего знакомства с русским мужичком я вынес убеждение, что он не разумеет никаких монархий и республик, централизаций и федераций и что весь его политический кодекс заключается в следующем: существует «Русь-матушка», существует «царь-батюшка», и от второго для первой исходит всякое благо. И вдруг социалист, желающий быть слугою серой «Руси-матушки», поднимает руку на ее «царя-батюшку»! Да злейший враг социалистов не мог бы придумать ничего худшего для подрыва дела социализма среди русского рабочего люда! Я понимаю еще социалиста-фальсификатора «золотых грамот», мог бы понять социалиста-самозванца, явившегося где-нибудь под именем особы августейшей фамилии, но я решительно не постигаю социалиста—политического убийцу по рассчету, по принципу. По моему глубокому убеждению, это просто на просто конституционалист, а так как социализм русский никакого дела с политическими формами не имеет, то террорист, называющий себя социалистом, есть самозванец, и партия господ террористов, присвоившая себе название «Русской социально-революционной партии», называет себя так самозванно, как самозванен и пресловутый «Русской социально-революционной партии исполнительный комитет», который сам себя избрал, сам себя на все свои действия уполномочил. Итак — я социалист, и с точки зрения социализма, помимо общечеловеческой, считаю деятельность террористов преступной.

Вы видите, граф, что я рассуждаю логически, а следовательно — пишу в здравом уме, а следовательно — я не террорист.

Моя судьба решена, граф: 20 лет тюрьмы не вынесет никто, и следовательно, кто бы я ни был, я человек уже безвредный; наказание, назначенное мне благодаря вашему слову, я считаю крайне мягким; разыгрывать мне из себя социалиста-народника, если бы я не был таковым, слишком поздно, — а потому вы поверите мне, граф, если я скажу, что единственная причина, побудившая меня отнять у вас на

чтение этого письма часть дорогого для вас времени, состоит в том, что мне страшно тяжело думать, что человек, спасший мне жизнь мою и не менее дорогую для меня жизнь сестры, продолжает причислять меня к лику людей, от солидарности с которыми я отрекся п у б л и ч н о.

В заключение, граф, позвольте в вас приветствовать человека, который п е р в ы й на всем пространстве русской истории нашел действительные меры для излечения самых болезненных явлений русской общественной жизни. Если вам эти слова покажутся лестью, то укажите мне в русской истории хоть одного государственного человека, действовавшего в аналогичных условиях подобно вам! Ведь теперь малейший шаг со стороны террористов будет их самоубийством, ибо от них отшатнутся даже те политики, на которых сознательно или бессознательно работают господа террористы! Вот почему, граф, еще немного времени, — и террористы сами собою «измором выйдут».

Мои чувства к вам и за себя и за меня выразит вам сестра моя. Это теперь ходячая хвалебная песнь вам; при пылкости ее натуры она выцарапает глаза всякому, кто в ее присутствии дурно отзовется о вас. Кстати, я должен покаяться пред вами в одной отвратительной мысли, которую я допустил относительно вас. При вашем первом посещении вы, сказав, что подписали приговор, спросили меня: «Знаете ли вы, что ваша сестра здесь и знаете ли, что с ней?» Мне вдруг представилось, что ее посадили в тюрьму, чтоб этим путем заставить меня говорить. Это и было ближайшей причиной моего обморока; вот почему, очнувшись, на ваши вопросы я мог только ответить: «Сестра»... Простите меня, граф, что я хоть на минуту мог допустить в голову такую гадкую, отвратительную мысль о вас. Но в то время у меня голова совсем кругом шла.

Обязанный вам жизнью, обязанный вам спасеньем от невольного убийства сестры своей

А д р и а н М и х а й л о в.

P. S. Если вы найдете нужным, то я согласен на обнародование теоретической части этого письма с моим именем. Я думаю, что если бы социалисты-народники не были «байгуши» и имели в своих руках возможность публично изобличать самозванство террористов, то эти последние давно бы сократились или, по крайней мере, показали, кто стоит из их спиной.

Из записной книжки архивиста.

Из переписки С. М. и Н. М. Романовых в 1917 г.

Автор публикуемых ниже писем — вел. князь Сергей Михайлович Романов, занимавший в 1915—1917 гг. должность генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем.

Адресат — родной брат его, вел. кн. Николай Михайлович, генерал-адъютант, числившийся по гвардейской пехоте, но предпочитавший военной службе занятия генеалогией некоторых аристократических фамилий и писание биографий своих династических предков. В начале империалистической войны он провел несколько месяцев на фронте, затем, вернувшись в Петроград, занялся, по личной инициативе, разработкой программы будущей мирной конференции, надеясь на ней председательствовать. Накануне Февральской революции Николай Михайлович возглавлял возникшую на почве страха за судьбу династии великокняжескую оппозицию режиму Николая — Александры — Распутина. После Февральской революции он вошел в оживленные сношения с некоторыми членами Временного правительства (Львовым, Керенским и др.), подчеркивая свой полный разрыв с павшим режимом и даже изображая себя его жертвой. Повидимому, он претендовал сыграть некоторую роль в развертывавшейся революции и, как это видно из публикуемых здесь писем, непрочь был даже выставить свою кандидатуру на выборах в Учредительное собрание.

Большая часть печатаемых ниже писем падает на март-май 1917 г., когда Сергей М. Романов, застигнутый революцией в ставке, жил, не имея разрешения на въезд в Петроград, в Могилеве. Последние три письма посланы в августе из Петрограда, куда автор был вызван в связи с начавшимся судебным процессом б. военного министра В. А. Сухомлинова.

В письмах рассеян ряд любопытных штрихов, ценных для характеристики отношения к революции как самих корреспондентов, являвшихся представителями свергнутой династии, так и некоторых лиц, перенявших на время верховную власть в стране — Львова, Керенского, Гучкова и др. Хотя автор писем пишет, что еще в начале февраля он был уверен «в близком конце всего» и что для него «не было никакого сюрприза в случившемся» (письмо от 9 марта), однако этот «отныне свободный гражданин», как он сам себя называет (письмо от 9 апреля), переживал развертывавшиеся события очень тревожно. В этой тревоге ясно обозначаются страх за «жену» (после революции б. великий князь решается так ее назвать) — М. Кшесинскую, выгнанную революционным народом из ее роскошного особняка и открыто обвинявшуюся во взятках за услуги по артиллерийскому ведомству, возглавлявшемуся автором писем, неприятная перспектива и самому предстать к ответу перед новой властью за многочисленные злоупотребления по тому же

ведомству, угроза остаться без средств в связи с ликвидацией доходов от уделов и т. д.

Однако Сергей Михайлович пытается делать счастливое лицо при плохой игре и изображает себя человеком, которому революция принесла то, чего он всю жизнь добивался: «Наконец, я могу, — пишет он в пасхальном письме к брату, — открыть ту картину нашего ведомства, против которого я столько лет воевал». В непубликуемом здесь письме Керенскому, по назначении последнего военным министром, Сергей Михайлович писал: «Двенадцать лет я боролся за правду, честность и справедливость, но при старом режиме произвола и абсолютизма, борьба была весьма трудная и подчас совершенно бесплодная... Увы! Мой голос тонул в омуте режима»... Но, «наконец, и мы, великие князья, достигли равноправия наравне со всеми русскими гражданами...» Керенский положил на письме «достигшего равноправия» б. вел. князя следующую резолюцию: «Просить Чрезвычайную следственную комиссию Бальца ускорить расследование о злоупотреблениях в Артиллерийском управлении э п о х и [разрядка редакции] Сергея Михайловича Романова». Учтивый «министр революции» не решился сказать о л и ч н о й ответственности б. великого князя за то, что творилось в его ведомстве разными авантюристами, а лишь об э п о х е, когда все это происходило. И естественно, что Керенский Сергею Романову и Кшесинской представлялся «светлой личностью», «очень светлой головой и приятным собеседником»; при посещении ставки Керенский провел с автором писем целый час, и они «очень приятно болтали», причем Керенский посоветовал ему посидеть еще в ставке и не показываться некоторое время в столице, чтобы «желтая пресса не начала опять писать какие-нибудь статьи».

Однако покровительство Керенского, Гучкова, Львова и других не принесло Сергею Михайловичу улучшения его судьбы. Политическая ситуация на фронте и в тылу складывалась неблагоприятно для вожаков империалистической буржуазии. Керенский уже к началу мая, по выражению автора писем, «устарел». Миллионы одетых в военную форму рабочих и крестьян не хотели продолжать войну за идеалы Милюкова и К-о. Совершенно естественно, конечно, что это вызывает бешеное раздражение б. великого князя. Уже в мае он ясно видит, что лозунги Ленина и большевистской партии гораздо понятнее и ближе солдатским и рабочим массам, чем шовинистическая трескотня на фронтовых и тыловых митингах «главноуговаривающего» Керенского и его присных. Он предвидит, что Учредительное собрание введет в б. царской России республиканский строй; Николая Михайловича он считает республиканцем. Но этот «отныне свободный гражданин» не может победить в себе отвращения ко всякому иному строю, кроме автократического, и убежден, что «если республиканское правительство начнет вводить порядок, оно рухнет через очень короткое время» (письмо от 10 мая). Представитель выродившейся династии, сидевшей на шее многомиллионного народа втечение трехсот лет, аттестовал этот самый народ так: «Теперь, что солдат, что мужик — все равно, — все они, обуреваемые алчностью, составляют 150 миллионов дикарей». «Русский человек, — продолжает он, — до того некультурен, до того дик, что он в настоящее время способен только на две жизни: или под палкой твердой власти, в страхе наказаний, — или же в полной анархии под девизом — бери и хватай все, что не твое... Всякое понятие о приличии испарилось».

Как видит читатель, для этого матерого феодала народ, разбивший, наконец, цепи помещичье-буржуазной эксплоатации, был стадом двуногих

зверей, которым нужен был только кнут и палка. Закономерность развертывавшейся под руководством большевистской партии революции была ему совершенно темна и непонятна. Он видел во всем происходившем лишь хаос, борьбу человеческой алчности, бунт «дикарей» против «законов человечества», под которыми он разумел право помещичье-буржуазного класса на эксплоатацию трудящихся деревень и городов.

Очень любопытна тирада в письме от 10 мая: «я совершенно не понимаю идей главарей с.-д., — говорит Сергей Романов,— иллюзия ли у них или неразвитость. Ведь они же люди с образованием, — как же они не понимают, что творится». Объяснять участие в революции «неразвитостью» и недоумевать перед наличием сочувствия революции со стороны людей с «образованием» — это тот предел политического невежества и умственного убожества, который характерен для представителей разбитых революцией эксплоататорских классов. Публикуемые письма являются новым свидетельством того, что члены романовского «семейства» в своем интеллектуальном и моральном убожестве и в неумении правильно разобраться в политической обстановке страны, недалеко ушли от главы династии и его супруги, руководившихся в последние годы, перед Февралем, безграмотным колдуном Распутиным с его «русской смекалкой», указывавшей коронованным вырожденцам пути спасения от надвигавшейся революции, но все таки не спасшей их от гибели.

А. С.

1. 1917 г. 9 марта.

Мой милый Николай.

Меня очень огорчило то, что ты сказал Драке, «отчего я тебе ничего не писал в Грушевку»... Неужели ты можешь думать, что я либо тебя забыл, либо нарочно тебе не писал, чтобы не компрометировать себя? Очень больно думать, что ты такого гнусного мнения обо мне. Мы так всегда были дружны с тобою, а в особенности последнее время, когда я во всем был с тобой солидарен. Ведь причины моего молчания так просты, — в Петрограде я был на конференции [1]) и не имел буквально ни одной свободной минуты: каждый день заседания, иногда два в день; между заседаниями и каждое утро ко мне приходили либо иностранцы, либо наши артиллеристы, а по вечерам — обеды. Вернулся сюда, а тут накопилось столько дел, что каждый день я был занят.

Кроме того я прекрасно знал, что тебе пишет масса людей, и ты все время в курсе всех вопросов. Я был так занят, что утренних газет ни разу не удалось прочесть. Вот видишь, как это просто, и сомнений в моей дружбе к тебе быть не может.

Теперь я тебе сообщу, что здесь происходило. Когда Ники [2]) сюда приехал, я был болен простудой и лежал в кровати. Вышел из дому только 1 марта, так что — что происходило у него, я точно не знаю, но, по рассказам, он ни с кем не разговаривал. Об отъезде его в ночь с 27-го на 28-е я узнал только 28-го в 10 утра (в этот день я первый раз встал). Днем 1 марта уже узнали, что поезда не пропускают, и они блуждают между «Бологоем» и «Дном». Все очень волновались. Бедный Алексеев ужасно страдал. Родзянко говорил с ним по аппарату, что необходимо немедленное отречение в

---

[1]) В конце января — начале февраля 1917 г. в Петрограде происходило очередное совещание представителей союзных главнокомандующих, пришедшее к заключению, что военные операции 1917 г. должны иметь решающий характер, а потому наступательные действия на зап. и вост. фронтах должны вестись с максимумом средств.

[2]) Николай II приехал в ставку, после двухмесячного отсутствия, 23 февраля.

пользу Алексея с регентством Миши. Сейчас же все сообщалось Рузскому для передачи царю по приезде во Псков. Прямых сношений с поездом не было. Время шло и шло. Из Петрограда приходили все более и более тревожные сведения, но до Пскова еще не доехали. Наконец, доехали. Началось ожидание приезда в Псков Гучкова и Шульгина. Алексеев сообщил Рузскому для доклада царю о необходимости отречения в пользу Алексея. Все главнокомандующие, вплоть до Н. Н. [1]), телеграфировали в Псков то же самое.

Началось томительное ожидание решения. До поздней ночи я сидел с массой офицеров в телеграфной комнате в ожидании решения. Наконец, пришла телеграмма, что акт отречения подписан. Все вздохнули, но остались ожидать следующей депеши с изложением манифеста. Когда же пришла телеграмма об отречении в пользу Михаила, мы все ахнули, так как все знали, что это противозаконно.

Конец после этого был уже ясен. Ночью Родзянко сообщил Алексееву, что отречение опоздало, а днем сообщили, что Миша временно отказался. Я сейчас же вызвал Сандро [2]) к аппарату и советовал привезти сюда М. Ф. [3]) Я уже был уверен, что М. Ф. приедет только для прощания с сыном. Вчера она с ним простилась, и его увезли в Царское.

Сегодня М. Ф. уехала с Сандро в Киев, где спокойно. М. Ф. разрешено жить, и местные общественные власти ей гарантировали неприкосновенность. Очень надеюсь для бедной старушки, что ее никто не тронет. Тяжело было на нее смотреть; она еще не вполне отдает себе отчет в создавшемся положении.

Вот в кратких словах все, что произошло здесь. Сандро и я мы совершенно спокойно смотрим на будущее и почти уверены, что нас уберут с фронта, но сами подавать в отставку не имеем права в настоящее время, так как служим и по закону не имеем права. Сегодня все присягнули на верность Российскому государству и Временному правительству. Во всех армиях настроение бодрое.

Марков мне в письме передал твое поручение о том, чтоб все мои служащие, живущие во дворце и при запасном доме, и моторы, стоящие в гараже, прекратили бы свои сношения с домом на Петроградской. Не знаю, чем вызвано такое твое желание. Я этим ужасно огорчен, и мне очень было больно узнать об этом. Ты знаешь, как я привязан к Вове [1]) и как я горячо люблю и как он ко мне привязан. Ты знаешь, что я живу с Малечкой [2]) 22 года (это не в смысле физическом, но живу одним домом и одними средствами). Конечно, ты понимаешь, как я волновался и беспокоился за их целость. Мне кажется, я мог бы рассчитывать на твою дружбу, и рассчитывал на тебя, что в случае большой опасности для них я могу обратиться к тебе с просьбой уберечь их. Какое тяжелое разочарование для моих братских чувств, я всегда смотрел на тебя как на самого близкого ко мне брата! Не знаю, что и думать.

— * —

Сию минуту привезли твое письмо. Оно меня еще более разволновало и огорчило. Ты меня опять отделяешь от

---

[1]) Николай Николаевич, главноком. войсками на Кавказе (с 25 авг. 1915 г.); 2 марта 1917 г. вновь назначен Николаем верх. главнокомандующим, но 9 марта был уволен от этой должности Врем. правительством.

[2]) Александр Михайлович, вел. князь, зять имп. Марии Федоровны.

[3]) Мария Федоровна, вдова имп. Александра III.

[1]) Сын Сергея М. Романова и М. К. Кшесинской.

[2]) Кшесинская, М. К., балерина.

себя и Сандро и все укоряешь. В начале письма я объяснил мое молчание. Сандро был в Петрограде в конце конференции, и после его разговора с А. Ф. [1]) я был совершенно уверен в близком конце всего, и для меня не было никакого сюрприза в совершившемся.

То, что ты пишешь о Малечке, прямо ужасно. Я не знаю, кто против нее озлоблен, и причины этого озлобления кроются только либо в личных счетах по сцене, либо во вздорных слухах. Я клянусь перед образом, что за ней нет ни одного преступления. Если ее обвиняют во взятках, то это сплошная ложь. Все ее дела вел я, и я могу представить кому нужно все самые точные данные, какие деньги у нее есть и были, откуда они поступили. Я знаю, что ее дом грабили и грабят; воображаю, сколько дорогих и художественных вещей пропало! Неужели ты не веришь твоему брату, который клянется, а веришь слухам, которые распускают злонамеренные люди? Что было мое, все должно перейти Вове. И что же теперь мы — нищие из-за слухов, распускаемых неизвестно кем! Я думаю, что, раз ты хорош со всеми, я мог бы обратиться к тебе за защитой, но теперь, после получения письма, я окончательно убедился, что ты для меня пропал. Ты пишешь, что, если я приеду, чтобы я не смел с ними видеться. Что же я подлец — я брошу свою жену (гражданскую) и своего мальчика? Нет, я всю жизнь был честным и благородным, таким и останусь. Ты мне еще указываешь в письме, что я няньчился с делегатами конференции, а что, по-твоему, я должен был делать, раз я прислан ставкой для участия в конференции, так как самые главные вопросы были артиллерийские? Итак извиняюсь за длинное письмо. До свидания, если еще увидимся когда-нибудь. Крепко тебя обнимаю. Прости, если когда огорчил, но верь, что это было не умышленно.

Горячо любящий тебя твой брат

Сергей.

Сегодня приезжает Н. Н.

[1]) Александра Федоровна, императрица.

2.

1917 г. 17 марта.

Мой милый Николай.

Сердечно тебя благодарю за милое письмо. Драке мне все подробно рассказал. Сегодня приезжает Гучков, а завтра, говорят, Керенский. Жду с нетерпением их приезда, чтобы с ними поговорить, в особенности с последним. Ведь ты прекрасно знаешь, как я всегда возмущался тем, что̀ делало правительство, и в особенности нашим бюрократическим ведомством, и я с радостью выйду свидетелем по военным делам, чтобы, наконец, правда восторжествовала.

Я прекрасно понимаю создавшееся положение и не делаю себе никаких иллюзий. Сюда приезжает масса офицеров, и старых и молодых, которые приговорены к смерти своими солдатами, и все просят другого назначения, подальше от своей части. Между прочим, и наш Огарев и Гартман (Конная гвардия).

Ставку подвел ужасно Борис [1]) со своими собачонками. Давно уже вся ставка ненавидела и даже презирала, из-за них общее неудовольствие ставкой. Хотя все здесь служащие вполне поняли создавшееся положение и ведут себя очень хорошо. Особенно хорошо поняли нашу обстановку служащие в бывшем моем управлении. Одно меня ужасно огорчает, что ты не веришь мне, а веришь слухам и злостным инсинуациям газет. Много раз и прежде мы с тобой об этом говорили, и ты мне никогда не верил, говоря, что меня обманывают. В том письме я тебе клялся, что все неправда, что̀ говорят и пи-

[1]) Борис Владимирович, вел. кн., походный атаман всех казачьих войск при верх. главнокомандующем.

шут, но и тут ты мне не верил. В семейном отношении я все простил из-за Вовы. Ты уже читал, вероятно, опровержение службы об аресте. По поводу своего посещения Керенского Маля мне пишет: «Какая это светлая личность!» Ну, значит, делать нечего: тебя не убедить, — больше никогда и пробовать не буду.

Вчера был Гучков у меня, сидел более часа, очень интересно рассказывал и советовал куда-нибудь уехать и пока в Петроград не ехать, но я положительно не знаю, куда мне ехать. Если захочет какой-нибудь рабочий или недовольный офицер — за то, что я когда-нибудь не исполнил его незаконную просьбу, — и меня арестуют и посадят где-нибудь в тюрьму. Сегодня повидаю кн. Львова и Керенского, каждого отдельно, посмотрим, что они скажут, и тогда доконч у письмо.

19/III.

Вчера приезжало правительство, все в восторге от их речей, но — кто покорил всех, так это — Керенский. Он побывал всюду и даже в моем управлении. Меня там не было, так как я в это время ожидал Керенского в штабе. Мое управление им очаровано, и его вынесли на руках. С ним я сидел целый час, и мы очень приятно болтали. Насчет моего приезда в Петроград он сказал, что считает — вполне возможно и безопасно. Но думает, что нужно подождать некоторое время, чтобы желтая пресса не начала опять писать какие-нибудь статьи. Он обещал вернувшись переговорить с Львовым и мне телеграфировать. Очень светлая голова и приятный собеседник. Буду ждать.

Совершенно неожиданным для меня явилось лишение нас содержания из уделов, так как это — в основных законах, пересмотр которых предполагается в Учредительном собрании. Я думал, что майскую треть мы получим и тогда постепенно можно будет все сократить, но теперь мне приходится содержать почти всех моих служащих, которых около 40 человек, вместе с женами. Все мои люди, призванные на военную службу, получали всю войну для их семей полное содержание. Теперь их придется лишить всего содержания, все это стоило 120 000, а теперь у меня будет всего 41 000 и Маля приблизительно то же. Могу себе представить ужасное положение братьев и Анастасии, у которых и этого не будет, так как у каждого лежит в Берлине по 800 000.

Керенскому я сказал, что вполне отдаю себя во власть правосудия в качестве подсудимого или свидетеля, как он пожелает. С особым удовольствием исполню это, так как не чувствую за собой никакой вины. Всю службу боролся с разрухой военного министерства и с черным войском, которое, к сожалению, и теперь забрало в свои руки Гучкова. Итак, надеюсь, до свидания. Да хранит тебя господь! Крепко обнимаю.

Твой брат Сергей.

Предлагаю взять «Заречье». Если откажешься, то передам кому-нибудь.

3.

Христос воскресе!

Милый Николай.

Поздравляю с праздником. Как видишь, я в точности исполняю твои советы и сижу здесь, несмотря на то, что меня страшно тянет поближе к Петрограду, дабы повидать Вову и Малю. Подробности разгрома в нашем доме прямо ужасны; у них у обоих украли все белье и все платье и все сапоги. Осталось только то, что было на них, и немного у прачки. Они живут в ужасных условиях. Вове нужно учиться, весною экзамены, и я отсюда ничего не могу распорядиться. Жду с нетерпением того дня, когда меня пустят.

Говорил много с князем Львовым и вынес очень приятное впечатление. Интересная статья была опять в «Биржевке» обо мне и Малечке. В мое время

Балтийскому заводу никаких заказов (артиллерийских) я не давал, фамилию Овчарова ни я, ни она никогда не слыхали, и секретаря у Мали никогда не было. Очень буду рад, когда, наконец, мне придется выступить либо в качестве свидетеля или обвиняемого. Наконец, я могу открыть ту картину нашего военного ведомства, против которого я столько лет воевал. Теперь, к сожалению, Гучков окружен исключительно молодыми офицерами генерального штаба, которые способны только разрушить все существующее, но ничего нового сотворить неспособны. Бедный Алексеев после министров опять на три дня слег, сегодня ему лучше. Да хранит тебя господь! Чмок.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

4.

1917 г. 9 апреля.

Мой милый Николай.

Большое спасибо за твои последние два интересных письма. То письмо, которое ты лично передал кому-то на вокзале, я так и не получил и очень боюсь, не попало ли оно в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Живу я здесь очень хорошо и спокойно, в собрание не хожу и никого из ставки почти не вижу. Ко мне ходят только мои бывшие подчиненные. То, что ты пишешь о разговоре с Поливановым, меня нисколько не удивляет. Дважды видел здесь Гучкова и пришел тоже к заключению, что от него будет мало толка; он окружен всякими прохвостами из генерального штаба, большинство молодые, но не бывшие в строю на войне. Они вершат судьбы, они изгоняют людей, им лично несимпатичных. Омоложение армии заключается в том, что гонят старых, опытных и подчас талантливых людей и зачастую заменяют молодыми, бездарными интриганами и подлизами. Я знаю только про артиллерию, в которой последние перемены вызывают бурю негодований. К добру это не приведет. Я с болью в сердце наблюдаю, как постепенно разрушают то стройное и крепкое здание, которое я с таким трудом построил в течение стольких лет. Если мы до сих пор не были окончательно разбиты, то это только благодаря артиллерии, на которую до сих пор не распространялось тлетворное влияние генерального штаба. Теперь эти господа нам льстят и делают все, чтобы сравнять артиллерию с другими родами оружия и подчинить ее вполне себе. Во время войны артиллеристы все выпесут, но после войны все лучшие силы уйдут. Все чаще и чаще слышишь возгласы: «Ах, если бы не было войны, я бы все бросил и нашел бы себе другое занятие, хотя бы даже открыл какую-нибудь лавочку!» Армия гибнет и гибнет безвозвратно. Хорошо бы было, если бы Поливанов переехал со своею комиссией сюда в ставку и здесь пополнил представителями от армии, а то в Петрограде сидят только те, которые не желают более сидеть в окопах, а предпочитают сидеть в большом городе. В настоящий момент главную роль в судьбе России должна сыграть армия, и потому все стремление благомыслящих людей должно быть направлено [к тому, чтобы] сохранить армию, способную исполнять приказания Временного правительства. Иначе вся эта масса — 12 000 000 дезорганизованных людей — хлынет на восток и предаст все огню и мечу, и родина наша погибла. Извиняюсь за изложение моих мыслей, может быть, не вполне ясных, но исходящих от человека, горячо любящего родину и армию и отныне свободного гражданина.

Письмо везет Драке, который едет за вещами своей семьи, которую он решил оставить здесь. Я его устроил адъютантом к Алексееву; конечно, мне очень тяжело с ним расставаться, он такой преданный, прямой и честный мой друг. Марков стал совершенно рамоликом, и от него нет никакого

толку. В забастовке людей виноват тоже он. Конечно, я и не думал сразу всех прогнать, но держать всех я тоже не мог.

Пока, значит, я сижу здесь, но стремлюсь в Петроград, чтобы соединиться, наконец, с Малей и Вовой, и мечтаю провести где-нибудь вместе лето.

Чмок. Привет Молодовскому, Никите и Брюммеру.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

5.

1917 г. 16 апреля.

Милый Николай.

Вчера получил твои два письма. Большое спасибо. Очень благодарю, что ты повидал Малечку и поговорил с ней. Она мне писала, что очень довольна свиданием. Очень мало утешительного в твоем описании современного положения в Петрограде. С фронта тоже вести неважные. За март из войсковых районов убежало 700 000 человек. Есть части пехотные, в особенности из вновь сформированных, где почти целиком убежали некоторые полки. Затем большинство пехоты заявляет, что она грудью будет отстаивать натиск противника, но вперед ни шагу. Могу себе представить, какое все это должно производить впечатление на союзников! На северном фронте наши солдаты каждый день ходят к немцам за коньяком и затем дома напиваются в окопах. В артиллерии дезертиров почти нет, и она еще крепка духом...

Алексеев переехал в дом, где жил царь. Он отправляется на северный фронт. С Поливановым буду с удовольствием говорить, но, конечно, только в том случае, если он сам того пожелает и пришлет за мною или зайдет ко мне. Сердечный привет всем твоим. Чмок.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

6.

1917 г. 25 апреля.

Мой милый Николай.

Большое спасибо за интересное письмо. Твои письма совершенно ясно рисуют картину происходящих событий. Невесело у вас в Петрограде. Здесь мы сидим, как в другом миру: все тихо, спокойно, на улицах полный порядок, солдаты все отдают честь военным, и только изредка встречаются ваши петроградские, которые нагло смотрят на офицеров и не отдают чести. Нарушают покой только вести с фронтов. Там нехорошо: пропаганда делает свое дело, дезертирство продолжается, и пехота не намерена более наступать. Во что все это выльется, одному богу известно. Я бы никуда отсюда не стремился, если бы меня не тянуло к Мале и Вове. Нам очень нужно повидаться, чтобы сговориться, как устроиться далее, как рассчитать наш бюджет. Вова держит теперь экзамены уже в 6 класс и пока все на 5. Мале я очень нужен для советов. Ведь 23 года она жила припеваючи под моим руководством, а теперь, когда случилась беда, она должна решать все сама. Ей сообщили, что теперь начали справляться о ее деньгах; она очень рада, потому что, наконец, выяснится, откуда у нее деньги. Это узнают, когда посмотрят в мои конторские книги. Сегодня я посылаю мое окончательное решение относительно моих людей Маркову; если тебя это интересует, то потребуй к себе этого рамолика с этим документом. Мне кажется, что мое решение правильное. Те из людей, которые здесь, дали мне подписку, что они с моим решением согласны. Вероятно, большинство петроградских дураков не будут согласны. Возвращаю письмо Ксении [1]). Очень жаль их и в особенности М. Ф.

---

[1]) Ксения Александровна, жена вел. кн. Александра Михайловича.

Очень одобряю твое решение поместить одну общественную организацию к себе во дворец. Как ты поступишь, чтобы оставить Василия у себя? Очень прошу, если можешь, устрой одновременно, чтобы мне оставили Ремеза, я без него пропал. Крепкий чмок.

Горячо любящий тебя брат
Сергей.

7.

1917 г. 3 мая.

Мой милый Николай.

События несутся с головокружительной быстротой, но безумцы живут скорее, чем благоразумный элемент. Боюсь, что Керенский, пользовавшийся месяц назад громадным авторитетом, теперь уже устарел, и развращенная армия вряд ли его послушает. Теперь что̀ солдат, что̀ мужик это все одно, и все они, обуреваемые алчностью, составляют 150 000 000 дикарей. Должно совершиться чудо, чтобы войска стали воевать, а остальные жить по законам человечества.

Очень интересно, чем кончится приезд всех главнокомандующих в Петроград. Как говорят, они уехали отсюда с каким-то твердым решением, оставшимся в тайне для всех. Это господа все очень решительные и за словом в карман не лезут. Возможен конфликт. В пятницу здесь собирается съезд офицерских делегатов от всех армий для образования союза офицеров армии и флота с исключительной целью поддержания мощи армии. Этот союз не нравится петроградским и московским офицерам, так как боятся потерять свое влияние на фронте. Здесь учредители надеются, что приедут настоящие офицеры, а то в столицах пока фигурируют прапорщики и разные тыловые мерзавцы и авантюристы. Нет ли у тебя подробностей, что̀ было в Айтодоре; неужели обыскивали М. Ф., Ксению и Сандро? Бедная старуха, что ей приходится переживать!

4/V. Сегодня никаких известий относительно правительства не имеем. О Малечке ведется следствие, и она радуется, что, наконец, все выяснится. Пока вызывали ее в банк, чтобы открыть ее ящик; она посылала поверенного, так как ящик пустой, и сообщила следователю точно, какие у нее деньги есть и откуда они к ней поступили. Очевидно, дело идет о взятках, которые брали другие под ее флагом. Вероятно, меня тоже скоро вызовут в связи с этим делом и делом Сухомлинова. Крепкий чмок.

Горячо любящий тебя брат
Сергей.

8.

1917 г. 10 мая.

Милый Николай.

Очень благодарен за твои интересные письма. Извиняюсь, что мои для тебя не выходят такими интересными. Сегодня я тоже посылаю письмо Георгию [1]) и в нем описываю все, что происходит на фронте. Теперь здесь съезд, и на съезде все это рассказывают. Скажи, что тебе написать именно, а то утомительно писать два раза то же самое. Я был совершенно уверен, что ты выставил твою кандидатуру в Учредительное собрание, и говорил об этом здесь уже давно. Не сомневался, что ты будешь голосовать за республиканский образ правления. Конечно, это идеал, к которому всякая страна должна стремиться. Но — и тут большое «но». Русский человек до того некультурен, до того дик, что он в настоящее время способен только на две жизни: или — под палкой твердой власти, в страхе наказаний, или же в полной анархии под девизом: бери и хватай все, что не твое. Вот теперь на железных дорогах вполне проявился инстинкт людей. Как они поняли свободу?

[1]) Георгий Михайлович, вел. кн., брат автора письма.

«Моему здраву не препятствуй». Поезд не идет — убит начальник станции; поезд идет для него слишком тихо — отцепить половину вагонов, везущих провиант. Через двери войти в вагон нельзя — либо сломать дверь, либо разбить стекло в окне. Затем в их понятии свобода означает, что разрешается делать все, что пожелаешь. Всякое понятие о приличии испарилось. Вот, насмотревшись и наслышавшись всего того, что творится, я сильно сомневаюсь, чтобы народ понял бы, что такое республика. Конечно, на Учредительном собрании будет постановлено учредить республику. Но если республиканское правительство начнет вводить порядок, оно рухнет через очень короткое время. Я совершенно не понимаю идею главарей с.-д. — иллюзия ли у них или неразвитость. Ведь они же люди с образованием, как же они не понимают, что творится? Одним словом, без насилия не усмиришь дикарей. Крепкий чмок.

Сердечно любящий тебя брат

Сергей.

9.

1917 г. 25/V.

Милый Николай.

Давно не было случая тебе писать. За это время произошло много крупных событий. Последнее событие самое потрясающее, это — уход Алексеева. Все этим глубоко опечалены, и выразителем этой печали был офицерский съезд. Как только получилось на съезде известие об уходе Алексеева, члены съезда хотели уже посылать протест Врем. правительству, но затем воздержались от этого антидисциплинарного шага и послали президиум выразить от имени всей армии скорбь. С бедным стариком поступили нехорошо. Он усиленно отказывался от принятия поста, и его правительство уговорило остаться, а теперь его прогнали. Как раз накануне он говорил с делегатами-солдатами от фронтов и был выслушан с громадным энтузиазмом. Он принял известие об отчислении спокойно и желает только одного, это — чтобы его отпустили в отставку. Брусилов не пользуется популярностью среди массы военных. Керенский, как тебе известно, великолепно всюду говорил, и всюду был громадный подъем, но везде после его отъезда собирались митинги, и решалось все-таки не наступать. Пропаганда Ленина и большевиков для общей массы солдат гораздо заманчивее, чем слова Керенского и вождей. Сами солдаты говорят: «Нам дана свобода, даны все права и обещают дома землю, зачем же, видя впереди такую чудную жизнь, я буду умирать и не воспользуюсь новой жизнью?» Назначение сподвижника Сухомлинова генерала Лукомского начальником штаба верховного еще более всех повергло в грусть. Все поняли, что Керенский его выбрал по совету Баранов-ского, который был в штабе дивизии Лукомского и благодаря ему сделал карьеру. Это назначение показало, что все осталось по-старому, выдвигаются люди только по родству и знакомству. Вероятно, весь штаб верховного переменится, потому что большинство не желает служить с Брусиловым и Лукомским.

26/V.

Вчера Брусилов приехал и начал с того, что на станции поздоровался с почетным караулом словами: «Здравствуйте, товарищи георгиевцы». С ординарцем и вестовым поздоровался за руку, причем они, держа винтовки «на караул», чуть их не уронили от удивления. Его сопровождают Яхонтов, кн. Гагарин и кн. Куракин. Последние сразу стали держать себя некорректно, критикуя громко все, что здесь в ставке. Затем Брусилов составил приказ о вступлении, который предварительно послал на благовоззрение Керенскому. Этим поступ-

ком он сразу показал, что он не властный верховный, каким только и может быть такой высокий военачальник, а связанный по рукам и ногам клеврет Совета с. и р. д. При таких условиях армия не воскреснет.

Ты меня обнадежил 10 дней назад твоим чувством, что мне скоро можно будет вернуться, а до сих пор ничего об этом не слышно. Прошло уже три месяца со дня переворота, и мне кажется, что мой приезд вряд ли кого-нибудь обеспокоит. Все равно, когда начнется суд Сухомлинова, меня ведь вызовут — за две, три недели приехать. Ведь, если я буду свидетелем, мне надо подготовиться, а все дела, по которым я должен подготовляться,— в Петрограде. Если же я приеду за день-за два, то могу кое-что напутать, так как прошло уже много лет...

Готовишь ли что-нибудь для печати? От Малечки и Вовы никаких известий две или три недели. Повидимому, мы понесли громадные убытки, не менее $^1/_2$ миллиона, а может быть, и более. Привет всем твоим. Крепкий чмок.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

Письмо везет Драке, который провожает Алексеева в Петроград.

10.

1917 г. 1 августа.

Мой милый Николай.

Неделя прошла совершенно спокойно. Все повеселели. Ты знаешь из газет, что самая сенсационная новость, несмотря на страшную тайну уже многим известная, это — отправление «полковника» [1]) со всей семьей в Сибирь. Сегодня ночью с экстренным поездом их увезли в Тюмень, а оттуда на пароходе в Тобольск. Они будут жить в губернаторском доме. Говорят, что это сделано для их сохранности. Считаю, что это очень опасный шаг правительства. Теперь проснутся все реакционные силы и сделают из него мученика. На этой почве может произойти много беспорядков. Правительство, повидимому, не учитывает последствий этого шага. Кроме того и сохранность их теперь более не обеспечена. Большевики легко могут завладеть чернью и солдатами Тобольска и тогда — конец. Насколько известно, едут туда Валя Долгорукий [1]) и Гендрикова [2]) и будто бы, вместо Помма, который не едет, Ильюша Татищев [3]).

Ирина [4]) была у Керенского с жалобой на обращение с ее бабушкой и матерью, и тот опять обещал все сделать. Но он много раз обещал, а на деле все остается по-старому и теперь стало еще хуже. М. Ф. и всю семью Сандро не выпускают за пределы Айтодора.

В клубе мои дела плохи, и я кончил играть в «15». Партия есть каждый день. Сердечный привет всем твоим. Чмок.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

[1]) Т. е. Николая Романова, б. царя.

11.

1917 г. 14 августа.

Мой милый Николай.

Пишу сегодня, так как завтра я вызван на суд Сухомлинова. В первый день я там уже был и просидел в свидетельской комнате одиннадцать часов. В зале суда был только 10 минут для принятия присяги. Сухомлинов очень состарился; она поблекла [5]).

[1]) Долгорукий, В. А., б. гофмаршал.

[2]) Гендрикова, А. В., б. фрейлина Александры Романовой.

[3]) Татищев, И. А., б. ген.-адъютант.

[4]) Ирина Александровна, жена кн. Ф. Ф. Сумарокова-Эльстон, дочь в. к. Александра Михайловича.

[5]) Находившийся фактически на свободе министр В. А. Сухомлинов был арестован после Февр. революции в апреле 1917 г., предан суду по обвинению в бездействии и превышении власти, в госуд. измене

Какой ужасный разгром в музее папы; буквально все перевернуто и все ценное уворовано. По общему убеждению следственных властей, разгром продолжался несколько дней, и вещи вывозили через парадный подъезд. Через окно только влезли. Дверь на подъезд (внутренняя) была отперта и печати сорваны. Если вещи выносили через окно, то подоконник и карниз были бы сильно исцарапаны сапогами, а между тем там следы только одного или двух человек. На стеклянных колпаках от разных групп есть отпечатки пальцев и по ним надеются обнаружить воров... К вечеру проверили все вещи, и, оказалось, похищено сто двадцать, исключительно серебро и золото. Пропали все образа, картина Корреджио и почти все группы и покрышки от альбомов, а также все блюда. Стоимость пропавшего более ста тысяч.

Здесь опять ожидали 12 и 13-го беспорядков, но ничего не произошло. Теперь обещают беспорядки в 20-х числах августа. Вероятно, и тогда ничего не будет, а будут беспорядки опять неожиданно. Общий интерес сосредоточен на Москве. На процессе Сухомлинова публики почти нет; он более никого не интересует...

Сердечный привет всем твоим. Крепко обнимаю.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

12.

1917 г. 23 августа.

Мой милый Николай.

Катастрофа с Ригой совершилась. В настоящее время Петрограду ничего не угрожает, и можно предполагать, что осенью немцы далее не пойдут. Но в мае будущего года, очевидно, они пойдут на Петроград. Хотя и теперь, если им не будут оказывать сопротивления, они могут добраться до Ревеля, и тогда песенка Петрограда спета. Сегодня в клубе распространился слух, что будто бы арестовали Мишу [1]), но проверить не удалось. Много слухов ходит о болезни М. Ф., но непосредственного подтверждения не имею.

Власть попрежнему безвластвует, и хотя на словах она заявляет, что она независима, но в действительности все остается попрежнему в руках Советов. Настроение гарнизона, говорят, приносит свои плоды. Процесс Сухомлинова продолжается; меня допрашивали только раз и более не вызывали. Ты, вероятно, читал речь Родзянко, в которой он меня ругал. Мне это безразлично, но, казалось бы, что в настоящий момент он мог бы и не нападать на великого князя. Объясняю я эту выходку жаждой популярности. Только что был у меня Бирюков и подтвердил, что Мишу вчера арестовали в Гатчино домашним арестом. Для этого пришел туда л.-гв. Стрелковый полк. Арест совершен по распоряжению Керенского. Можно предположить, что после ареста кое-каких контрреволюционных организаций открыт был заговор, без участия самого Миши, клонившийся к его воцарению. По-моему, арест это неосторожный шаг правительства. Могли арестовывать контрреволюционные организации, но его не надо было трогать. Бирюков сообщил, что ты 26-го выезжаешь. Очень рад твоему приезду.

Крепко обнимаю. Горячо любящий

тебя брат Сергей.

в служебных подлогах. Дело Сухомлинова слушалось в августе-сентябре 1917 г. в заседаниях сената с участием прис. заседателей. Сухомлинов был приговорен к пожизненной каторге, жена его, Е. А. Сухомлинова, привлеченная также в качестве обвиняемой, вердиктом прис. заседателей была оправдана.

[1]) Михаил Александрович, б. великий князь.

Иностранные дипломаты о революции 1905 г.

Печатаемые здесь документы, представляющие собой отрывки из дешифрованной царским правительством переписки между иностранными дипломатами в России и их правительствами, не дают исчерпывающего освещения отношения этих дипломатов к событиям 1905 г., но тем не менее они имеют несомненный исторический интерес. Являясь дополнением к помещенным ранее в «Красном архиве [1])» материалам на данную тему, настоящая публикация сообщает ряд новых подробностей, освещающих отношение дипломатических представителей капиталистических государств Европы и Америки к первой пролетарской революции. О каком бы то ни было сочувствии этой революции со стороны дипломатов, разумеется, говорить не приходится. Напротив, революция вызывает в них классовую ненависть и тревогу за судьбу иностранных капиталов, вложенных в предприятия на русской территории. На фоне отзывов, проникнутых ненавистью к борьбе русских рабочих и крестьян за свободу, выделяются своим относительно мирным тоном рассуждения кн. Беарн-Шалэ о сходстве между французской революцией 1789 г. и российской революцией 1905 г. и о том, что после «кризиса» «Россия призвана к значительному развитию и преобладанию в Европе, чем Франция, наверное, воспользуется в значительной мере». Но, например, американский посланник спешит одернуть корреспондента Томсона за его «слишком ярко окрашенные сообщения» о кровавой расправе царизма с рабочими 9 января. «Не забывайте, — говорит он, — что среди мирной толпы были люди, преследующие совсем другие цели, чем подача прошения... Пожалуйста, не увлекайтесь»...

На мостовых Москвы и Петербурга, Баку, Одессы, Варшавы, Лодзи и других крупных городов не высохла еще кровь рабочих, убитых во время демонстраций, баррикадных боев и «уличных беспорядков», а иностранные дипломаты уже подсчитывали материальный ущерб, понесенный их соотечественниками — капиталистами и составляли счета своих убытков для представления их царскому правительству. Они оценивали русскую революцию главным образом под углом зрения угрозы помещению иностранных капиталов в этой стране. Более того, революция являлась грозным очагом заразы, угрожавшим «незыблемым устоям» и других стран. Естественно поэтому, что дипломаты вздохнули несколько свободнее, когда революция была подавлена. Классовый инстинкт однако подсказывал этим представителям капиталистических держав, что победа, одержанная царским правительством над рабочими,— временная, что рабочий класс в России разбит, но не побежден. Они не могли не видеть, что в истории революционного движения русского пролетариата перевернута лишь первая, но отнюдь не последняя ее страница.

Документы воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Архиве революции и внешней политики.

Текст публикуемых документов подготовила к печати *Э. Тененбаум*.

1.

Выписка из письма американского посланника в С.-Петербурге, от 10 (23) января 1905 г., на имя корреспондента Томсона [1]).

[1]) См. «Красный архив», т. XVI, М. Г. Флеер, «Революция 1905—1906 гг. в донесениях иностранных дипломатов».

[1]) Заголовки здесь и далее — подлинника.

Любезный Томсон.

Я вполне понимаю вас и сочувствую тому, что вы высказали мне сегодня утром. но ввиду важных событий, происходящих на наших глазах, вы не должны слишком поддаваться впечатлению от виденных вами вчера сцен и посылать слишком ярко окрашенные сообщения. Не забывайте, что среди мирной толпы были люди, преследующие совсем другие цели, чем подача прошения. Войско было вызвано, чтобы действовать против этих людей, а вызов войска всегда уже сопровождается такими сценами, как вы видели. «Война — ад» и где бы ни выступал солдат — это уже война, а не мир, и впечатление будет всегда сильное на людей, нам подобных. Пожалуйста, не увлекайтесь...

2.

Выписка из письма австрийского посла в Петербурге барона Эренталя, от 16 февраля 1905 г., на имя графа Тун-Салм, в Монте-Карло.

Если разумно судить, то должны бы произойти еще большие и более ужасные дела, чем те, свидетелями коих мы были. Наверху нет головы, в правительстве нет людей, а внизу все в узах гипноза. Чисто по-русски сопротивление проявляется во всех кругах в решении: не работать и убивать время глупой болтовней.

В Манчжурии дела все идут косо. Гриппенберг, который оставил свою армию и всю свою душу доверил какому-то журналисту, оставляется два раза императором к завтраку, — следовательно, он остается в милости, и Куропаткин тоже. Вот и есть — наши дела.

Здесь и в кругах реформ желают продолжения войны, и именно несчастной войны, чтобы император был принужден сделать уступки.

3.

Выписка из письма американского посланника Мак-Кормика, из Петербурга, от 13 (25) марта 1905 г., на имя американского посланника в Риме Мейера.

Надеюсь, что покончу с прощальными аудиенциями не только у государя, императрицы и императрицы-матери и у прочих чинов императорской фамилии во-время, чтобы уехать в среду с норд-экспрессом и быть в Париже в пятницу.

Здесь спокойнее, чем можно было надеяться две-три недели тому назад, и, насколько можно судить, ничто не требует вашего немедленного приезда тотчас после моего отъезда отсюда. Мне кажется, что, если бы вы указали департаменту на желательность свидания со мной в Париже, то президент с этим согласился бы и ваша инструкция могла бы быть изменена. Разные источники сведений недоступны вновь прибывшему в Петербург, и тут приходится встречаться с такими затруднениями, что мне казалось нужным подать вам мысль, выраженную в моей вышеупомянутой телеграмме. Поздравляю вас с тем, что вы обеспечили себя домом графини Клейнмихель; жаль только, что гостеприимной хозяйки нет в Петербурге, любезности которой все иностранные представители здесь всегда много обязаны. Жаль, что вы не можете заехать в Лондон достать нужный здесь мундир; ужасно обращают внимание при здешнем дворе на то, что̀ нам кажется пустяками [1]).

4.

Перевод донесения великобританского посла в Петербурге Чарльза

[1]) Набранное разрядкой подчеркнуто в подлиннике; сбоку приписка. «Врет; сами американцы этим гордятся».

Гардинга, от 8 октября 1905 г. нов. ст., на имя великобританского министра иностранных дел лорда Лэнсдоуна.

В ответ на запрос, содержащийся в депеше вашей от 28 сентября за № 284, относительно того, решило ли русское правительство вознаградить своих подданных или подданных других держав за убытки, понесенные во время беспорядков в Баку, имею честь донести, что до сих пор министр финансов положительно отказывается от возмещения убытков русским или иностранным подданным, потерпевшим во время недавних бедствий. Все, что г. Коковцов предложил, это — ссуду на льготных условиях в 4 миллиона фунтов стерлингов на 12 лет из 4 или 5%. Русское правительство готово оказать эту помощь нефтяной промышленности, так как, благодаря остановке в производстве нефти, оно несет огромные потери, и торговля совершенно расстроена. Предложенная ссуда будет принята русскими компаниями, которые признают, что не имеют права требовать вознаграждения от своего правительства, но я слышал, что две очень значительные английские компании, а именно «Русская нефтяная компания топлива» и «Бакинская русская нефтяная компания» решили не воспользоваться этой ссудой, разве они убедятся, что другого удовлетворения добиться нельзя, и мне сообщено, что свои жалобы они посылают к вам для представления русскому правительству.

Я не сомневаюсь, что русское правительство ответит на эти жалобы так же, как оно уже ответило французскому и австрийскому посольствам и греческой миссии на их требование о вознаграждении за убытки, понесенные их подданными во время беспорядков в Ялте, Одессе и других местах, хотя на мой взгляд, обстоятельства, сопровождавшие беспорядки в Одессе и Баку, настолько различны, что ставят требование о вознаграждении на совершенно различную ногу. С полной справедливостью можно сказать, что в Одессе уничтожение товаров в доках и складах производилось бунтовщиками под защитой «Потемкина», русского броненосца, за действия которого вполне законно можно считать ответственным русское правительство. Факт, что экипаж открыто бунтовал в это время, является вопросом внутренним, до которого иностранным правительствам нет никакого дела, пока судно находится в русских территориальных водах. Уничтоженное имущество состояло большей частью из транзитных товаров, за которые не было уплачено русскому правительству каких-либо особых пошлин, кроме обыкновенных таможенных пошлин и расходов в доке.

Эти обстоятельства дают, на мой взгляд, достаточно оснований для требования вознаграждения за убытки, понесенные во время беспорядков в Одессе, но ответственность русского правительства в Баку еще гораздо больше, и требования потерпевших имеют еще большее основание.

Согласно сведениям, полученным мною из безусловно надежного источника, факт, что предстоит резня, был известен в Баку за несколько дней до начала беспорядков. За два дня до резни депутация от русских и иностранных нефтяных компаний являлась к генералу Фадееву, губернатору города, и указала ему на грозящую опасность, прося увеличить число войск в городе, так как в это время там было всего 1800 человек. Губернатор объявил, что нет причины беспокоиться, и отнесся несерьезно к предупреждениям депутации. Через два дня из 1800 человек 1000 человек были отправлены губернатором в Шушу, где произошли беспорядки; таким образом, в городе осталось всего 800 че-

ловек, и в полдень того же дня началась резня, продолжавшаяся несколько дней. Губернатор сам отвечал тем, кто просил защиты, что он имеет возможность защищать только иностранные консульства. Из этих фактов очевидно, что губернатор совсем не понимал своей ответственности, и благодаря тому, что он отправил более половины своих войск, он является вполне виновным и в беспорядках и в убытках, которые они вызвали. Между тем нефтяные компании имели вполне законное право на защиту ввиду огромных доходов, получаемых с них русским правительством. Мне сообщают, что с 1900 г. русское правительство получило с «Бакинской русской нефтяной компании» не менее 160 000 фунтов стерлингов пошлин и государственной арендной платы, тогда как за то же время акционеры не получили дивиденда, а однако защиту не дали и даже не предлагали. Что касается надежды, выраженной нефтяной компанией Шибаева в письме к вам от 16 сентября, на то, что правительство его величества поддержит ее требование о вознаграждении, позволяю себе выразить свое мнение, что благодаря русской национальности этой компании для посольства его величества является невозможным официально поддерживать это требование, направленное против русского правительства.

Французский посланник сказал мне, что получил инструкции действовать одинаково со мной во всем, что я буду предпринимать по указаниям вашим для поддержки британских требований о вознаграждении за убытки, понесенные в Баку. Французские претензии очень малы, они доходят только до 20 000 фунтов стерлингов.

5.

Выписка из перевода донесения румынского поверенного в делах в Петербурге, от 31 октября (13 ноября) 1905 г., № 727, на имя министра иностранных дел генерала Лаговари.

Либералы сознают, что все сделанные уступки были вырваны у царя общей стачкой, что настоящий победитель 17 октября это социальная рабочая партия [1]), поэтому они не решаются ни порвать окончательно со вчерашним союзником, ни вполне довериться новому, еще незнакомому, союзнику и предпочитают себе сказать, что их миссия должна быть исполнена в другую минуту. Ввиду этого затруднения собрать вокруг себя людей, готовых ему помочь, новый председатель Совета решился составить министерство из чиновников, могущих проникнуться современными идеями, о чем я уже сообщил вам шифрованной депешей за № 717.

С помощью этих более или менее опытных бюрократов граф Витте попробует восстановить порядок и провести выборы, несмотря на нападки со всех сторон, от которых у другого человека уже давно опустились бы руки. В обращении к благоразумной части населения, напечатанном сегодня в «Правительственном вестнике», новое правительство просит притти к нему на помощь в деле проведения реформ, что будет возможным только, когда в стране наступит успокоение. Каждый день происходит что-нибудь новое: после железнодорожной стачки общая стачка, еврейский погром, безобразный Кронштадтский бунт и, что еще ждет нас завтра, неизвестно. Реакционеры, борющиеся за свои места, будут продолжать доказывать государю всю бесполезность и опасность реформ, социал-революционеры будут продолжать свою агитацию, и среди всего этого Витте один едва ли одер-

[1]) Так в подлиннике.

жит победу, на которую он рассчитывал. Задача его гораздо труднее, чем это можно было предполагать...

6.

Выписка из копии секретной телеграммы из Петербурга, от 1 (14) ноября 1905 г., на имя Станчова в Софию.

Сообщения прессы, не исключая и здешней, принимайте с осторожностью. Кронштадтский бунт потушен. В провинции теперь тоже спокойно, но спокойствие это зловеще, как перед бурей. Общее положение, хотя и спокойно, но неясно. Витте не имеет возможности действовать решительно, потому что у него нет поддержки. Опасаются, что консерваторы возьмут верх и что последует военная диктатура, которая на время прекратит все, но в результате вызовет еще более шаткое положение.

7.

Выписка из письма британского консула в Ростове на Дону, от 6 (19) декабря 1905 г., на имя великобританского поверенного в делах в С.-Петербурге Спринг Райса.

В Тифлисе, как говорят, всюду валяются убитые, и продолжают драться. Я донес министерству иностранных дел об аграрном движении против немецких колонистов, в Азовской области — в Мариуполе, как слышно, снова начались беспорядки. В Юзовке сожгли склад товаров и было много митингов, но особенно серьезного ничего не было; я обещал туда выехать, как только меня вызовут, и в таком случае, может быть, не успею написать вам в министерство. Живем в постоянном страхе; одна надежда на казаков, которые так непопулярны во всех классах населения. Сегодня отправился нарочно в церковь и нашел там полный беспорядок; отгороженные места все были заняты, обычный войсковой парад внезапно отменен; очевидно, войска считают ненадежными. Торговля, естественно, совершенно замерла.

8.

Перевод донесения португальского посланника в Петербурге, от 10 (23) декабря 1905 г., на имя министра иностранных дел в Лиссабон.

Здесь анархия продолжает итти своим путем. Я даже думаю, что это продлится долгое время. Мне кажется, что это будет «тридцатилетняя революция». Один год уже прошел. Осталось еще только двадцать девять...

В Прибалтийских губерниях дела приняли такой крутой поворот, что уже чувствовалась возможность вмешательства. Здесь по-временам нами овладевает страшный пессимизм и кажется, что концом всего будет всеобщий грабеж. В такие дни поневоле думаешь о замене своего политическо-дипломатического поста более безопасным местом. Несмотря на это все же я уверен, что Петербург есть самое безопасное место из всей России. Разумеется, что речь идет лишь об относительной безопасности.

9.

Выписка из письма секретаря британского посольства в Петербурге Нормана, от 28 декабря 1905 г. (10 января 1906 г.).

Вы совершенно справедливо предполагаете, что все, что вы читаете в газетах о России, неверно. По-моему, все происшедшее до сих пор есть только начало, между тем многие и, насколько я могу судить, само правительство думают, что революция окончилась, потому что не удалось последнее восстание в Москве. По-моему, это

чрезвычайно близорукий взгляд; вполне очевидно, что хотя революционеры, конечно, разочарованы постигшим их в Москве неуспехом, но не теряют мужества и после короткого отдыха начнут снова усиленно пропагандировать свои теории, вызывая беспорядки во всей стране с целью низвергнуть правительство в политическом смысле и разорить его в финансовом отношении.

10.

Выписка из письма секретаря британского посольства в Петербурге Нормана, в Лондон. [Без даты.]

Все происходившие ужасы — дело не революционеров, а «патриотов», которые убивали и грабили с поощрением и деятельной поддержкой властей; это было последнее усилие бюрократии. Здешние власти никогда не посмеют этого сделать или допустить на глазах у всей Европы, но, конечно, верного вперед ничего сказать нельзя. Что подумал Сельвин о моем взгляде на финляндские дела, когда тотчас после моего письма произошла революция? Но надо признать факт, что Финляндия устроила свою революцию очень умно и без малейшего кровопролития; теперь они добились манифеста и получили все свои бывшие привилегии; если русское правительство сдержит свои обещания (я думаю, оно так и сделает), то Финляндия снова очень скоро станет довольной и спокойной страной, вполне благонадежной для помещения иностранных капиталов.

11.

Выписка из письма состоящего при французском посольстве в Петербурге князя Беарн-Шалэ в Париж. [Без даты.]

Россия переживает в настоящее время страшный кризис; очень трудно предсказать, какие потрясения ей придется еще вынести; раны ее глубокие и всеобщие, раны социальные, раны нравственные, политические, экономические. Вот каково современное положение этой огромной империи. Во многих отношениях положение России можно сравнить с положением Франции в 1789 г.; подобно тому, как во Франции тогда, теперь здесь требуют социальных реформ (прекращение привилегий, равенство всех в деле народного просвещения, в деле администрации и получения должностей); нравственных реформ (уничтожение взяточничества и пр.); политических реформ (учреждение парламентского строя, избирательные права и пр.); экономических реформ (новый передел земли, упорядочение отношений между помещиками и крестьянами и пр.) и, наконец, религиозных реформ (свобода вероисповеданий). Эта огромная программа, конечно, не может быть выполнена в несколько дней, но в то же время нужно опасаться, чтобы правительство, медля с ее проведением, не столкнулось с Думой и чтобы борьба двух властей не разоряла в течение долгого времени России, как она в свое время перевернула всю Францию.

Мы оба тем не менее очень рады, что находимся ныне здесь, и следим за происходящим с увлечением. Мне кажется, что после кризиса, более или менее продолжительного, более или менее бурного, эта страна призвана к значительному развитию и к преобладанию в Европе, чем Франция наверное воспользуется в значительной мере.

12.

Выписка из перевода донесения португальского посланника в Петербурге на имя министра иностранных дел в Лиссабон. [Без даты.]

Не следует, однако, думать, что настоящий разгром революционеров равносилен их уничтожению, потому что это не в характере русского быть настойчивым в деле, но зато он по характеру крайне настойчив в идее. Я даже полагаю, что настоящая революция, которая без нескольких дней продолжается целый год, превратилась здесь уже в местное болезненное явление и что Россия проживет с ней долго, нося ее в своем теле, причем это нисколько не будет ей мешать продолжать играть роль в мировой политике. Во всяком случае, настоящее положение было очень важно для политических революционеров, которые теперь намереваются заполнить пассивным сопротивлением время, нужное им для возрождения своих действующих отрядов.

Хотя победа и не принадлежит им, все же было бы необдуманно сказать, что она выпала на долю настоящего правительства. Достаточно припомнить, что репрессия опирается: на военную силу, на отмену данных свобод в большей части России, на указ от 2 (15) декабря относительно наказаний за забастовки, на новый закон о печати, на указ от 29 ноября (12 декабря), разрешающий властям введение военных законов, на указ от 14 (27) декабря, разрешающий начальникам железнодорожных линий объявлять их на положении усиленной охраны, на поощряемых доносах, на обысках квартир и нарушении тайны корреспонденции и на массовых арестах, — чтобы признать, что правительство графа Витте, воодушевленного лучшими намерениями, продолжает восстанавливать порядок по-полицейски, но этим самым оно должно постепенно отказываться от своей популярности и прибегать как раз к таким действиям, которых оно желало избегнуть. Кто теперь кричит о победе, так это сторонники старого режима. После отступления с пути, длившегося год, Россия опять вернулась на деле к абсолютному самодержавию, которое они защищают.

13.

Выписка из письма на бланке британского посольства в Петербурге. [Без даты.]

В настоящее время здесь мало нового. С политической точки зрения зима была скучная, возбуждение прошлого года ничем не поддерживалось. Пока не начнутся выборы в Думу и сама работа Думы, едва ли будет слышно о новых беспорядках. Россия вернулась к временам Плеве, тюрьмы во всей стране переполнены. Конечно, газетные известия о пытках — преувеличения, которые сочиняются, чтобы угодить современному вкусу ко всему сенсационному, но действительно полиция проявляет адскую деятельность, и быть русским — весьма незавидная судьба.

О конференции в России очень беспокоятся, так как с ней связан вопрос, получатся или нет деньги. Начинают догадываться, какие свиньи их «друзья и соседи».

14.

Выписка из перевода на бланке британского посольства в Петербурге, от 10 октября 1905 г. пов. ст., с подписью Н., на имя Спендера, в Италию.

Нет, я не думаю, чтобы Дума удовлетворила кого бы то ни было: либералы возмущены и разочарованы — удивляюсь последнему, — на что же они надеялись? Они смотрят на нее только как на орудие, посредством которого будут добиваться дальнейших уступок; я не верю, чтобы Думе пришлось долго просуществовать в своем теперешнем виде. Предвидеть будущее невозможно; оно кажется более загадочным, чем когда бы то ни было,

а еще труднее говорить об этом в письме, которое должно быть доверено почте. За исключением Кавказа, все было довольно тихо до последних дней, но теперь произошли кровавые столкновения в Москве, о которых мы здесь очень мало знаем; это, наверно, отразится в других городах, а также и здесь, и опять во всей стране воцарится анархия, как это было до заключения мира. Мир бесспорно немного все успокоил, по крайней мере, хоть временно.

15.

Выписка из 1 перевода письма из Чехии, от 4 февраля 1906 г. нов. ст. на имя австрийского посла в Петербурге барона Эренталя.

Думу я представляю себе своего рода апрельской шуткой, которую себе позволят сделать высшие круги, если они к тому времени останутся еще у власти. Эта бедная Дума не будет абсолютно знать, что она должна делать, и если бы она когда-либо и вздумала высказать какое-нибудь желание, то ей уже как-нибудь внушат, что она этого делать не смеет. Хотя я Россию и считаю вполне поваленной наземь, все же я не могу, при своем инстинктивном недоверии, с каким я отношусь к каждому славянину, избавиться от подозрения, что за Сербией и Болгарией стоит Россия, иначе я не мог бы себе объяснить дерзость этих двух больших поместий по отношению к нам.

Из истории рабочего движения в Караганде.

Печатаемые ниже документы относятся к до сих пор ненаписанной странице истории рабочего движения в Караганде, ставшей теперь предметом забот и внимания трудящихся всего Союза.

Эти документы рисуют один из моментов революции 1905 года на далекой окраине Российской империи, а именно «всеобщую русско-киргизскую забастовку» в декабре 1905 г. на Успенском руднике в Караганде.

Как видно из документов, против забастовавших рабочих единым фронтом выступили представитель иностранного капитала, хищнически эксплоатировавшего природные богатства Казакстана (Успенский рудник принадлежал французу Карно), горная администрация и местная власть от верха и донизу. В условиях 1905 г. они рассматривали Успенскую забастовку как тревожный сигнал, боясь заразительности примера Успенских рабочих. Поэтому-то и администрация и управление рудника решили пойти на уступки рабочим, как это видно из приведенных материалов.

О почве, на которой возникла забастовка, дает ясное представление публикуемая здесь петиция рабочих и служащих. В ней подробно характеризуются правовые и материально-бытовые условия, заставившие рабочую массу активно выступить против капиталистической эксплоатации.

Особенно следует подчеркнуть в этой петиции то, что, несмотря на все старания царского правительства раздувать национальную вражду между трудящимиея, рабочие Успенского рудника в 1905 году одинаково отстаивали в своих требованиях к администрации интересы как русских, так и казакских рабочих.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Центрархиве Казакстана (фонд окружного инженера Степного северного горного округа).

Н. Болотников.

1.

Донесение управляющего Спасским заводом Павловича окружному инженеру Степного се-

верного горного округа 16 декабря 1905 г.

Имею честь сообщить вашему высокородию, что на Успенском руднике имела место забастовка служащих и рабочих, при следующих обстоятельствах.

7 декабря в 6 часов вечера г. Фелль получил с Успенского рудника, без всякого сообщения, петицию от имени служащих и рабочих рудника, которая была подписана смотрителем Топорниным, штейгерами Невзоровым и Засыпкиным и всеми остальными служащими и рабочими, кроме конторщика Ивченко и фельдшера Костенко. Копия этой петиции при сем прилагается. По получении петиции г. Фелль послал письмо управителю Нельдинской волости Джаксеню Мустафину, в котором просил его прибыть на рудник утром 9 декабря, когда он сам рассчитывал быть там.

Ввиду беспорядков на Успенском руднике, могущих отразиться и на других промыслах, г. Фелль 8 декабря собрал всех рабочих Спасского завода, объявил им о происшедшем на руднике, объяснил, что по встречаемым ими недоразумениям они должны обращаться во всех случаях к администрации завода, в которой встретят искреннее участие и отношение. Рабочие единодушно заявили, что они довольны всем, не имеют никаких претензий и намерены продолжать работу попрежнему спокойно.

На следующий день, 9 декабря, г. Фелль выехал на рудник. Я был в отлучке в Акмолинске. Он пригласил с собою в подмогу для переводов и объяснений заводского врача г. Братцева. Как только что они приехали на рудник и остановились в помещении, квартира была оцеплена по распоряжению Топорнина сторожами, и они без разрешения его лишены были возможности на всякое сообщение. Вскоре затем к ним пришли Топорнин, Невзоров и рабочий Мартелаго [1]). Топорнин, не давая г. Фелль никаких разъяснений по поводу происшедшего, стал обращаться с ним в крайне оскорбительной форме, повышая голос и оскорбляя неуместными выражениями, причем дерзко требовал от него ответа на поданную петицию.

В ответ на его обращение г. Фелль вынужден был сказать Топорнину, что он самым фактом подписи присланной петиции уже устраняет себя от службы при руднике, а потому от продолжения службы он его увольняет. На это посыпались новые оскорбления с угрозами, после чего все трое вышли. Но вскоре вернулись Невзоров и Мартелаго и объявили им, что сейчас начинается забастовка. Немедленно же забастовщики прекратили действие насоса, машины и парового котла и заявили, что г. Фелль должен поставить сторожей, так как они более ни за что не отвечают.

10 декабря утром главари забастовщиков остановили г. Фелль и его спутникам отпуск провизии, овса лошадям, запретили киргизам отпускать уголь и воду, взяли из дома кухарку и подняли красный флаг над конторою рудника.

В тот же день после обеда г. Фелль с врачом г. Братцевым [делали] попытки говорить со всеми забастовавшими рабочими по поводу их действий, но Топорнин всеми мерами старался не допускать никаких сношений рабочих с ними. Затем была попытка говорить с выборными депутатами от рабочих, которым г. Фелль заявил, что он готов обсуждать вопрос о требованиях рабочих, если они откажутся от сделанного ими требования в 6-м пункте петиции, причем заявил, что несогласен вести переговоры, если в этом будет участвовать Топорнин, так как он считается уволенным от службы. На сделанное предложение выбор-

[1]) В других документах: «Мартылога».

ные от рабочих не согласились, и потому г. Фелль объявил им, что он вынужден их рассчитать, и предложил выехать с рудника, на что они также не согласились.

После этого ночью заметно было среди рабочих подозрительное возбуждение и волнение. Топорнин, очевидно, в целях поощрения рабочих к продолжению забастовки, выдал большинству их новые расчетные книжки с обозначением более выгодных для них условий, причем время выдачи книжек пометил 1 октября с. г. В книжках сделаны собственноручно им кредиты в больших суммах на получение товаров, припасов и проч.

11 декабря утром те же вожаки забастовки самовольно открыли магазин при руднике и стали выдавать своим приближенным товары и проч. по вновь выданным расчетным книжкам. Тут же слышались угрожающие возгласы с их стороны, что, когда они кончат здесь, то поедут на Спасский завод и Караганды и там сделают общую забастовку. Киргизы-рабочие, окружившие магазин, отказались получать от забастовщиков что-либо [1]).

В общем положение было серьезное. Около 11 часов дня на рудник прибыли Нельдинские киргизы и заявили, что они принимают на себя охрану шахт и всего имущества на руднике и что готовы продолжать работы. Вслед за ними явились киргизы Каркаралинского уезда Кызылтавской и др. волостей, которые также приняли участие в охране имущества рудника и дома, где помещался г. Фелль и др.

После чего вскоре явилось несколько человек русских рабочих и заявили, что они согласны работать. Вслед за этим явились вожаки забастовки и объявили, что забастовка кончена, просили защитить их от произвола рабочих и расчитать [1]). Из 32 человек, подписавшихся на петиции, 24 хотели остаться для продолжения работы, но г. Фелль согласился принять только 16 человек.

Вернувшись с рудника на Спасский завод, г. Фелль снова собрал рабочих и объявил им о происшедшем на руднике. Рабочие положительно заявили, что они не одобряют поведения забастовщиков и будут спокойно работать. Все дело забастовки было организовано лично смотрителем рудника Топорниным. Он же молодой человек, умный, читавший более, чем может попытать [2]).

Он создал доктрину: «свобода», по его убеждению, дает право на свободу от всех законов и юридических обязательств и что капитал представляет опасность, против которой все должны восстать на борьбу.

Я оставлю в стороне вопрос о степени ответственности Топорнина в деле организации забастовки на руднике, но думаю, что выдача и составление расчетных книжек, о которых я указал выше, составляют подлог, т. е. преступление уголовно-наказуемое, а потому управление завода имеет ввиду возбудить против него уголовное преследование.

---

[1]) Данные дознания, произведенного полицейским урядником 3-го участка Акмолинского уезда Кузнецовым, говорят совсем другое об этом факте (см. документ № 3). Администрация в первую очередь старалась внести разложение в ряды бастующих, выдав киргизам рабочим по 5 руб. каждому; на помощь администрации пришли Нельдинский волостной управитель, его кандидат, народные судьи и старшины. Киргизская администрация была подкуплена администрацией завода.

[1]) Совершенно неправильно. Из других документов видно, что Фелль согласился выдать забастовщикам за месяц вперед жалованье и сложить долги, лишь бы только уволенные рабочие и служащие дали слово не заезжать на Спасский завод.

[2]) Так в подлиннике.

Ввиду вышеизложенного желательно, если будет возможно, чтобы вы о поведении г. Топорнина непосредственно от себя довели до сведения правления Общества уральских горных техников, членом которого он состоит.

Управляющий Спасского завода
А. Павлович.

2.

Копия.

Петиция [1]).

Мы, служащие и рабочие Успенского медного рудника горнопромышленника К. Э. Карно, французского гражданина, сплотившись между собою для борьбы с капитализмом, на общем собрании 6 декабря 1905 г. пришли к тому заключению, что исполнять свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можем лишь в том случае, если эти условия будут улучшены, ввиду чего мы постановили требовать:

1) Немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые нам в плату, так как существующие в настоящее время цены считаем высокими и незаконными. Разъяснение бывш. присутствия по горнозаводским делам при горном департаменте (п. 2) говорит: «По смыслу закона (ст. 141-я уст. пром.) учреждение промысловых и заводских лавок отнюдь не должно иметь характера коммерческого, почему и оборот таких лавок должен быть рассчитан не на прибыль, а лишь на безубыточность операции» и т. д. (журнал № 3, ст. 6).

Что же мы видим здесь? Здесь происходит явное нарушение этого закона, так как магазин приносит ежемесячно чистого дохода 250 руб. в среднем, и, значит, он представляет коммерческое предприятие. Повышение же цен на продукты первой необходимости, как, например, на муку, происходит и оттого, что мука до привоза на рудник проходит через несколько рук: комиссионера, магазина Спасского завода, а потому и достигает такой чрезмерной цены, как один рубль за пуд, тогда как в г. Акмолинске стоимость ее 40 коп.

2) Повышения заработной платы месячным, поденным и подрядным: получающим до 50 руб. в месяц — 25%, а свыше 50 руб. — 15%.

3) Снабжения непромокаемою одеждою и обувью рабочих, работающих в мокрых забоях, от конторы рудника бесплатно согласно существующих законов.

4) Устройства в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с 3 отделениями. При отдаленности нашего рудника от просвещенных мест, мы не имеем возможности дать своим детям не только порядочного образования, а даже и того, чтобы они умели читать и писать.

5) Немедленного улучшения помещений-казарм для киргиз-рабочих. Казармы без рам, с завешенными вместо стекол мешками, кошмами, вряд ли могут удовлетворять всем требованиям гигиены, а между тем администрация правления горнопромышленника французского гражданина К. Э. Карно относится, повидимому, к такому положению вещей слишком безучастно, так как только этим можно объяснить непосылание на рудник необходимого стекла, хотя требования на это стекло посылались слишком часто.

6) Уволить служащих Успенского медного рудника фельдшера Е. З. Костенко, конторщика М. А. Ивченко, как несогласных с нашими требованиями.

Подавая настоящую петицию правлению горнопромышленника французского гражданина К. Э. Карно, даем сроку для удовлетворения наших требований пять дней, считая с 7 декабря с. г.

[1]) Заголовок подлинника.

В случае неудовлетворения наших требований или промедления с ответом объявляем с 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку.

На том же собрании постановлено: отправить копию настоящей петиции для напечатания в столичных газетах.

Под настоящей петицией подписуемся. (Следуют 33 подписи рабочих и служащих, как за себя, так и за неграмотных).

С подлинным верно: управляющий Спасским заводом А. Павлович[1]).

3.

Из донесения полицейского урядника Кузнецова Акмолинскому уездному начальнику.

Главарем бастовавших киргиз рабочих был заводской староста Алимжан Байчигиров. Он уклонился от правдивых разъяснений относительно забастовки. Одинаково и от рабочих киргиз нельзя добиться ничего ясного и правдивого.

Полицейский урядник 3-го участка Акмолинского уезда Кузнецов.

Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30—50 гг. XIX в.

В настоящее время церковь в колониях, как известно, выступает в роли агента и проводника интересов финансового капитала, являясь одним из орудий в борьбе с национально-освободительным движением колониальных рабочих и крестьян. Задача служить орудием капиталистических интересов в колониальных и полуколониальных странах поставлена была впервые перед церковью в эпоху господства торгового капитала.

Если проследить деятельность русских православных миссионеров в Китае 30—40-х годов прошлого столетия, то нетрудно будет убедиться в том, что эти миссионеры, посылавшиеся в Китай с 1728 г. целой организацией, насчитывавшей в своем составе 10 монахов и известной под названием Пекинской духовной миссии, по сути дела представляли из себя коммерческую агентуру русского торгового капитала.

Появившаяся в февральской книжке 1930 г. журнала «Атеист» статья т. Барановского «Пекинская духовная миссия» затрагивает, главным образом, политическую роль миссии в Китае, рисует ее, как проводника политических директив правительства Николая I и Александра II, и автор ограничивается лишь упоминанием о том, что на миссии лежали обязанности собирать информацию торгово-экономического характера. На этой стороне деятельности миссии я и хотел бы остановиться, используя документы, отложившиеся в Петербургском главном архиве м. ин. дел и хранящиеся в Архиве революции и внешней политики.

Чтобы помочь русскому торговому капиталу укрепиться на китайском рынке, царское правительство обязывает миссионеров доставлять сведения о политическом положении Китая, об его экономике, — в частности, о положении сельского хозяйства и ремесл, — о потребительских вкусах китайцев, о торговых путях внутреннего Китая, о конкуренции европейского капитала и проч. Все это прикрывалось официальной обязанностью монахов распространять христианство. Облегчить всю эту поповскую работу ради барышей русских купцов можно было при помощи знакомства и связей с влиятельными китайскими чиновниками, близкими к правительству, почему такие знакомства поощрялись из Петербурга, посылавшего крупные суммы миссионерам для подкупа и взяток.

[1]) Петиция была переведена также на киргизский язык; под переводом имеются три подписи.

Информация, которую давали относительно экономики Китая русские миссионеры в Пекине, несколько приоткрывает завесу русско-китайских торговых отношений в 30-х и 40-х годах прошлого столетия, чрезвычайно скудно освещенных в русской экономической литературе, а главным образом, 1) позволяет судить о том, насколько ценна была эта информация для торгового капитала, и 2) свидетельствует о неплохом уменьи монахов разбираться в экономике русско-китайских отношений.

Поручения Пекинской миссии приобретали тем большее значение для русской торговли с Китаем, что условия последней были весьма своеобразны. В первую половину XIX столетия доступ в Китай русским купеческим караванам был затруднен, торговля была пограничной и носила меновой характер: ежегодно на 1—2 месяца съезжались в русском таможенном пункте Кяхте китайские и русские купцы, причем особо избранной купеческой комиссией составлялись правила, по которым устанавливались на каждый товар цены и обязательный обмен его на чай с запрещением покупать или продавать что-либо на деньги.

Как выполняли свои обязанности члены Пекинской миссии? Вполне естественно, что деятельность их связывалась с основным вопросом русской торговли с Китаем через Кяхту, с импортом чая. Из переписки министерства ин. дел с министром финансов Николая I Канкриным [1]) видно, что Пекинская миссия в 40-х годах дает сведения о пути, по которому следует чай в Кяхту. Путь этот идет из южно-китайской провинции Фуцзянь (близ острова Формозы), по внутренним ее рекам до Шанхая, оттуда морем до Тянь-цзиня, здесь происходила перегрузка чая на мелкие суда, идущие вверх по р. Байхэ до г. Тянь-Чжо, откуда чай идет караванным путем через г. Калган в Кяхту.

В начале 50-х годов этот морской путь, по донесениям архим. Палладия, заменяется целиком сухопутным: китайские купцы предпочитают доставлять чай в г. Калган и затем Кяхту караванным путем, так как китайские власти, — повидимому, не без влияния Англии, — стесняют торговлю по прежнему пути непомерно высокими таможенными пошлинами, а сухопутный путь позволяет обходить внутренние таможенные заставы.

Так как китайцы тщательно старались оберегать перед европейцами свои коммерческие тайны, то такие сведения, как информация о путях чайных караванов, облегчали кяхтинскому купечеству выяснение себестоимости доставляемого в Кяхту чая, а, следовательно, борьбу за более выгодный обмен русских изделий. С другой стороны, кяхтинское купечество не теряло надежды добиться у Китая разрешения на самостоятельную торговлю русским караванам внутри страны, и сведения о путях были весьма кстати.

В других случаях миссия считает своей обязанностью предупредить о неблагоприятных перспективах кяхтинской торговли, отмечая влияние крестьянских движений юга Китая на сокращение (застой) чайной торговли (разграбления чайных фирм на юге Китая, нападения восставших на чайные караваны). Такое предупреждение русское купечество получило от Пекинской духовной миссии в начале 1853 г., года значительного сокращения кяхтинской чайной торговли [1]).

Вот, например, донесение архимандрита Палладия (писанное симпатическими чернилами).

---

[1]) Отношение мин. ин. дел от 5 января 1848 г. № 24.

[1]) Сбыт изделий сократился с 6 400 000 до 2 000 000 р. (Носков, Кяхтинская торговля за последние 8 лет, СПБ, 1870г.).

«Пекин, 25/II 1853 г.

По слухам из Калгана, неблагоприятное влияние современных беспокойств в Китае на торговые обороты делается все более и более ощутительным. Китайские купцы, торгующие на Кяхте, понесли убыток на 2 000 000 лан (4 310 000 руб. сер.) по случаю разорения инсургентами торговой слободы Ханькоу и ограбления тамошних торговых домов, на которые купцы имели векселя. Из 200 000 ящиков чая, заказанных для Кяхты, доселе прибыла в Калган половина; о следовании же остальных партий чая ничего положительного неизвестно. Полагают даже, что, по случаю беспокойств на юге Китая, редкие из купцов в нынешнем году решатся сделать заказы чая в Фу-Цзянь, и потому к будущей [?] едва ли можно ожидать привоза новых чаев. Наведенный мятежниками страх на все пространство, прилегающее к низовью великого Цзяна, делает то, что транспорты уже перестали ходить через Хочуанскую провинцию...

Мало вероятно, чтобы шансийские купцы решили в столь смутное время рисковать своими капиталами...».

Особенное внимание Пекинская миссия в 30-х и 40-х годах уделяет вопросам сбыта в Китае изделий русской промышленности, пролагая ей через кяхтинских купцов новые пути на восток.

Вот что пишет в своем донесении ст. иеромонах Пекинской духовной миссии Вениамин Морачевич 3/VII 1836 г. (№ 13): «Судя по дорогим ценам зеркал, сюда из Кантона доставляемых, весьма было бы также выгодно отпускать в Китай и от нас оные... Полуаршинные... весьма идут к здешним туалетам... Пропорция в них вышины и ширины предпочитается квадратная»... Что сбыт русских мелких зеркал оказался осуществимым, об этом свидетельствуют следующие данные мин. ин. дел за период 1843—48 гг.: в 1843 г. через Кяхту в Китай было продано зеркал на 9 555 руб., а в 1847 г.— на 32 640 руб., т. е. сбыт увеличился, примерно, в 3 раза.

Из донесения начальника Пекинской миссии архим. Поликарпа от 2/VII 1843 г. видно, что миссию занимает вопрос о возможности сбыта в Китай бумажных изделий русской промышленности, ситцев и миткаля.

«Они [образцы ситцев, присланные министерством ин. дел в миссию], — пишет архим. Поликарп, — вполне удовлетворительны достоинством и шириной ткани и в последнем отношении представляют даже значительное преимущество перед английскими. Цвета же и рисунки ниже требований китайцев». Вместе с тем Поликарп сообщает, что европейцы в Китае, — в частности, англичане, — продают китайцам ситцы, отличающиеся непрочностью, но зато дешевизной, а главное — изяществом рисунка, выдержанном в китайском вкусе. Вот почему, по мнению Поликарпа, «потребность Китая в русском ситце всегда будет составлять предмет второстепенный... Главное место в торговле с ним бумажными изделиями должны занимать миткали крашеные и некрашеные, потому что употребление их китайцами, несомненно, обширное».

Эти замечания Поликарпа вполне оправдываются статистикой сбыта бумажных изделий в Китай, какой располагало министерство ин. дел. Достаточно указать на то, что десять лет спустя, в 1852 г., ситцы составляли ничтожный % в общем сбыте наших бумажных изделий в Китай, всего 0,002% (13 845 р.); 70% этого сбыта составлял вельвет, род полубархата, и никакие попытки правительства усилить экспорт ситца в Китай путем назначения (в 1845 г.) вывозной премии (по 6 рублей с пуда) не в состоянии были преодолеть английской конкуренции.

Иная картина с миткалем. Вот цифровые данные о росте сбыта русского

миткаля в Китай в 40-х годах: в 1843 г. продано на 1 475 руб., в 1844 г. — на 2 217 р., в 1845 г. — на 5 091 р., в 1846 г. — на 14 560 р., в 1847 г. — на 46 567 р.

Наряду с выяснением возможности сбыта русских товаров на китайском рынке, святые отцы следили за движением местных цен, и, напр., кризисы сбыта, падение цен, были предметом их особенного внимания. Здесь характерно, что методы, которые рекомендует духовная миссия для борьбы с кризисом сбыта, свидетельствуют о том, что миссионеры смотрели на Китай, как на колонию для отечественного торгового капитала. В упомянутом выше донесении от 3/VII 1836 г. иеромонах Морачевич сообщает: «Неизвестно, от случившихся ли втечение 5-ти последних лет частых и сильных в Китае и даже в России неурожаев или от совместничества [т. е. конкуренции] европейской торговли с нашей, но цены здесь на мануфактурные иностранные произведения упадают». Несколько далее он говорит: «Китайский аршин нашего плису с трудом продается по 2 чина серебра; им завалены все большие и малые лавки; сукна наши, коих аршин стоит около 6 чин серебра, с трудом... находят себе покупателей по 3 чина».

Длительный характер указываемых автором донесения причин кризиса заслуживает того, чтобы на них остановиться. Глубокие пережитки феодального строя в тогдашнем Китае, засилье помещиков, закабаленность китайского крестьянина (малоземелье, кабальная аренда, налоги), климатические условия — были основными причинами, которые создавали длительный сельскохозяйственный кризис, периодические голодовки китайскаго крестьянства, а отсюда и кризис сбыта.

Не без основания Морачевич пытается связать экономику России 30-х годов с усиленным движением русской мануфактуры на китайский рынок, повлиявший, известным образом, на цены. М. Н. Покровский относительно 20 годов XIX в. говорит следующее: «Крепостная Россия, с насильственно задерживаемыми в деревне натурально-хозяйственными порядками, не могла представлять собой рынка для столь бурно развивавшейся промышленности, — уже в конце 20-х годов внутренний рынок считался исчерпанным» [1]). Внутренний кризис сбыта обострялся неурожаями первой половины 30-х годов, о которых упоминает Морачевич. Так, проф. Рожков для знаменитой Прохоровской мануфактуры насчитывает в первой половине 30-х годов 3 кризисных и вместе с тем неурожайных года: 1831/32, 1832/33 и 1835/36, причем для кризиса сбыта он считает неурожай конечной причиной [2]).

Какие же методы рекомендует иеромонах Вениамин Морачевич для борьбы с кризисом? «Для поддержания выгоднейшего сбыта на Кяхте наших фабричных произведений весьма полезно было бы умерять их отпуск...».

Пролагая дорогу на китайский рынок русской фабрике, следя за движением цен на этом рынке, Пекинская миссия в половине 40-х годов предупреждает правительство об угрозе, которая в недалеком будущем может вырасти со стороны иностранного капитала в Китае, — в частности, со стороны английского, открывшего себе двери в Китай со времени Нанкинского договора (1842 г.). Поликарп (начальник миссии) отмечает, что успешный сбыт в Северном Китае нашего основного товара, туда ввозившегося, русских грубых сукон, драдедама, основанный, главным образом, на относительной дешевизне в 40-х годах русской шерсти

---

[1]) М. Н. Покровский. Внешняя политика, Сборник статей, изд. 1918 г., статья «Константинополь», стр. 21.

[2]) «Историк-марксист» 1927 г., т. 6, стр. 108.

по сравнению с западно-европейской [1]), может быть временным, и поэтому предлагает русской промышленности новый рынок сбыта — Западный Китай, менее доступный англичанам и более близкий к России [2]). Как известно, торговля с Западным Китаем завязывается в 50-х годах. Что касается английской конкуренции на китайском рынке, то она ярко сказалась в качестве одной из причин упадка кяхтинской торговли со второй половины 60-х годов, правда, не в том виде, в каком рисовал себе ее архим. Поликарп: кантонский чай, доставляемый англичанами морем, начинает вытеснять в России своей дешевизной кяхтинский чай, а это было одним из важнейших обстоятельств, повлекших за собой сужение торговых оборотов России с Китаем через Кяхту (следовательно, уменьшение сбыта русской мануфактуры), — и за 10-летие 1869—1880 гг. этот сбыт сократился больше чем в 2 раза [3]).

Все сказанное выше еще раз подтверждает всю лживость мнений буржуазных историков Пекинской духовной миссии об ее аполитичности, в частности, несостоятельность утверждения исследователя миссии иеромонаха Николая (автора 2-томного труда «История Пекинской духовной миссии» (Казань, 1887), который пишет, что миссия «не вмешивалась в политику, не интриговала при дворе богдыхана, не увлекалась и меркантильными целями» (стр. 12). Царское правительство, затрачивая средства на содержание миссии и поддержание ее деятельности, знало, что делало это не впустую: в лице миссии оно имело не плохо организованную, под мантией религии, систему не только политического, но и экономического шпионажа в стране, доступ в которую иностранцам в 30-х и 40-х годах представлял еще большие трудности.

Охвостье Пекинской духовной миссии, безвозвратно выброшенное Октябрьской революцией заграницу, продолжает свои старые традиции верного слуги капитала, являясь орудием антисоветской травли и агитации в руках иностранного империализма.

Г. Л.

---

[1]) По данным коммерческих отчетов МИД за 1850 г., цена русского мизерицкого сукна оказывалась на китайском рынке на 11% дешевле сукна бельгийского соответствующего сорта; цены соотв. 2—45 и 2—66 арш. Арх. МИД. СПБ. Гл. арх. П—3—1839, № 6, ч. II.

[2]) Донесение архим. Поликарпа от 20/IV 1844 г.

[3]) Арх. МИД. СПБ. Гл. арх. П—3, 1863—80, № 3. «Общие сведения о ходе сухопутной торговли России с Китаем через Кяхту».

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны. С предисловием *А. Попова* . . . . . 3—37

К истории Октябрьских дней в Петрограде. (Из материалов Петроградского Военно-революционного комитета). С предисловием *Вл. Елагина*. . . . . 38—62

Флот после Октябрьской победы. С предисловием *А. Дрезена* . . . . . 63—99

Церковь и руссификация бурято-монгол при царизме 100—126

Адриан Михайлов и гр. М. Т. Лорис-Меликов . . . 127—138

Из записной книжки архивиста

Из переписки С. М. и Н. М. Романовых в 1917 г. Сообщил *А. С.* . . . . . 139—150

Иностранные дипломаты о революции 1905 г. Сообщила *Э. Тененбаум* . . . . . 151—157

Из истории рабочего движения в Караганде. Сообщил *Н. Болотников* . . . . . 158—162

Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30—50 гг. XIX в. Сообщил *Г. Л.* . . . . . 162—166

Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД
НА ЖУРНАЛ
ИСТОРИК-МАРКСИСТ

Орган Общества историков-марксистов и института истории Комакадемии

Год издания 8-й — 6 номеров в год

Журнал ставит своей задачей дать марксистско-ленинскую разработку исторических проблем и вопросов исторического знания в области конкретной истории и ее методологии, а также методики преподавания исторических дисциплин. Одновременно журнал ведет непримиримую борьбу на два фронта со всеми и всяческими извращениями марксизма-ленинизма в области исторической науки и в частности уделяет особое внимание разоблачению контрреволюционных социал-фашистских и троцкистских теорий.

Журнал освещает актуальные вопросы под углом зрения максимального приближения к задачам социалистического строительства и задачам борьбы мирового пролетариата, дает хронику работ историков, в частности освещает работы над коллективными темами „История фабрик и заводов“ и „История гражданской войны“ и т. д.

В журнале уделяется достаточное место вопросам развития исторической науки за пределами СССР.

Журнал рассчитан как на историков, занятых научной и педагогической работой, так и на широкие круги активистов-общественников, аспирантов вузов и комвузов.

Особое значение имеет журнал для парткабинетов, методических бюро и комиссий, ведущих руководящую работу при Агитпропах по преподаванию истории классовой борьбы, истории партии в партшколах и др. учебных заведениях.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — **15** руб., на 6 мес. — **7** руб. **50** коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 2 руб. **50** коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: отделениями, магазинами и киосками Партиздата, всюду по почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях.